9(47)16
4-82

ЧУДОВИЩНЫЕ ЗЛОДЕЯНИЯ ФИНСКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР
1945

1953

Библиотека
В Натолот

169204

9(47)XVI
4-82

Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР

Сборник документов и материалов

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБ-КА
Партийных Курсов
Ленинградского Обкома и Горкома ВКП(б)
Инв. № 169204
ДВОРЕЦ УРИЦКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР
1945

Составители:
С. Сулимин, И. Трускинов, Н. Шитов

Обложка художника Т. Давид
Ответственный редактор А. Пази

Подписано к печати 12-IX 1945 г. 19 печ. листов. 17,75 учетн.-авторск. листов. Госиздат Карело-Финской ССР № 8. Заказ №1151. Тираж 5000. Е-05638. Цена 12 руб.

4-я типография им. Евг. Соколовой
треста «Полиграфкнига» ОГИЗа
при СНК РСФСР,
Ленинград, Измайловский пр., 29.

ПРЕДИСЛОВИЕ

За последние 25 лет финские захватчики трижды вели военные действия против народа Советского Союза. Они врывались на территорию Советской Карелии и творили здесь чудовищную расправу над мирным населением.

Датский писатель Мартин Андерсен Нексе, посетивший Карелию, в 1923 г. писал: «Я не хочу перечислять дьявольских жестокостей, которые учинялись финляндскими белогвардейцами над несчастным населением Карелии... То, что белая Финляндия совершила над... карельским народом, относится к самым мрачным и позорным страницам в истории современной реакции».

В 1918—1922 гг. карельский народ грудью встал на защиту своей свободы, независимости и при поддержке великого русского народа изгнал финских захватчиков из пределов Советской Карелии.

Но тогда для уцелевших на войне финских бандитов и их немецких наставников преступления сошли безнаказанно. Грабители и убийцы остались на свободе. Более того — официальная финская печать восхваляла их злодейские дела, охотно помещала воспоминания участников бандитских походов в Советскую Карелию.

Так например, в 1919 г. финские газеты обошло такое воспоминание участника белофинского Олонецкого экспедиционного отряда: «С пленными красноармейцами мы обращались в зависимости от их количества, — маленькие группы мы расстреливали из

винтовок, большие из пулеметов. Так, помню, один раз мы вывели 300 красных пленников в поле.., согнали их прикладами в кучу и начали косить из пулемета. В воздухе стоял стон, который в конце-концов был покрыт трескотней пулеметов и стих. Здесь не миловали и не жалели. Все до одного остались в поле. Некоторые утонули в собственной крови.

В другом случае, захватив у реки группу пленных, мы, недолго думая, потопили их. Какое-либо расследование мы находили излишним. Олонец сейчас походит на кладбище. Почва там мягкая, кладбища очень хорошие» [1].

Империалисты Финляндии всегда находили средства на содержание антисоветских банд, а сами бандиты состояли на государственной службе. Нужно ли поэтому удивляться, что звериный антисоветский шовинизм стал официальной идеологией империалистической Финляндии, а захватнические антисоветские планы финской военщины стали самыми популярными идеями в среде реакционной финской буржуазии.

С того дня как в 1918 г. клика воинствующих империалистов утвердила свое господство в Финляндии, она открыто возвестила, что не вложит меча в ножны до тех пор, пока за счет советских территорий не будет создана «Великая Финляндия». Этой сумасбродной цели финские империалисты подчинили всю свою деятельность. Они разжигали в финском народе звериную ненависть к славянам, русским, ко всем советским народам. Многие годы Финляндия бешено готовилась к войне против Советского Союза. Особенно яростно в этом направлении действовала реакционная клика Рюти — Таннера.

Один из финских фашистов, Кууси писал: «Для психологической подготовки населения к войне должно быть использовано все, безоговорочно все: церкви, театры, печать, кино, система народных школ, радио, писатели, художники, молодежные общества, рабочие организации, женская лига, сектантские проповедники и народные представители. И все должно быть мобилизовано для укрепления нашего психологического фронта».

---

[1] Сообщение Российского телеграфного агентства о жестокости белофиннов. (См. «Петроградскую Правду», № 147, от 4 июля 1919 г.).

Все эти перечисленные рычаги были пущены на полный ход для подготовки антисоветской войны. Учебники истории финских средних школ вдалбливали в головы финской молодежи: «Славяне всегда были самыми ярыми врагами финно-угорских племен... Восточный сосед — наш враг. Так было во время Северной войны, так обстоит дело и теперь». Перед войной с СССР в магазинах Хельсинки продавались географические карты, на которых была изображена «Великая Финляндия», причем ее восточной границей был Уральский хребет.

Таким образом финские империалисты вышколили массовую армию вторжения, распаленную захватническими планами, подготовили многочисленные кадры будущих военных преступников для зверских расправ над советскими людьми.

22 июня 1941 г. гитлеровская Германия вероломно напала на СССР. Наступил долгожданный момент и для финской военщины. Готовясь к разбойничьим захватам советской земли, финская реакционная клика заблаговременно впряглась в гитлеровскую колесницу, рассчитывая на легкое осуществление своих антисоветских планов. 22 июня 1941 г. финские войска, действуя вместе с немецкими, вторглись в Советскую Карелию и в пределы Ленинградской области. Председатель финского сейма Хаккила в июле 1941 г., объясняя это вторжение, говорил: «Мы долго ждали изменения мировых событий в благоприятную для нас сторону, и так как теперь, к нашему счастью, совершился такой благоприятный оборот, то мы прицепились к нему с реально-политической активностью».

Официально провозглашалась программа войны. Финская печать с циничной откровенностью писала, что перед финской армией стоит задача: «Прикрыть дыхательные пути русским и этим помочь немцам, помочь им в разгроме великой России и извлечь себе из этого выгоды».

В специальной инструкции финского командования говорилось: «Присоединение Восточной Карелии к Финляндии не новый вопрос. Это осуществление многолетних надежд... Речь идет о присоединении к Финляндии территории со значительными природными богатствами».

Финские захватчики мечтали превратить Карелию

в свою колонию, а советских людей — в своих рабов. Журнал «Суомен кувалехти» в одной статье (август 1941 г., № 34) писал: «Русская человеческая масса, под руководством цивилизованного человечества, могла бы быть очень хорошим военным орудием. Из нее можно создать первоклассные колониальные войска... Она будет также являться прекрасной дешевой рабочей силой, если усердно применять кнут и поддерживать безжалостную дисциплину».

Таковы были рабовладельческие планы финских империалистов. А наряду с этим правители воюющей Финляндии пытались ввести в заблуждение мировое общественное мнение по вопросу о целях и характере своей войны против СССР.

На деле они вместе с немцами начали и вели против Советской страны разбойничью, захватническую войну; на словах же они, одновременно, и декларировали свои разбойничьи планы и лицемерно предлагали считать свою войну «оборонительной», ради ограждения «безопасности Финляндии».

Кровожадные вояки из лагеря Рюти — Таннера на деле изо всех сил помогали Гитлеру задушить и поработить Советский Союз; на словах же, обращаясь к общественности США, Швеции и Англии, они твердили: «У нас своя война, и ничего общего с войной, которую ведет Германия, мы не имеем».

Такой наглой ложью финские захватчики рассчитывали повлиять на общественное мнение США и Англии, предотвратить с ними столкновение и избежать общей с гитлеровской Германией ответственности в случае неудачного для немцев исхода войны.

На полях сражений финские военные преступники соревновались в изуверстве и садизме с немецко-фашистскими разбойниками. Многочисленные документы, акты, показания очевидцев свидетельствуют о чудовищных истязаниях, пытках и надругательствах над попавшими в плен к финнам беззащитными ранеными красноармейцами и советскими офицерами. Раненым советским воинам финны выкалывали глаза, вырезали на груди звезды, заживо сжигали на кострах. Расправы поощрялись. Вот характерное признание, сделанное пленным солдатом Юхо Койвунен из 101 пехотного полка: «В нашем взводе солдат Юхо Кивистё, забавляясь, расстрелял много пленных красноармей-

цев. Узнав об этом, капитан Виккери сказал: «Мне такие солдаты нужны».

Офицеры давали соответствующие приказы и показывали личный пример. Впрочем в исполнителях истязаний недостатка не было. Пленный солдат Лаури Ройванен из 22 отдельного батальона показал: «У Медвежьегорска пленных красноармейцев заставили рыть могилы для убитых в бою. Офицер приказал после окончания работы прикончить пленных тут же. Они были все убиты». Один из таких исполнителей, Укко А. Хууско в письме к своему брату, тоже солдату, Теуво Хууско откровенно рассказывает: «Вейкко задушил одного русского и добыл у него много всякой всячины, как-то: золотые часы, бинокль, пистолет, компас, три золотых зуба и прочую мелочь. Здесь ребята, которые не поленились переворачивать трупы, здорово поживились».

Командир 7-й роты 30 пехотного полка Сеппо Русанен приказал отрубить голову убитому красноармейцу, выварить ее в котле и череп затем держал у себя на столе. Фотографии черепа распространялись среди солдат. Этот чудовищный факт признан финским командованием в специальном приказе по армии.

Диверсионный финский отряд напал ночью на госпиталь в Петровском Яме. Выбегавших и выползавших из подожженного здания раненых, медсестер и врачей финские бандиты встречали автоматными очередями и ударами ножа.

Финские лагери для советских военнопленных были лагерями смерти. Об этом рассказывают немногие уцелевшие в лагерях советские военнопленные.

В лагерь Семен-Наволок, в Олонецком районе, пригнали 220 военнопленных. Раненым никакой медпомощи не оказывалось. Кормили пленных нечищеной гнилой картошкой, спали они на холодных досках пола... За 2 года здесь умерло 125 человек из 200, остальных финны угнали с собой при отступлении. В лагере военнопленные, голодные, разутые и раздетые, выполняли непосильные каторжные работы.

В подобном положении содержались заключенные и в других лагерях — разница лишь в той или иной степени изощренности и изобретательности лагерной

администрации в истязаниях и убийствах советских военнопленных.

Фашистские захватчики протрубили на весь мир, что они идут в Восточную Карелию «освобождать братьев карел» от «ига большевиков». Эти «освободители» с первых дней оккупации Советской Карелии установили разбойничий режим грабежа и истребления всего мирного советского населения.

Разбой, грабеж, убийства в оккупированных районах осуществлялись под руководством специально организованного военными властями «Управления Восточной Карелией».

Подавляющее большинство мирного советского населения было объявлено пленными и загнано в концентрационные лагери. Беззащитные женщины, старики и дети содержались за колючей проволокой и принуждались к каторжным работам. Такие лагери действовали в Петрозаводске, Медвежьегорске, Кондопоге и в других оккупированных городах и селах. В Петрозаводске подполковник Котилайнен и генерал-майор Араюри создали 6 лагерей, в которые было заключено свыше 25 тысяч советских граждан. Вместе с заключенными советскими гражданами в Петровском, Пряжинском, Медвежьегорском, Олонецком и в лагерях других районов общая численность заключенных составляла свыше 31 тысячи человек.

Фашистские палачи расстреляли, повесили, уморили голодом и сгубили на непосильных работах свыше 14 тысяч советских граждан.

Вот что рассказывают уцелевшие заключенные Ильинского лагеря: «Мрачные бараки были обнесены высокой стеной колючей проволоки. При 16—18-часовом рабочем дне заключенным выдавалось 125 граммов эрзац-хлеба. Работали все — и старики, и дети. Голодные, изнуренные, они обязаны были ежедневно ходить много километров до места работы, таскать на себе бревна и огромные глыбы гранита. Того, кто, обессилев, не мог работать, избивали палками. Так был забит насмерть 70-летний старик Анискевич. У лагерников не было теплой одежды и обуви. Волков, Голубь, Воронина, Лаврова и другие отморозили ноги и руки и умерли».

Особенно изощрялись захватчики в своих издевательствах над русскими и украинцами. Они заста-

вляли их выполнять самые тяжелые работы, зимой отбирали у них обувь, морили голодом.

Русских людей заражали сыпным тифом. В лагере был сыпно-тифозный изолятор. Сюда начальство лагерей бросало десятки здоровых людей, а затем переводило их снова в общие бараки. Заключенные подвергались телесным наказаниям. Их били плетью со свинцовым наконечником.

Оккупационные власти задались целью уничтожить в оккупированных районах советских людей, и эту чудовищную цель они осуществляли в плановом порядке изо дня в день.

Учитель Николай Александрович Старцев, заключенный в Петрозаводский лагерь № 3, рассказал: «Заключенные в лагерях сразу же были поставлены на голодный паек. Женщины, малые и старые, с опухшими ногами, на ходу качаясь от ветра, рвали крапиву и траву в надежде ими утолить голод. Люди искали в помойках загнившие кости, перемалывали их на муку и ели. Более ловкие били из рогаток ворон. Крысы, кошки и собаки все были съедены. На почве голода и скученности возникла эпидемия тифа. Гробовщики не успевали делать гробы. В наскоро сколоченных ящиках трупы умерших сваливались в сарай и оттуда по 30—40 трупов враз вывозились на кладбище в «Пески». Я схоронил тогда свою сестру и мать. За 6—7 месяцев вымерла половина жителей 3-го лагеря. Это, примерно, 2,5 тысячи человек».

В Петрозаводских лагерях финские изверги истребили свыше 7 тысяч советских граждан.

Иван Петрович Новиков был направлен из Петрозаводского лагеря № 5 на лесозаготовки в Кутижму. Он рассказывает, что советские люди, согнанные финнами в Кутижму, настолько истощали от голода и изнурительной работы, что их приходилось из леса в барак привозить на санках. «На моих глазах,— говорит Новиков,— умерли, придя с работы, Кутчин Семен, Феопентьев Василий, Ложкин Иван, Люшхин и др. За время лесозаготовок в Кутижме из 500 человек умерло 300».

Больных советских людей финские врачи избивали и умерщвляли. Так, по рассказу Надежды Васильевны Кюршевой, в Кутижме финский врач — его правильнее будет назвать палачом — Колехмайнен

вместо оказания медицинской помощи избивал больных.

«Однажды, находясь в больнице, — рассказывает т. Кюршева, — я видела, как к Колехмайнен пришел больной и пожаловался на головную боль. Доктор взял больного советского гражданина за волосы и стал его бить о печку головой. Избив его до потери сознания, Колехмайнен вытолкнул больного за дверь. Другому 20-летнему парню, обратившемуся за помощью, Колехмайнен дал 20 различных таблеток и велел тут же принять. Через 15—20 минут больной скончался».

Избиения, пытки и «будки» (карцеры) финские лагерные власти применяли как свою систему обращения с советскими гражданами, заключенными в лагери.

Финские захватчики пытались разобщить население оккупированных районов Советской Карелии, разжигали всеми средствами национальную рознь и вражду карел к русским. Ради этого оккупанты физически разгораживали русских и карел: часть карел жила за пределами лагерей, могла пользоваться подачками финских властей.

Но фашистским захватчикам не удалось развратить карельский народ своей провокационной политикой, им не удалось перетянуть карел на свою сторону. Карельский народ остался верен своей Советской Родине, лишь ничтожная кучка изменников и предателей пошла в услужение к финским оккупантам. Датский писатель и военный корреспондент Херсхольт Гансен, побывавший во время финской оккупации в Карелии, отмечал: «Ничто не произвело такого глубокого впечатления на финских солдат, как то, что народ, который «освобожден» по приказу Маннергейма, знать ничего не желает о финнах».

Шведская газета «Гетеборгс постен» 12 декабря 1942 г. констатировала, что для многих финнов было «горьким разочарованием увидеть карела, с воодушевлением сражающегося на стороне русских против Финляндии, узнать, что партизанами, особенно беспокоящими финнов, являются карелы».

Финские оккупанты безудержно грабили советских граждан. В специальном приказе по Управлению Восточной Карелией финские военные власти так узако-

нивали грабеж: «Колхозную собственность, сельхозмашины, инвентарь и другое имущество, а также домашний скот следует учесть и объявить трофеями». Захватчики за время оккупации разграбили имущество отдельных граждан, колхозную собственность, достояние советского государства. Они вывезли в Финляндию оборудование крупнейшего в Карело-Финской республике Онежского металлургического и машиностроительного завода, оборудование десятков лесозаводов и механизированных лесных предприятий, запасы продукции бумажных комбинатов, средства транспорта, связи, 59 тысяч голов крупного и мелкого рогатого скота, около 10 тысяч лошадей, тракторы, автомашины, до 4-х миллионов кубометров заготовленного советскими людьми в 1941 г. леса, 1 миллион 670 тысяч центнеров зерновых и 244,5 тысячи тонн картофеля.

Для советского населения оккупированных сельских местностей, проживавшего вне лагерей, финские оккупанты, действуя по немецкому образцу, установили «новый порядок». Так например, в Олонецком районе колхозы были «оставлены», но во главе их финские власти поставили своих начальников. Колхозники принуждались к работе в этих хозяйствах, получая за свой труд самую ничтожную оплату, сельскохозяйственная же продукция из этих хозяйств полностью отправлялась в Финляндию. Крестьяне были в полной зависимости от произвола изменников-старост и финских полицейских, квартировавших в каждой деревне.

Все ценности, которые было невозможно вывезти в Финляндию, оккупанты безжалостно уничтожали. Они разрушили в Петрозаводске крупнейшую в СССР лыжную фабрику, разрушили Петрозаводский железнодорожный узел, взорвали и сожгли городские электростанции, полностью уничтожили всю промышленность в Петрозаводске, значительную часть жилого фонда, разгромили и сожгли Университет, Научно-исследовательский институт культуры, Публичную библиотеку.

Огромным разрушениям подверглись также другие города и села Карело-Финской ССР.

Финские захватчики сожгли Кондопожский целлюлозный завод, пегматитовый завод, Повенецкий судо-

ремонтный завод, взорвали шлюзы Беломорско-Балтийского канала имени товарища Сталина.

При этом, с особенной тщательностью оккупанты уничтожили культурные учреждения карело-финского народа, школы и музеи, библиотеки, Дома культуры и памятники.

Финские захватчики уничтожили полностью 84 населенных пункта, частично — 409, превратили в руины и пепел до 200 промышленных предприятий.

Убытки, нанесенные финско-фашистскими захватчиками народному хозяйству Карело-Финской республики, исчисляются в сумме 20 миллиардов рублей.

Книга «Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков» составлена на основании неопровержимых документов, рассказов и писем советских людей, вырванных Красной Армией из лап фашистских палачей. В этой книге повествуется правда о кошмарных злодеяниях, учиненных захватчиками во временно оккупированных ими районах Карело-Финской ССР.

Не измерить ничем страданий и мук советских людей в мрачные дни финско-фашистской оккупации. Не взвесить бесценную кровь советских людей, пролитую фашистскими палачами, задавшимися целью истребить поголовно все советское, в особенности все русское население Восточной Карелии.

Бредовые планы финско-фашистских захватчиков потерпели полный крах. Красная Армия вышвырнула прочь немецко-финских извергов и освободила из-под финского ярма измученные и израненные города и села Карело-Финской ССР.

Интересы народов Советского Союза и всех свободолюбивых наций требуют привлечения к суду всех военных преступников, всех тех — кто прямо и непосредственно организовывал и разжигал пламя преступной войны против мирных народов СССР, Англии и США. Суду должны быть также преданы и те лица, которые грабили, порабощали, истязали и убивали в оккупированных странах невинных людей.

Преступники изобличены. Теперь они должны понести ответственность за свои преступления.

Секретарь ЦК КП(б) К-Ф ССР *Г. Куприянов*

СООБЩЕНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ И ИХ СООБЩНИКОВ

О ЗЛОДЕЯНИЯХ ФИНСКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР

На временно оккупированной территории Карело-Финской ССР правительство и верховное военное командование Финляндии, осуществляя свои империалистические планы, стремились поработить советских людей, уничтожить культуру народа и превратить Карело-Финскую ССР в колонию. В наставлении так называемого «Восточно-Карельского просветительного отдела» Финского штаба, захваченном Красной Армией при разгроме штаба 13-го берегового артиллерийского полка в июне 1944 года, указывается воинским частям на необходимость осуществления захвата территории Карело-Финской ССР и других областей Советского Союза. В нем говорится: «...Если в Финляндии теперь недостает строительного леса, то богатые леса Восточной Карелии ждут превращения их в капитал. Преимущественно в Восточной Карелии лес старый, созрелый, в то время как в Финляндии он молодой, малопригодный как строительный материал. К тому же вывоз леса из Восточной Карелии при наличии такого большого количества рек и озер стоит малых затрат. Экономическая же выгода от этого очень велика».

Финское правительство с беспримерной наглостью объявило все советское население на захваченной территории пленным и заключило мужчин, женщин, стариков и детей в специально созданные концентрационные лагери, создав в них режим голода, истязаний и непосильного изнурительного труда с целью преднамеренного истребления советских людей.

Комиссия в составе: депутата Верховного Совета Союза ССР генерал-майора Куприянова Г. Н., председателя Совнаркома Карело-Финской ССР Прокконен П. С., полковника Никитина Д. Н., с участием представителя Чрезвычайной Государственной Комиссии Макарова В. Н. и судебно-медицинских экспертов расследовала и установила факты беспримерных злодеяний, совершенных финско-фашистскими оккупантами на временно захваченной ими территории Карело-Финской ССР.

Разрушение городов и сел Советской Карелии

Город Петрозаводск, основанный в 1703 году Петром Первым на западном берегу Онежского озера, за годы советской власти стал крупным центром промышленности и культуры Карело-Финской Советской Социалистической Республики.

Финско-фашистские захватчики за время оккупации, и особенно перед отступлением, подвергли столицу Карело-Финской ССР огню, грабежу и разрушениям.

В непримиримой ненависти к советской культуре финны сожгли и разграбили в Петрозаводске Университет, Научно-исследовательский институт культуры, Публичную библиотеку, Государственную филармонию, Дворец пионеров, театр, музыкальное училище, два педагогических училища, индустриальный техникум, пять школ, девять детских садов, кинотеатр, физиотерапевтическую лечебницу, психоневрологический диспансер, разграбили Государственный музей, взорвали и сожгли все мосты и свыше 485 жилых домов, в том числе дом, где жил знаменитый поэт XVIII века Г. Р. Державин, варварски разрушили памятники В. И. Ленину и С. М. Кирову.

Они полностью уничтожили промышленность города, разрушили железнодорожный узел, сооружения

Петрозаводск. Все, что осталось от красивого здания Северной гостиницы, взорванного финскими захватчиками.

и флот Беломорско-Онежского государственного пароходства, все предприятия связи. Перед уходом из Петрозаводска финны взорвали, сожгли и разрушили семь электростанций, три плотины, фидерную подстанцию, трансформаторные киоски, вывезли в Финляндию ценное электрооборудование.

Финские захватчики взорвали и уничтожили электростанцию, плотину, жилой фонд, подсобные предприятия старейшего Онежского металлургического и машиностроительного завода, хозяйство которого создавалось на протяжении столетий и особенно за годы советской власти. При этом захватчики вывезли в Финляндию оборудование всех 20 цехов завода.

Финны разрушили в Петрозаводске крупнейшую в Советском Союзе лыжную фабрику, выпускавшую до войны в год свыше 500 тысяч лыж первоклассного качества, сожгли лесопильные заводы, уничтожили холодильник, типографию, ликерно-водочный и пивоваренный заводы, хлебозаводы, взорвали надворные сооружения и цехи судостроительного завода.

В оккупированных районах Карело-Финской ССР фашистские захватчики уничтожили все механизированные предприятия и сооружения лесозаготовок и лесосплава, сожгли четыре лесопильных завода и мебельную фабрику, Кондопожский целлюлозный завод, взорвали водосброс на Кондопожской государственной электростанции, электростанцию в Медвежьегорске, Повенецкий судоремонтный и Кондопожский пегматитовый заводы и много других предприятий. Крупнейшие разрушения финские оккупанты причинили сооружениям Беломорско-Балтийского канала имени Сталина: взорвали семь шлюзовых ворот, аварийные ворота, эстакадные стенки камер шлюзов, плотины, дамбы, водоспуски, бетонные устои. Такие же разрушения финские погромщики произвели во всех городах и большинстве сел Карело-Финской ССР.

Финские захватчики пытались превратить мирных советских граждан в своих рабов

Сразу же после вторжения в Карело-Финскую ССР фашистские захватчики объявили советских людей пленными и заключили их в специальные концентрационные лагери.

В городе Петрозаводске было организовано шесть таких лагерей, в которых содержалось до 25 тысяч человек — женщин, детей и стариков. Концентрационные лагери для мирных граждан были организованы также в Медвежьегорске, близ города Олонец, в совхозе Ильинском и в других местах Карело-Финской ССР. Во всех лагерях финнами был установлен для заключенных жесточайший режим издевательств, изнурительных непосильных работ, пыток и насилий.

Территория лагерей была обнесена высоким забором и колючей проволокой. С 7 часов утра «пленников», не считаясь ни с полом, ни с возрастом, ни с состоянием здоровья, под конвоем выгоняли на тяжелые, изнурительные работы. «Пленным» советским гражданам в лагерях в качестве питания выдавали в день 100—200 граммов недоброкачественного хлеба и нерегулярно — по 200 граммов мороженого картофеля или гнилую колбасу из конского мяса. Охрана лагерей, которую возглавлял полковник Рольф Шильд, истязала поголовно всех советских людей, заключенных в лагери. Финские рабовладельцы избивали заключенных за невыполнение норм выработки, за неправильную укладку дров в поленницы, за недостаточную почтительность к чинам охраны, били и истязали без всяких поводов. Одной из мер наказания было также лишение пайка на двое-трое суток и заключение в карцер.

«Пленных» мирных советских людей финские палачи подвергали невероятным истязаниям и пыткам. Один из жителей Петрозаводска, давший свои показания Следственной комиссии, Новиков Б. И. был очевидцем того, как в лагере № 2 финны отобрали 30 человек, как якобы военнопленных. Их увезли на улицу Льва Толстого, где подвергли мучительным истязаниям. «Пленным» жгли пятки каленым железом, били резиновыми палками, затем 15 человек из них расстреляли. Остальные 15 человек через 25 суток были возвращены в лагерь № 2. Пленный финский солдат 1-й роты 2-го батальона бригады самокатчиков бронетанковой дивизии Лагуса Вилхо Куркила показал: «Когда мы вошли осенью 1941 года в город Петрозаводск, то населения там не нашли: все оно разбежалось по окрестным лесам. Финские власти издали приказ, которым предлагали населению

169204

под угрозой расстрела немедленно вернуться в город. Были созданы отряды для поимки населения и возвращения его обратно в Петрозаводск. Население таким образом собрали и загнали в лагери. Один лагерь был создан в Кукковке, другой — в местечке под названием «Дорога в Соломенчуги», третий находился за радиомачтой. Всех, и старых и молодых, под конвоем гоняли на тяжелые работы. На людей было страшно смотреть — до того у них был несчастный и забитый вид. Очень многие не выдерживали и умирали. В то время когда жители находились в лагерях, мы, финские солдаты, очень хорошо пожили как в самом Петрозаводске, так и в окрестных деревнях. В домах оставалось все имущество местного населения и много продуктов. Все это добро было объявлено безнадзорным, и, разумеется, мы не зевали, брали все, что нам казалось подходящим. Много добра мы отправили родственникам в Финляндию, но особенно отличались в этих делах солдаты 3-й роты нашего батальона, да и другие не отставали от них».

Финны истязали в лагерях не только взрослых, но и детей, которые также считались «пленными». Пленный финский солдат 13-й роты 20-й пехотной бригады Тойво Арвид Лайне показал: «В первых числах июня 1944 года я был в Петрозаводске. На станции Петрозаводск я видел лагерь для советских людей. В лагере помещались дети от 5 до 15 лет. На детей было жутко смотреть. Это были маленькие живые скелеты, одетые в невообразимое тряпье. Дети были так измучены, что разучились плакать и на все смотрели безразличными глазами».

«Пленных» детей финские рабовладельцы наравне со взрослыми заставляли выполнять непосильную работу. Финский солдат Суло Иоганнес Ахо из 2-го отдельного батальона береговой обороны был очевидцем, как «в течение лета 1943 года было согнано свыше 200 человек, главным образом подростков, из ближайших деревень на строительство дороги в районе Толвуя и пристани Шитики. Все эти люди работали под охраной финских солдат как заключенные».

В сентябре 1943 года 10-летний мальчик Зуев Леня, содержавшийся в лагере № 2, хотел перелезть через

проволочный забор. Финский охранник заметил Зуева, без всякого предупреждения выстрелил в него и ранил мальчика в ногу. Когда Леня свалился, финн выстрелил в него вторично. Израненный Зуев с трудом дополз до зоны лагеря. Свидетельница Лахина Е. В., содержавшаяся в лагере № 5, сообщила Комиссии о жутких жилищно-бытовых условиях заключенных, находившихся в лагерях: «В помещениях в 15—20 кв. метров проживало от 6 до 7 семей. Бани и прачечной в лагере не было. Воду брали из канавы, в которой валялись человеческие трупы. Мыла совершенно не выдавали.

Среди «пленных» наблюдалась массовая вшивость. Нечеловеческие условия жизни в лагере повлекли за собой развитие эпидемий — цынги, дизентерии, сыпного тифа».

В результате голода и массовых эпидемических заболеваний во всех концлагерях была исключительно высокая смертность: ежедневно умирали десятки людей, трупы которых свозились на кладбище по 2—3 раза в неделю. Вот что рассказали об этом очевидцы. Очевидец Коломенский Алексей Прокофьевич, находившийся в 5-м петрозаводском лагере с 1 декабря 1941 года по 28 июня 1944 года, сообщил: «Работая возчиком, я вывозил из лагеря умерших на кладбище «Пески», расположенное в 5 километрах от города Петрозаводска. Умерших вывозили во вторник, четверг и субботу каждую неделю. По моим записям в мае 1942 года умерло 170 человек, в июне — 171, в июле — 164, в августе — 152. Всего с мая по 31 декабря 1942 года умерло в нашем лагере 1014 человек. В начале 1942 года в этом лагере было около 7,5 тысяч человек, а к моменту освобождения Красной Армией осталось 4,5 тысячи».

В Комиссию поступило письмо бывших заключенных в петрозаводских концлагерях, в котором они пишут: «Почти 3 года мы были оцеплены двойной колючей проволокой, окружены тюремными вышками и охранялись вооруженным конвоем. Нас морили голодом, избивали нагайками за малейшую провинность. Особенно зверствовали в лагере № 2 комендант лейтенант Салаваара, а также комендант лагеря Вильё Лаакконен... Для «правонарушителей», состоявших преимущественно из детей, молодежи и женщин, созданы

были лагери специального назначения в Кутижме, Вилге, Киндасове, по своим условиям не уступавшие средневековым казематам. Здесь советских людей морили голодом, выгоняли на лесные работы зимой в рваных резиновых галошах на босую ногу. Здесь население лагерей питалось мышами, лягушками, дохлыми собаками. Здесь умирали тысячи пленных от кровавого поноса, тифозной горячки, от воспаления легких — без всякой врачебной помощи. Врач-зверь Колехмайнен вместо лечения бил больных палками и кулаками, выгонял сыпнотифозных на мороз...» Под этим письмом подписалось 146 советских граждан — бывших заключенных в петрозаводских концентрационных лагерях.

О нечеловеческой жестокости финских негодяев в отношении к советским мирным гражданам, заключенным в концентрационные лагери, свидетельствует такой далеко не единичный факт. В руки Комиссии попало письмо бывшего студента университета в Хельсинки рядового 7-го пограничного егерского батальона Салминен, который в этом письме писал буквально следующее: «Вчера расстреляли двух русских, отказавшихся приветствовать нас. Уж мы покажем этим русским!»

В результате каторжного режима, болезней, пыток и расстрелов в петрозаводских лагерях истреблено свыше 7 тысяч советских граждан.

Комиссия под председательством депутата Верховного Совета СССР Дильденкина, председателя Петрозаводского городского Совета Степанова, профессора Петрозаводского университета Базанова, с участием судебно-медицинских экспертов: главного судебно-медицинского эксперта Карельского фронта, майора медицинской службы Петропавловского; главного патолога Карельского фронта, подполковника медицинской службы, доктора медицинских наук Ариэль и других, осмотрев петрозаводское кладбище «Пески», обнаружила 39 групповых могил и установила, что во всех этих могилах захоронено не менее 7 тысяч трупов. Судебно-медицинской экспертизой эксгумированных трупов установлено, что причиной смерти большинства погребенных являлось истощение. У части трупов имеются сквозные повреждения черепа огнестрельным оружием.

Финские палачи истязают и истребляют голодной смертью советских военнопленных

Фашистское командование в сентябре 1941 года организовало в городе Олонце Карело-Финской ССР пересыльный лагерь № 17, в котором содержались бойцы и младшие командиры Красной Армии, попавшие в плен на Свирском участке фронта. Территория лагеря была обнесена двумя рядами колючей проволоки высотой до 2 метров. Все здания лагеря также были изолированы друг от друга колючей проволокой. Количество содержавшихся в лагере военнопленных колебалось все время от 600 до 1000 человек единовременно. Комендант лагеря лейтенант Тойво Сойнинен в пьяном виде приходил в бараки и лично избивал военнопленных, а также приказывал избивать их своим подчиненным. Заместители коменданта Ингман и Салмела, следователь лагеря лейтенант Шепалис и военный чиновник Шмидт систематически, без всякого повода, жестоко избивали советских военнопленных палками и плетьми.

Советских военнопленных, которые, по мнению финско-фашистских палачей, плохо работали, ставили с вытянутыми руками на высокий пень и заставляли стоять в таком положении от 30 минут до полутора часов. В зимнее время такие пытки над военнопленными приводили к обмораживанию конечностей и тяжелым заболеваниям. Администрация и охрана лагеря не только пытали, истязали и морили голодом советских военнопленных, но и расстреливали их за малейшую «провинность». Бывший советский военнопленный Белан Т. показал, что один из финских солдат-охранников очередью из ручного пулемета застрелил военнопленного за то, что тот близко подошел к проволочному заграждению. За это убийство комендант лагеря Алапиес присвоил убийце звание капрала. Летом 1943 года военнопленный Быков, как показал свидетель Феклистов М. Е., по дороге с работы стал собирать грибы и отстал от группы. Комендант Сойнинен и охранник Хирвонен, встретив Быкова, по дороге возвращавшимся в лагерь, застрелили его из пистолетов.

При занятии Олонецкого района Красной Армией, в госпитале Олонецкого лагеря военнопленных была

найдена регистрационная книга больных военнопленных, которая дает яркую картину истребления финнами советских военнопленных. По записям книги значится, что только за первые шесть месяцев 1942 года из общего числа зарегистрированных 1888 больных в госпитале умерло от общей слабости, истощения и отечности 588 человек. Трупы умерших и замученных военнопленных закапывались в общей траншее, вырытой специально для этого в 100 метрах от лагеря.

Судебно-медицинская экспертная комиссия произвела эксгумацию и исследование трупов, обнаруженных на кладбище возле Олонецкого лагеря № 17. При судебно-медицинском исследовании трупов установлено, что подкожная жировая клетчатка, а также клетчатка внутренних органов истощена или полностью отсутствует, что свидетельствует о резком истощении, развившемся вследствие длительного голодания. У части трупов обнаружены следы огнестрельных ранений головы и грудной клетки.

На основании исследования трупов, показаний свидетелей установлено, что финско-фашистские палачи морили голодом советских военнопленных, применяли к ним пытки и истязания, а также расстрелы.

Финско-фашистские палачи убивают раненых офицеров и бойцов Красной Армии

Финско-фашистские мерзавцы добивают попавших в плен раненых советских офицеров и бойцов. Ниже приводится часть имеющихся в распоряжении Чрезвычайной Государственной Комиссии документов и показаний свидетелей, доказывающих беспримерные факты злодеяний белофиннов над советскими бойцами и командирами Красной Армии:

«Акт. Мы, нижеподписавшиеся, военврач 3-го ранга Голынский, военврач 3-го ранга Падарян, младший политрук Бестолов, старшина Бочкарев, санитар Жуков, красноармеец Босенко, военфельдшер Рябов, обследовав трупы зверски замученных белофинскими бандитами бойцов Красной Армии, констатируем следующее: 1) На трупе краснофлотца Кулешова: обрезано правое ухо, в области лица следы ударов прикладом и ряд штыковых ран, правая нога вывернута

в колене и тазобедренном суставе. 2) На трупе краснофлотца Зива: обожжены кожные покровы лица, усы и борода, в области правого глаза больших размеров кровоподтек, на левом виске имеется ранение, нанесенное холодным оружием. 3) На трупе красноармейца Кривулина: в области правой сонной артерии рана холодным оружием, вскрыта сонная артерия, перелом ключицы, ряд ранений на правом плече, верхнее веко левого глаза вырезано, поврежден глаз. 4) На трупе красноармейца Баранова: в области грудной клетки свыше 6 штыковых ран, на обоих пятках крестообразные ранения, нанесенные холодным оружием».

28 июня 1944 года во время боя за деревню Пуско-Сельга финны прорвались к месту, где были сосредоточены более 70 раненых бойцов и офицеров Красной Армии. Фашистские изверги учинили чудовищную расправу над советскими людьми, добивая их очередями из автоматов и ударами штыков, ножей и прикладов. От этой зверской расправы, притворившись мертвыми, случайно уцелели три человека: сержант Марков И. С. и бойцы Криворучко И. И. и Крючков В. В.

«Когда перестрелка прекратилась, — рассказал сержант Марков, — финские солдаты и офицеры стали обшаривать наших убитых и раненых. В нескольких метрах от меня лежал раненный в ногу сержант Щучка. Четыре финна подошли к нему, сорвали с гимнастерки гвардейский значок и расстреляли. Другая группа финнов исколола штыками и изрубила ножами раненого младшего лейтенанта Баранова. Кругом слышались стоны убиваемых. Некоторые раненые пытались спастись, отползая в сторону, но финские солдаты и офицеры настигали их и зверски расправлялись».

11 и 12 июля 1944 года майор медицинской службы, профессор патологической анатомии, доктор медицинских наук М. Е. Браул произвел вскрытие трупов зверски замученных финнами офицеров и бойцов Красной Армии в районе озера Котоярви. В результате вскрытия трупов установлено, что раненые были убиты после боя финскими солдатами и офицерами, из них: одиночными выстрелами и автоматными очередями убито 34 человека, раздроблены кости черепа тяжелым тупым орудием у одного чело-

века, выстрелами с одновременным раздроблением тупым орудием черепа убито 6 человек.

Сознательное истребление раненых бойцов и командиров Красной Армии финскими воинскими частями подтверждается многочисленными показаниями финских военнопленных. Солдат Юхо Хейсканен из 3-й пехотной бригады показал: «В Петрозаводске навстречу нам шли пленные красноармейцы. Их гнали ударами прикладов. Я видел раненого красноармейца: один из наших солдат взял автомат и застрелил его на месте». Солдат финской армии Вяйнё Неваранта из 21 отдельного батальона сообщил: «Наш батальон повел наступление севернее Медвежьегорска. За время этого боя попало к нам в плен около 100 красноармейцев. Их повели в тыл. Лейтенант Ниеми оставил часть раненых красноармейцев при себе, заявив, что их привезут после на подводах. Когда остальные пленные достаточно удалились от этого места, Ниеми стал из револьвера пристреливать раненых красноармейцев. Лично он застрелил 8 человек. Остальных велел прикончить одному из автоматчиков. Очевидцами этого были все солдаты нашего взвода».

Аналогичные показания дал Комиссии связной начальник тыла 27-го пехотного полка 18-й дивизии солдат Леопольд Ниеми: «Я знаю много случаев, когда финские солдаты и офицеры расстреливали русских военнопленных. В марте 1942 года при занятии острова Гогланд нами было захвачено в плен более 30 русских моряков. Я видел, как солдаты нашего 1 батальона расстреляли около дороги трех из них, а после допроса были расстреляны и остальные. Офицеры говорили, что русские матросы — это самые заядлые большевики и их нельзя оставлять в живых. Операцией по захвату острова руководил генерал-майор Пояри».

Секретной инструкцией штаба 7-й финской пехотной дивизии за № 511 частям финской армии предписано самое откровенное мародерство: «При всех обстоятельствах, как только позволяет обстановка, надо снимать с убитых солдат противника все обмундирование и снаряжение. В случае надобности к этой работе можно привлекать военнопленных. (Основание: телеграфное распоряжение штаба финской Карельской армии)».

Захваченный в плен Красной Армией бывший заместитель начальника Олонецкого лагеря военнопленных № 17 Пелконен на допросе показал: «Я полностью разделял проводимую финнами фашистскую пропаганду. В лице русской национальности я видел исконных врагов моей страны. С таким мнением я пошел воевать против русских. В лагере для советских военнопленных № 17 администрация лагеря, в частности мой начальник лейтенант Сойнинен, говорил, что русские, даже находясь в плену, продолжают оставаться для финнов врагами и не поддаются воспитанию, а способны соблюдать лагерный режим только после физических мер воздействия. На основании этого я, считая советских военнопленных за ничтожество, ощущал свое превосходство над ними и, пользуясь их беспомощностью, при всяком удобном случае вымещал на них злобу...»

Финских палачей к суровому ответу!

Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что виновными за все злодеяния, совершенные финско-фашистскими захватчиками на территории Карело-Финской ССР, являются, наряду с финским правительством и командованием армии, следующие лица: начальник Управления Восточной Карелией подполковник Котилайнен, начальник штаба Управления Восточной Карелией генерал-майор Араюри, командир 8-й дивизии финской армии генерал-майор Палоярви, командир 4-го финского пехотного полка 8 дивизии полковник Вистора, генерал-майор Пояри, полковник Рольф Шильд, военный комендант города Петрозаводска капитан Лаурикайнен, заместитель коменданта лейтенант Эломаа, коменданты концентрационных лагерей города Петрозаводска: Вильё Лаакконен, лейтенант Салаваара, майор Куурема, лейтенант Каллио, лейтенант Пентти Толонен, лейтенант Юхо Нуотто, Эрикяйнен, Кангас, заместители коменданта лагерей: Ингман, Айрола и Сеппяля, начальник канцелярии Сарайоки, комендант Олонецкого лагеря № 17 лейтенант Алапиес, лейтенант Тойво Сойнинен, заместители коменданта лагеря Салмела, Пелконен, следователи: лейтенант Шепалие, военный чиновник Шмидт, переводчики Корпелайнен, Пистиляйнен, начальник Киндосов-

ской тюрьмы капитан Тойвонен, его помощники: Кована и Сихвонен, комендант Киндосовского лагеря сержант Вихола, заместитель коменданта лагеря № 2 сержант Вейкко Линдхольд, сержанты: Пентти Алхонен, Эмиль Сивонен, Матти Юлилуома, Арво Вуори, Тюко Касимяки, Вейкко Ламбер, охранник Хирвонен, капрал Инкель Койвусало, охранник Эдвард Юлиманола, лейтенант Ниеми.

Все они должны предстать перед судом советского народа и понести суровую кару за совершенные злодеяния.

К ответу финских извергов!

Подлинная Финляндия, Финляндия без маски, предстанет сегодня перед нашей страной, перед всем миром в печатаемом нами Сообщении Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. Неоспоримые факты и документы, приведенные в Сообщении, устанавливают, что финско-фашистские захватчики являются сообщниками гитлеровских палачей. Советский народ и его союзники узнают с чувством возмущения и негодования о подлейших злодеяниях, совершенных финско-фашистскими захватчиками на территории Карело-Финской ССР.

Эти злодеяния разоблачают отвратительное лицемерие финских политиканов, пытавшихся уверить простодушных людей в том, что Финляндия будто бы ведет какую-то «особую» от гитлеровской Германии войну; что Финляндия будто бы преследует только задачи обороны; что Финляндия будто бы страна не фашистская, а демократическая ... Ныне, перед лицом неопровержимых фактов, финны изобличены в том, что в зверствах своих они ни чем не отличаются от немецко-фашистских извергов.

В начале войны, присоединившись к разбойничьему нападению гитлеровской Германии на советскую страну, финские авантюристы и не скрывали своих захватнических планов. Но они не отказались от своих планов и теперь, когда Германия близится к катастрофе, увлекая за собой и своих финских пособников.

Захваченный Красной Армией при разгроме штаба одной финской военной части документ прямо говорит об империалистических, захватнических целях финнов. В документе сказано: «...Если в Финляндии теперь недостает строительного леса, то богатые леса Восточной Карелии ждут превращения их в капитал...»

Империалистические, грабительские цели финского правительства и финского командования выражены во всей погромной политике финско-фашистских захватчиков в попавших временно в их руки советских районах. Чтобы превратить Восточную Карелию в свою колонию, финские разбойники обдуманно, систематически, планомерно уничтожали всю промышленность, созданную здесь русским народом на протяжении столетий. С особенной злобой разрушали финские погромщики то, что было создано в советские годы.

Финские захватчики уничтожали большие заводы с первоклассным оборудованием, фабрики, — им не нужна была промышленность в стране, которую они хотели превратить в колонию. Они поставили своей задачей превратить Восточную Карелию в пустыню. Они сознательно разрушили старинный город Петрозаводск, превратили в развалины институты, школы, клубы... Они действовали в захваченных местах точно так же, как немецкие захватчики, по одной и той же гитлеровской, разбойничьей программе разрушения всей советской культуры.

Разрушив все, что было создано советскими людьми, финские захватчики поработили поголовно все советское население Восточной Карелии, объявили всех советских людей военнопленными, нагло нарушая при этом все нормы международного права, требующего охраны жизни и труда мирного населения. Финским мерзавцам, как и немецким, международные законы не писаны. Законы совести, обычные человеческие чувства им неведомы.

Нам памятны страшные картины уничтожения советских людей в лагерях смерти. Перед нашими глазами страшным призраком стоит люблинский лагерь уничтожения. Но эту же картину мы видим в финских лагерях смерти. Те же зверства, те же избиения, пытки, убийства, те же ужасные массовые могилы, в которые свалены трупы замученных людей со следами истязаний, подлого надругательства.

Это не зверства отдельных палачей, финских садистов, двуногих финско-фашистских зверей с извращенными наклонностями, со страстью к мучительству. Нет, это система уничтожения народа, такая же система, какая применялась всюду в оккупированных районах немцами-захватчиками.

Как гитлеровские разбойники, финны-захватчики решили истребить поголовно все советское, в особенности все русское население Восточной Карелии. Об этом говорит умерщвление детей. Их медленно убивали голодом. Так делали и делают немецкие ироды. Так делали и делают их финские сообщники. Общая у них звериная ненависть к советскому народу.

Установлено участие в этих зверствах финских офицеров разного ранга. Как и гитлеровских офицеров, их нельзя считать воинами. Понятие о воинской чести им чуждо. Они бандиты, хуже бандитов. Когда читаешь в Сообщении о том, как финские разбойники в военной одежде убивали раненых советских бойцов и офицеров, как они истязали больных, как пытали военнопленных красноармейцев, воскресают в памяти страшные картины сожжения немцами раненых красноармейцев в Харькове, картины уничтожения советских военнопленных в Дарнице и во многих других местах. Это делали немцы-изверги. Это делают и финны-изверги.

Финские палачи выполняют приказы своего командования, выполняют охотно, с полной готовностью, потому что такова политика финского правительства. Финский фашизм по немецким гитлеровским образцам глубоко развратил и отравил националистическим ядом известную часть населения Финляндии. О глубоком нравственном падении, о моральном одичании финских фашистов говорит попавшее в руки Чрезвычайной Комиссии письмо бывшего студента университета в Хельсинки солдата финской армии Салминен. Этот финско-гитлеровский выродок писал: «Вчера расстреляли двух русских, отказавшихся приветствовать нас. Уж мы покажем этим русским!»

Этот молодой палач только повторял проповеди своих учителей — Таннера, Рюти и других. Уроки этих финских гитлеровцев усвоили обер-палачи в лагерях смерти. Заместитель начальника Олонецкого лагеря Пелконен заявил на допросе: «Я полностью

разделял проводимую финнами фашистскую пропаганду. В лице русской национальности я видел исконных врагов моей страны... Я, считая советских военнопленных за ничтожество, ощущал свое превосходство над ними и, пользуясь их беспомощностью, при всяком удобном случае вымещал на них злобу...»

Непосредственные виновники кровавых преступлений, чудовищных злодеяний установлены. Их имена названы. Среди палачей — финские генералы и полковники. Все они ответят за свои преступления, как и правители Финляндии и командование финской армии. Они изобличены раскрытыми могилами.

К суровому ответу финских палачей!

Передовая «Правды»
за 18 августа 1944 г.

I

ПОРАБОЩЕНИЕ, ОГРАБЛЕНИЕ И ИСТРЕБЛЕНИЕ МИРНЫХ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН ФИНСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ

1. ПОКАЗАНИЯ ПОСТРАДАВШИХ И ОЧЕВИДЦЕВ О ЗВЕРСТВАХ ФИНСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

АКТ

Мы, нижеподписавшиеся, бойцы, политработники, представители мирного населения, составили настоящий акт о зверствах и издевательствах над мирным населением и пленными красноармейцами со стороны финских захватчиков.

8 декабря 1941 г. в местечке бараков ББК (Беломорско-Балтийского канала) финны выгнали на улицу все мирное население, находящееся в бараках. Мужчин расспрашивали, где находится Красная Армия и сколько войск. Когда советские люди отказались дать сведения о наших частях, тогда финны на глазах жен и детей забрали мужчин из мирного населения, в том числе: Лобус Василия Иосифовича, рождения 1914 г., диспетчера пристани Медвежьегорск; Вербицкого Ивана Викентьевича, рождения 1916 г., слесаря механических мастерских местечка Пиндуши; Бажина Ивана и Третьяк, рабочих лесопункта Пиндушской судоверфи; Колбасовского, Гром Ф. Я., Бобкун И.

У всех забранных людей из гражданского населения и, кроме того, у четырех красноармейцев финны забрали деньги, документы, карманные часы, сняли теплую одежду и валенки, после чего всех расстреляли тут же на окраине поселка.

Настоящий акт составили очевидцы расстрела и участники в похоронах расстрелянных.

Отсекр Партбюро 24 СП *Попов*, отсекр КСМ 24 СП *Махин, Погожильская, Гром*

РАССКАЗ

жителей Бобкун и Скрит, вырвавшихся из финского плена

В бараки, расположенные между г. Повенец и деревней Габсельга, ворвались финны. В это время в нашем бараке находилось около 30 человек, в том числе 4 красноармейца. Красноармейцев и 16 человек местных жителей финны разули и вывели из барака. Не прошло и 15 минут, как мы услышали несколько залпов. Мы поняли, что финны расстреляли наших людей. Немедленно бросились в лес, откуда были слышны звуки выстрелов. Здесь лежала груда еще не остывших трупов. Среди них лежали Третьяк Петр, Колбасовский, Гром Ф., мой сын — Бобкун и многие другие, близкие нам и родные.

ФИНСКИЕ ИЗВЕРГИ УБИЛИ ДЕПУТАТА КУЗАРАНДСКОГО СЕЛЬСОВЕТА Т. МУХИНУ

В Заонежском районе была зверски замучена, а затем расстреляна финнами секретарь сельской комсомольской организации и депутат Кузарандского сельсовета Мухина Татьяна Андреевна, 1921 года рождения. По данным, полученным от местного населения, установлены следующие обстоятельства убийства Мухиной.

Финские военные власти в Кузаранде много раз избивали на допросе Мухину, после чего бросали ее в холодное помещение школы, служившее камерой предварительного заключения. Родных и знакомых к Мухиной не допускали. У школы была выставлена усиленная охрана. Во время одного из очередных допросов тов. Мухина вырвалась из рук финнов и хотела убежать, но уже на улице ее смертельно ранили финские солдаты и снова бросили в камеру. Здесь вскоре раздалось несколько выстрелов, и Таня Мухина была убита.

ИЗ ПАРТИЗАНСКОЙ ПОЧТЫ

(Письмо из Ведлозерского района, 1942 г.)

Здравствуйте, дорогие друзья!

Представился мне случай отправить Вам партизанской почтой письмо. Не описать Вам, родные, всего

того, что натворили в Ведлозерском районе финские гады. С самого начала полицейские, которых посадили финны в деревнях, начали грабить население, отбирать последние крохи. Повсеместно начался голод.

Но это было еще только начало. В феврале 1942 г. всему населению в возрасте от 12 до 50 лет, не исключая и больных, приказали явиться в деревню Паннила. Когда все явились, то нас посадили в 4 закрытые машины. Куда везут — никто не знал. Везли долго. Потом оказалось, что всех — и стариков, и больных — финны решили заставить рыть окопы, строить разные укрепления. Жили здесь люди, как заключенные, в невыносимых условиях. Здесь, на этих работах, находилась и жительница дер. Паннила М. Петрова. Ей за 50 лет. Петрова тяжело заболела, и в один из дней она не смогла выйти на работу. Коменданту Паасонен сообщили о том, что Петровой нет на работе. Комендант взял резиновую дубинку и отправился учинять расправу над полумертвой женщиной. Он вошел в избу, снял шинель и начал избивать резиновой дубинкой беспомощную женщину. Он бил ее до тех пор, пока из ее груди не перестали вырываться стоны. А потом этот зверь бросил свою жертву и приказал, чтобы ее вынесли в арестантскую. Много здесь людей замучено, загублено.

ПОКАЗАНИЕ

жителя деревни Малое Леликозеро Заонежского района Епифанова Петра Ефимовича, 52 лет

При советской власти жил хорошо, имел двух коров, телку, овец и поросенка. А теперь у меня ничего нет, все отобрали финны. Кошку — и ту пристрелили их солдаты. Никогда я не бывал наказан на своем веку, а у финнов я просидел 14 суток в «будке» в мае за ловлю рыбы в неуказанные часы и за пререкания с начальством. В связи с арестом дома у меня произвели обыск и отобрали 90 килограммов муки, которая была спрятана с приходом в Заонежье финнов.

20 июня 1942 г.

(Подпись)

АКТ

1943 г., 19 марта. Мы, нижеподписавшиеся, политрук Кубачев А. С., техник-лейтенант Бережков А. Ф., старшина Братин Г. М., работница Рапица Е. А., составили настоящий акт о зверствах финских бандитов над работницей Вдовицыной А. П.

16 марта 1943 г. банда финнов, отступающая под ударами Красной Армии, зверски замучила работницу Вдовицыну Августину Павловну. Финны нанесли ей сквозные ножевые раны в левую грудь и грудную клетку. Голова была прострелена автоматной очередью. Нанесены еще четыре пулевые раны в другие части тела. Финские изверги дошли до такого изуверства, что произвели выстрел в половой орган. Поиздевавшись над советской девушкой, финны бросили ее труп у машины и скрылись.

(Подписи)

ЗАЯВЛЕНИЕ

В Чрезвычайную Государственную Комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников

от Политовой Оли, 15 лет, и Политова Пети, 12 лет, проживающих в поселке бывшего лагеря № 7, в городе Петрозаводске

Мы, Политовы Оля и Петя, жили в д. Пегрема, Заонежского района, Карело-Финской ССР, в семье. У нас были отец и мать. Они работали в колхозе им. Калинина — мать телятницей на ферме, а отец ловил для колхоза рыбу.

Осенью 1941 г. к нам в деревню пришли финны и начали отбирать хлеб у колхозников. У нас хлеб был закопан в землю и так замаскирован, что финны не могли бы скоро его найти. Наш хлеб не нашли, хотя искали вооруженные финские солдаты.

Во второй раз финские грабители пришли откапывать хлеб с собаками и оружием. Грозя пристре-

лить отца, они потребовали дать им хлеб. Начали копать, и собаки нашли весь хлеб, и финны несколько раз ударили отца по лицу.

Хлеб финны вывезли, отобрав его с помощью собаки также и у других колхозников.

Женщины со слезами просили отдать хлеб для детей, а финны не дали и начали бить плетьми тех, кто подходил близко к сваленному в кучу хлебу.

Население получало от финнов муки по 200 граммов на человека, но мука была с опилками. Мы из этой муки варили кашу и, хоть невкусно, — ели.

В октябре мы с мамой пошли в другую деревню — в Ламбасручей — получать норму. Мы стояли в очереди, вдруг подошел финн, начальник по лесному делу, и стал ругаться, зачем стоим в очереди, и погнал женщин на две стороны. Потом схватил нашу маму под руки и с лестницы выбросил на мерзлую землю; мать без сознания лежала на земле, я начала плакать, а он наставил на меня револьвер. До лодки мать несли на носилках, а в барак она еле-еле дотащилась и сразу заболела. У нее болела грудь, и она обижалась, что колет в легких, — она ушиблась при падении на мерзлую землю. Врачей не было близко, и поэтому матери помощи оказано не было. Когда мы пошли к начальнику-финну просить свезти мать в больницу, в Великую Губу, за 50 километров, он закричал, что «русской собаке нет у нас лошадей, умрет — так и надо...»

Через две недели мама умерла, мы ее схоронили.

А отец у нас еще раньше матери умер. Умер он от истощения, потому что сильно голодал, так как кроме 200 граммов хлеба ничего финны не давали. Получать норму было трудно — приходилось переезжать через 2 озера, перетаскивать лодку через гору. Мы ослабли от голода и не могли ходить за нормой и по 2 недели жили без кусочка хлеба. За пять километров от нашей деревни была финская столовая; мы с отцом пошли в столовую, стали умолять накормить нас. Отцу было 62 года отроду, он обессилел и ходил с палочкой в руках. Его накормили. Он с жадностью съел супу-баланды и 3 комочка хлеба. После обеда мы пошли обратно; отец прошел половину дороги и упал в снег. Я побежала домой сказать матери, с по-

мощью других колхозников его довели до дома. Пролежав на печи 3 дня, отец умер.

Сейчас мы остались без отца и матери.

Мы видали, как финны издевались над советским народом.

Когда отобрали хлеб у Федоровой Марии Федоровны, то ее и мужа так пороли плетью, что муж на второй день умер. Один финн держал, а другой порол на снегу лежащего Федорова, от чего Федоров так кричал, что мы все разбежались по домам.

Тут же пороли Овчинникова Михаила Егоровича. Его вывели на озеро, в морозную погоду, приказали раздеться и пороли, пока не упадет, а потом велели одеться. Через полчаса снова продолжалась порка, пока Овчинников не потерял сознания.

Когда у нас умерли мать и отец, мы пошли в деревню просить хлеба, по дороге патрули стали стрелять вслед, мы испугались и остановились, нас задержали и за то, что я самовольно пошла в деревню, сняли с меня пиджак и кофту, начали пороть, дали мне 14 плетей. Через неделю я снова пошла просить хлеба для братишки, меня снова задержали и снова дали 14 плетей.

Мы пошли в другую деревню просить хлеба; нас финны увезли в Великую Губу, посадили в холодную «будку», продержали 2 недели и отправили в Петрозаводск в 7-й лагерь, где мы и прожили до прихода Красной Армии.

Нас финны сделали сиротами, но мы теперь будем учиться и станем полезными людьми.

(Подписи)

АКТ

о зверствах, совершенных финскими захватчиками над пленными красноармейцами и мирными жителями селения Погран-Кондуши Карело-Финской ССР

Мы, нижеподписавшиеся, бойцы, сержанты и офицеры артиллерийского подразделения — капитан Глущенко Сергей Иванович, капитан Володин Петр Макарович, младший лейтенант Иванов Александр Александрович, ефрейтор Лещенко Степан Маркович, сержант Бекоев Константин Сергеевич и ефрейтор Дейнега Иван Васильевич, составили настоящий акт

о зверствах, которые творили финские бандиты над пленными красноармейцами и подростками — жителями селения Погран-Кондуши Карело-Финской ССР.

Придя в селение Погран-Кондуши с передовыми частями, мы обнаружили здесь шесть трупов пленных красноармейцев. Трупы были разбросаны финнами по селу. Возле одного дома лежали: младший лейтенант, младший сержант и один рядовой. У младшего лейтенанта финские палачи отрезали ухо, отрубили левую руку, изранили кинжалом голову, у младшего сержанта — выколот глаз, вывернута левая рука и правая нога, у рядового изрезана ножом правая рука и разбита топором или каким-то другим тяжелым предметом голова. На окраине селения в кустах был найден труп сержанта. У него отрезано правое ухо, нос, отсечены руки. Два трупа красноармейцев найдены на дороге. Их тела также изрезаны кинжалами, исколоты штыками и залиты кровью.

Кроме того, в том же селении мы обнаружили пять трупов 15—16-летних подростков, которые, по словам жителей, вернулись в село, пытались укрыться от угона в Финляндию, но были пойманы и зверски убиты на глазах их родителей и односельчан.

Чувствуя приближение возмездия, финские разбойники с каждым днем все более и более неистовствовали. Уподобляясь своим берлинским хозяевам, они зверски избивали женщин, стариков, детей, мучали и терзали пленных красноармейцев.

(Подписи)

Июль 1944 г.

НАСТЯ ЗВЕЗДИНА

Дорогие товарищи из редакции!

Я очень прошу опубликовать это письмо, чтобы все наши бойцы узнали о героической комсомолке Насте Звездиной, погибшей от рук финских палачей.

Во время политической информации командир нашей батареи капитан Кузнецов взял в руки номер газеты «Правда» и начал читать статью «Героическая дочь советского народа». Дрожь пробежала по моему телу, когда я услышал:

«2 февраля 1943 г. после трехмесячных жестоких пыток в оккупированном городе Олонце была убита

комсомолка Анастасия Михайловна Звездина. Палачи перед казнью раздели ее догола, вывели на мороз и после долгих истязаний расстреляли и бросили в яму».

Никогда я еще так не волновался. Я попросил слово, встал и показал своим боевым товарищам фотографию, которую я всегда ношу с собой — фотографию Насти Звездиной. 18 октября 1940 г. мы прощались с ней в г. Олонце. Я уходил в Красную Армию.

На фотографии была ее надпись: «На память Анатолию от Анастасии. Честно служи Советскому Союзу».

Я рассказал бойцам о Насте. Мы жили рядом и очень дружили. Это была девушка с кипучей энергией, комсомолка-активистка, лучшая ученица школы, прекрасный спортсмен, большая любительница литературы и музыки. Окончив школу, она пошла работать в районную газету, работала много и часто говорила мне:

— Как бы много мы ни работали — все мало. Для родины нужно отдавать все свои силы, а может быть, придет такая пора, и мы не пожалеем свою жизнь.

И вот сейчас мы узнали о трагедии в Олонце. Финские мерзавцы убили Настю.

Перед своей смертью Настя бросила в лицо палачам:

— Вы можете убить меня, но всех нас не убьете. Наши придут! Да здравствует Сталин!

И мы пришли, мы идем дальше. Мы идем вперед и на штыках своих несем мщение и смерть лютому врагу.

Сержант *А. Колесников*

Красноармейская газета
«В бой за родину»

СОВЕТСКАЯ ГЕРОИНЯ—КАРЕЛКА Н. ЗВЕЗДИНА

В 1942 г. оккупанты арестовали в селе Погран-Кондуши секретаря подпольного Олонецкого Райкома ЛКСМ Настю Звездину. В течение трех месяцев они водили ее на допрос, пытаясь вырвать признанье, но

натолкнулись лишь на презрительное молчание девушки. Пытаясь сломить дух гордой и мужественной дочери карельского народа, финны приговорили Звездину к расстрелу, но сознательно задерживали исполнение приговора. Пытаясь усугубить мучения девушки, оккупанты разрешали ее родным и знакомым приходить в камеру на свидание. Нужны были исключительное мужество и самообладание, чтобы не дать возможности палачам смеяться над слезами, над бессонными ночами в одиночестве.

Но 23-летняя подпольщица карелка Настя Звездина и в этих тяжелых условиях не переставала чувствовать себя большевиком. 16 ноября 1942 г. она пишет подруге:

«Здравствуй, Лиза, дорогая! Не нахожу слов, чтобы отблагодарить тебя за ту заботу и помощь, которую оказываешь мне. Подобная помощь неоценима. На будущей неделе, вероятно, решится моя судьба. Что же, что будет, то будет. Пусть меня расстреляют, но еще останутся сотни, тысячи, миллионы таких как я. Они отомстят за смерть и кровь моего народа. Да, отомстят. Не сомневайтесь, настанет такой день, и опять засияет солнце счастливой жизни. Ждите Красную Армию, она обязательно придет. Еще раз спасибо тебе за внимание ко мне. Ну, будь здорова, береги детей. Целую всех. Настя».

И в другом письме, к другой подруге: «Дни моей жизни сочтены — присуждена к расстрелу. Что ж, если смерть поглотит меня, я знаю, за что отдаю самое дорогое — жизнь свою. А когда знаешь это, тогда не страшно на смерть открытыми глазами смотреть... Так желаю тебе, Женя, долгой, долгой жизни... Желаю тебе сильной воли... С приветом. Настя».

После трехмесячной пытки ожидания смерти финны назначили день расстрела.

И Настя поняла, как она должна умереть.

Когда солдаты подняли винтовки, когда позади уже зияла черная пасть могилы, девушка шагнула вперед и крикнула: «Будьте вы прокляты, палачи! Стреляйте, всех не перестреляете!.. Прощай, моя родина!»

Из статьи «Школа мужества», напечатанной в газете «Комсомольская правда» за 17 августа 1944 г.

ИЗ АКТА

о зверствах финско-фашистских захватчиков на территории Пряжинского района Карело-Финской ССР

Составлен комиссией под председательством т. Анхимова П. М. в составе членов: пред. РИКа Семенова П. З., капитана Батракова, учительницы Чаккиевой А. П. и зав. районным отделом здравоохранения Нечаевой В. С. в с. Пряжа, 20 сентября 1944 г.

Белофинские холопы Гитлера осенью 1941 г. временно захватили территорию Пряжинского района, сразу же ввели здесь каторжный режим для попадавших к ним советских военнопленных и мирных советских граждан. В районе была создана густая сеть концентрационных лагерей, тюрем и так называемых «будок», которые по существу представляли из себя сельскую тюрьму и были созданы почти в каждой деревне.

В лагерях, тюрьмах, «будках» белофинны творили гнусные преступления: избивали советских граждан, советских военнопленных, морили их голодом, всячески надругались над ними, убивали и расстреливали без всяких на то причин.

Советскую гражданку Фокину Александру, уроженку дер. Ялекка Сямозерского сельсовета, белофинны вместе с другими гражданами заставили сооружать оборонительные рубежи. Труд был непосильно тяжелым, питание плохое. Фокина день ото дня теряла силы и не стала выполнять нормы. Белофинны ее за это избивали и несколько раз инсценировали ее расстрел. В результате избиений и пыток она сошла с ума.

15-летний подросток Попов из Вешкелиц Пряжинского района рассказал:

«Осенью 1942 г. белофинны ночью заставили меня одного поехать в другую деревню свезти какой-то груз. Ночь была темная дождливая. Дул сильный ветер. Я страшно боялся и не поехал. Утром пришли финские солдаты и стали бить меня розгами, топтать. Я потерял сознание... От этих побоев я потерял слух и получил увечье».

Не щадили белофинские палачи и советских детей. В школах их за малейшие шалости, за разговоры на русском языке жестоко избивали. В Пряжинской школе мальчика Загоскина Витю 7-летнего возраста,

проживающего в с. Пряжа, учительница финка Кённе била по щекам за то, что он во время урока нагнулся под парту за карандашом.

Чунаева Николая 12-летнего возраста, проживающего в Пряже, и других его товарищей в школе за малейший проступок били розгами, таскали за уши и волосы, били по щекам. Особенно бесчеловечно относились к детям учительница финка и директор Пряжинской школы финн Роберт Аксола.

В Святозерской школе финские учителя за малейший проступок советских детей заставляли прыгать на одной ноге по 30 раз и более на одном месте.

(Подписи)

ЗАЯВЛЕНИЕ

В Пряжинскую районную комиссию по учету ущерба и злодеяний финско-фашистских захватчиков на территории Пряжинского района

от гражданина Кулешова Федора Ивановича, проживающего в с. Пряжа, д. № 64

Финско-фашистские захватчики, временно захватив территорию Пряжинского района, творили гнусные преступления над мирными советскими гражданами и советскими военнопленными. В дополнение к имеющимся у вас фактам гнусных злодеяний белофиннов заявляю вам еще об одном их преступлении.

В деревне Сямозеро вместе с другими советскими гражданами белофинны мобилизовали на строительство оборонительных сооружений гражданку Фокину Александру. Труд был непосильно тяжелый, питание плохое, отчего гражданка Фокина день ото дня теряла силы и, наконец, не стала выполнять нормы. За это белофинские изверги стали ее подвергать жестоким телесным наказаниям и несколько раз инсценировали ее расстрел. В результате всех этих пыток гражданка Фокина сошла с ума.

Это гнусное преступление финских холопов Гитлера широко известно всем гражданам деревни Сямозеро.

Гражданка Фокина уроженка Пряжинского района, Сямозерского сельсовета, из деревни Алекка.

(Подпись)

3 сентября 1944 г.

РАССКАЗ

Трифонова Николая Яковлевича, колхозника, карела, жителя села Сар-Гора, 7 июля 1944 г.

С приходом финских бандитов на нашу советскую землю нас заставляли обрабатывать поля и сеять хлеб. Во время обмолота хлеба финны его забирали до единого зерна. За него они нам ничего не платили. Нам выдавали карточку на получение 7,5 килограммов хлеба в месяц, но фактически ничего не давали, карточки оставались неотоваренными.

За время оккупации финны не выдали нам ни одного метра мануфактуры или промтоваров, хотя карточки и выдавали. Меня, старика, взяли со всем трудоспособным населением села на работу по возведению укреплений по реке Свирь и продержали там больше года. Кормили нас очень плохо, давали на тяжелых работах только по 400 граммов хлеба в день и больше ничего. А русским, находившимся с нами на возведении укреплений, давали хлеба еще меньше — по 250 граммов в день. Русских финны особенно сильно ненавидели. Всю злобу свою они вымещали на русских, называли их собаками.

Люди на работах истощали. Свирепствовали болезни: тиф, грипп, дизентерия. Начальник работ постоянно ходил с резиновой дубинкой и за малейшую провинность или, по его мнению, слабую работу безжалостно избивал людей резиновой дубинкой.

На нашем участке в 4 километра работало 800 человек. Зимой в бумажных бараках, где мы жили, было грязно, скученно, больные и здоровые спали вместе. Находились мы все время под охраной солдат, которые обращались с нами хуже, чем с каторжниками.

За малейшие проступки или, как финны называли, «слабую работу» нас не только избивали, но и сажали в карцер до 10 дней. Просидев в карцере несколько

дней, человек обессилевал и валился с ног, а его опять гнали на работу.

На работах находились люди и старше меня, глубокие старики, — а мне уже тоже ведь 57 лет, — также и женщины, например мои соседки Гутеева Марина, Родионова Вера, Петухова Катя и подростки по 15—16 лет. Все они работали на этих каторжных работах наравне с мужчинами.

Перед уходом финны пытались нас угнать в Финляндию, но Красная Армия помешала им это сделать.

РАССКАЗ

учительницы Яндомозерской школы Заонежского района А. Лукиной о жизни в оккупации

Тяжело вспоминать годы, прожитые в оккупации. Сердце сжимается от боли и ненависти, когда вспоминаешь, как издевались финские звери над русским народом.

Я выросла, училась и стала учительницей в советской стране. Хорошо жила. В школе учила детей, передавала им свои знания. В 1941 г. разразилась война. Наш Заонежский район оккупировали финны.

С трепетом и страхом смотрели мы, когда по улицам потащились их отряды. Фашистские порядки они ввели с первых дней. Начали с того, что стали отбирать у жителей весь хлеб, не оставляя им ни крошки.

— Хватит, полопали хлеба, — кричал начальник по снабжению Симола.

Отбирали не только хлеб. Забирали все, что попадало на глаза и под руку.

Однажды к старушке Евдокии Катагоновой пришел комендант Липасти. Катагонова лежала больная.

— Я знаю, что у тебя есть шуба, мне она нужна, — сказал он через переводчика. — Отдай ее, я заплачу хлебом.

Старушка сказала, что шубу не может продать.

— Не продашь, так мы и даром возьмем.

И Симола взял шубу.

Финны полезли в сарай, отыскали кожу, сбрую для лошади и унесли с собой. Такие грабежи они чинили всюду.

Отобрав весь хлеб, финны долгое время не давали людям ничего есть, а работать заставляли по 12 часов в сутки.

Все школы были закрыты. Чтобы прокормить себя, ребенка и старого отца, я попросила дать мне какую-нибудь работу, но мне отказали в ней.

У меня была хорошая швейная машина. Однажды меня вызвали в штаб и приказали немедленно отвезти свою машину в Великую Губу.

Над советскими людьми финны измывались как хотели, называли нас собаками. Однажды, доведенные до отчаяния, мы пошли к коменданту просить хлеба. Вместо хлеба он схватил плетку и отхлестал нас до потери сознания.

Мы собирали мох, сушили, толкли и делали лепешки. Из березовых опилок варили кашу, из соломы пекли хлеб.

Такая пища истощала организм, и люди умирали целыми семьями.

Голодной смертью погибла семья Калининых из деревни Есины, умерли Николай Лукин, Андрей Стафеев, Андрей Фепонов и многие другие. Большинство жителей деревни Типиницы умерло от голода.

Весной 1942 г. смертность в Яндомозере была настолько высокой, что не успевали выкапывать могилы. В деревне Усть-Яндома несколько умерших долгое время лежали непогребенными.

Финны глумились над голодными. Когда истощенные люди приходили просить хлеба, финны избивали их.

Колхозника Чуркина финны поставили на пахоту. 12 дней он работал без куска хлеба, падая от истощения.

— Дайте мне хоть немного рыбы,— попросил он у коменданта.

Комендант Липасти рассвирепел. Он схватил Чуркина за шиворот и столкнул со второго этажа. Затем он сбежал сам с лестницы и избил лежащего Чуркина до крови. Потом Чуркина отправили в концентрационный лагерь, где он и умер.

Пятидесятилетнего колхозника Макара Пименова финские звери превратили в шута. Как только голодный старик появлялся около комендатуры, его заставляли плясать, маршировать.

Обессилевший старик маршировал, а они хохотали. Как собаке, они выбрасывали старику кусок хлеба.

Так мы мучались больше двух лет. Мы жадно ждали того дня, когда Красная Армия освободит нас от финских мерзавцев.

Этот день пришел. Сейчас мы снова свободны, снова можем жить и работать свободно.

Я приложу все свои силы, знания, чтобы вместе с другими возродить радостную, счастливую жизнь на освобожденной земле.

21 июля 1944 г.

РАССКАЗ

председателя Выгозерского сельсовета Ф. Диева о грабеже и издевательствах финских захватчиков в Заонежье

Когда финские мерзавцы ворвались в наше родное село Выгозеро, каждый из нас почувствовал, что погасло над нами солнце яркое, наступили черные, непроглядные ночи. Финны согнали все население в одно место, а затем партиями стали под конвоем уводить в отдаленные, глухие места Заонежья. Но прежде чем отправить выгозерцев с их насиженных мест, финны учинили повальный грабеж. Они отбирали у колхозников хлеб, картофель, отбирали все, что попадалось под руку — часы, одежду, мыло, одеколон.

Горе было тому, кто пытался что-либо спрятать от грабителей. Жителя села — Петрова заподозрили в укрытии зерна и избили не только самого Петрова, но и всех членов его семьи. Звери, они с особенным остервенением избивали беззащитных детишек.

Страшная судьба постигла А. Галанина, проживающего в деревне Белохино, что недалеко от нашего села. Его долго избивали финны, допытывались, куда он спрятал продукты питания. Только смерть прекратила мучения страдальца.

Я в числе других жителей села был отправлен в деревню Зажогино на дорожные работы.

Работать заставляли с восхода до захода солнца. Измученные, голодные, едва передвигая ноги, мы только поздним ночным часом возвращались в свои бараки. Кормили водой и мерзлой картошкой, хлеба выдавали по 150 граммов на человека.

Побои в лагере устраивались ежедневно. Били всех, били по многу. Не раз, утираясь кровью, вставал с земли Котов и многие другие.

Однажды нам привезли заплесневевший хлеб — даже скоту его нельзя было дать. Кто-то об этом сказал финскому надсмотрщику. Он, глядя на жалобщика тупыми, идиотскими глазами, ответил: «Скот для нас дороже, поэтому мы и решили этот хлеб скормить вам».

Многие из нас от такого хлеба заболели, но никакой медицинской помощи мы не получили, а продолжали исполнять тяжелую работу.

УГОНЯЛИ В РАБСТВО

Как мучались и погибли Александра Олькина и белорусская девушка Татьяна

В редакцию газеты «Ленинское знамя» пришло письмо от старшего лейтенанта Маймескула. В своем письме старший лейтенант рассказывает о трагической гибели двух советских девушек, пытавшихся убежать от финских негодяев, угонявших их в рабство в Финляндию. У одной из убитых девушек — Александры Олькиной — красноармейцы нашли фотографию и письмо к матери, написанное ею из фашистского плена. Ниже мы публикуем эти большой силы человеческие документы.

В редакцию газеты «Ленинское знамя»

Уважаемые товарищи!

Я, старший лейтенант Маймескул, обращаюсь к вам с просьбой напечатать письма, которые посылаю вам. И если можно, поместите вместе с письмами фотографию девушки, которую я посылаю вместе с этим же письмом. Вы, может быть, не поймете, зачем я вас об этом прошу. Постараюсь коротко изложить, что побудило меня направить в газету этот пакет.

13 июля 1944 г. я с группой красноармейцев разминировал шоссейную дорогу по маршруту деревня Вешкелицы — Игнойла и дальше. Дорога была сильно заминирована финскими противопехотными минами.

Девушка, фотографию которой я прошу вас поместить в газете, за два дня раньше проходила одна по этой дороге. Тогда по ней еще никто не ходил

и не ездил. И она подорвалась на мине. Ей оторвало правую ногу, девушка истекла кровью и в муках умерла. Мы похоронили ее на 15 километре от дер. Вешкелицы и написали на доске ее фамилию и имя: «Олькина Александра». Но откуда эта девушка — мы не могли узнать. Мы нашли у нее письма к матери, из которых сделали вывод, что ее, как и многих других жителей Карело-Финской ССР, финские оккупанты угоняли в рабство в Финляндию. Александра Олькина сбежала и попала одна на эту заминированную дорогу.

Я вас прошу, товарищи, поместите ее письма в вашу газету. Прочтите их, и вас охватит то же чувство, которое испытали мы на 15-м километре от Вешкелиц, где нами был обнаружен труп этой советской девушки. Каждый из нас поклялся у ее могилы отомстить проклятым финским негодяям, укравшим лучшие молодые годы Александры Олькиной, погубившим многие тысячи наших братьев и сестер. И если вы поместите ее фотографию, может быть ее увидят родные этой девушки, знакомые, придут на ее могилу, возложат венок на нее и будут детям своим рассказывать, как мучилась и погибла Александра Олькина, не захотевшая стать пленницей финских фашистов.

На этой же дороге, на 13-м километре, в ту же ночь мы нашли еще одну девушку. У нее была оторвана левая нога. Но она еще дышала. Мы очень старались спасти ей жизнь. Мы перевязали ей ногу, обернули ее в шинели, поили горячим чаем. Потом мы несли ее на себе 10 километров, доставили в госпиталь. Ей сделали операцию, но измученный организм не выдержал, и она скончалась. У этой девушки был паспорт, выданный финнами. Если к вам кто-либо обратится из ее родных или знакомых, можете им передать: ее зовут Татьяна, 1926 г. рождения, белорусска по национальности. Фамилию разобрать не смогли. Все было в крови.

Теперь, я думаю, вам станет ясно, почему мы решили написать вам обо всем этом и просить напечатать письма, найденные у Александры Олькиной, в вашей газете.

С приветом!

Старший лейтенант С. *Маймескул*

ПИСЬМА К МАТЕРИ, НАЙДЕННЫЕ У АЛЕКСАНДРЫ ОЛЬКИНОЙ

Письмо первое

Дорогая моя мама!

Живем в дальних краях, живем в грязи, и поверь, моя дорогая мама, не придумать трудней нашей жизни, всего что переживаем мы тут. И поверь, дорогая мама, сколько слез из наших глаз пролито. Не знаю, что ждет нас. Письмо это писано 23 июня. Гоняют нас с места на место. 18 июня уехали из Ямки в Шую, а 20 июня уже были в Виданах. И за это время сколько слез пролито. Жизнь наша горькая, постылая. Не плачь же, мать моя родная, быть может встретимся с тобой!

Письмо второе

5 июля 1944 года работали в деревне Проккойла, копали для финнов окопы, а вечером отправили нас с коровами в Вешкелицы. 6 июля нас отправили в Суоярви. Мы никак не хотели ехать. Вяпели (фельдфебель — *ред.*) показал наган, крикнул: «Не пойдете — убью!». И мы пошли пешком и всю дорогу проплакали. Шестого июля ночевали, не знаю где. 7 июля, в Иванов день, весь день плакали. Не доходя Суоярви 5 километров, ночевали в лесу. Возле нас стоял патруль, и к нам не подпускал никого. И мы очень много плакали. Все наше платье растеряно, остались голые. Где вы, наши родные, сейчас? У нас все потеряно. Писала это письмо 7 июля, не доходя Суоярви, в лесу, под кустиком. Писала со слезами...

(На этом письмо обрывается).

Газета «Ленинское знамя»
за 2 августа 1944 г.

РАССКАЗ

Ивана Логинова о зверствах финнов в Заонежье

Страшные дни наступили, когда в наше село ворвались разбойники-финны. Как-то палачи узнали, что я был организатором колхоза, писал в газету и ездил в Москву. Арестовали, посадили в Космозерскую тюрьму. После допроса, на котором я ничего не ска-

зал финскому офицеру, он приказал дать мне пять ударов резиновой дубинкой. Три удара я вынес и потерял сознание. Затем меня привезли в Петрозаводский лагерь № 2, на месяц в «будку» посадили.

На работы гоняли — камни ворочать и на себе возить их. Усталый, чуть замешкаешься, удары палок сыплются, солдат застрелить грозится.

В каждой тюрьме и в лагере, где мне приходилось бывать — в Космозере, Петрозаводске, Киндасове, — палачи нещадно избивали советских граждан без всякой вины, истребляли всякими способами. В Космозере каждую ночь выводили из камеры людей и больше они не возвращались. Иные солдаты хвастались, что стреляли по арестантам по 3—4 раза и если они не умирали, то закапывали их в яму живыми. В Киндасове часто практиковались такие наказания: зимой выводили голого человека на реку и обливали ледяной водой. Заболевшему в «больнице» давали какие-то таблетки, и человек умирал той же ночью. Пища — гнилая картошка, сгнившая падаль и заплесневелый хлеб.

Сын мой Михаил, не выдержав издевательств финских бандитов, решил перебежать через Онежское озеро, к своим. Достал у сестры лыжи. Полдороги прошел благополучно, но потом финны его заметили, догнали и схватили. Сидел долго в тюрьме, а потом угнали в Финляндию. Жив ли он — не знаю. Дочь, давшую ему лыжи, тоже засудили, оставив 4 детей без присмотра.

Тяжело было в тюрьме и лагерях, но не лучше жилось и оставшимся в селе. Финны у всех отобрали коров и запасы хлеба. Почти весь скот перебили и сожрали. Полицейские и солдаты обшарили все дома, отобрали сначала кольца, часы, шелковые платья, туфли, потом принялись за мебель, белье, полотенца. А под конец в прибрежных деревнях в домах разорили крыши, полы, потолки, двери, окна, совсем жить негде стало. Мою семью 7 раз заставляли переезжать с места на место. Такая доля была у всех советских людей.

Спасибо Красной Армии, что нас от смерти лютой, неминуемой избавила. Мы еще отблагодарим свою армию, хотя и не легко колхоз снова поднимать. Было у нас в «Красном загорянине» 110 коров, те-

перь только 3, было лошадей 60, осталось 4, поля бурьяном заросли. Силушки не пожалеем, а колхоз на ноги поставим. Все будет хорошо, как до войны, и даже лучше. Мы сталинское слово знаем, и как он, отец, учит, — сделаем.

Заонежский район,
колхоз «Красный загорянин»

КАК ФИНСКИЕ ИЗВЕРГИ МУЧИЛИ СЕМЬЮ ФЕДОСКОВЫХ

Два с половиной года хозяйничания финских захватчиков в Заонежье были для нас сплошным кошмаром. Как только эти ползучие гады пришли к нам, начались аресты, избиения и расстрелы людей, вся вина которых состояла в том, что они были русские, советские.

В первые дни оккупации я был посажен в тюрьму, а затем отправлен в лагерь. Меня обвинили в сочувствии партизанам. Часто избивали, морили голодом, даже воды не давали, запугивали расстрелом. В лагере каждый день умирало несколько человек.

Нас четверо братьев Федосковых, и все крепко пострадали. Младшего, Ивана (теперь ему 18 лет) несколько раз избивали, сажали в одиночную камеру «будку» за отказ от работы и неподчинение финнам. До потери сознания много раз был бит Василий, но он все равно им не покорился. Григория, потерявшего руку в боях с белофиннами в 1940 году, били до полусмерти, изрезали лицо. Товарищи привели его в чувство и отвезли в больницу. Когда об этом узнали финны, они увезли Григория из больницы, и дальнейшая судьба его неизвестна.

Дмитрий Федосков

дер. Красная Сельга
Заонежского района

2. ПОКАЗАНИЯ СОЛДАТ И ОФИЦЕРОВ ФИНСКОЙ АРМИИ И СВИДЕТЕЛЬСТВА ФИНСКО-ФАШИСТСКОЙ И ИНОСТРАННОЙ ПЕЧАТИ

БАНДИТЫ О СЕБЕ

Финский разбой официально подтверждается докладной запиской финского офицера «просвещения» 6 армейского корпуса за № 569 от 28.8.1941 г., в которой говорится:

«Солдаты забирали из сараев готовое сено... Весенние посевы, и особенно овес, уничтожали и скармливали лошадям. Во многих местах солдаты портили дорогие и дефицитные рыболовные снасти... Из мелкой утвари солдаты забирали небольшие иконы, медные образа и прочие вещи. Забирали у семей корову и последнюю курицу».

Солдаты финской армии грабили все, что попадало под руку, и все, что видели их воровские глаза.

«Мне ничего не посылай, я сыт, — писал домой шюцкоровец Хайконен. — Мы заходим в колхоз и, на глазах оставшегося населения, забираем свиней, режем и варим их в свое удовольствие».

Из дневника лейтенанта Нуклер:

«Вечерами занимаемся «добыванием». Добыли два самовара, картошки, мороженой брусники, грибов».

Солдату Теуво Хууско пишет его брат Укко А. Хууско:

«Вейкко задушил одного русского и добыл у него много всякой всячины, как-то: золотые часы, бинокль,

пистолет, компас, три золотых зуба и прочую мелочь. Здесь ребята, которые не поленились переворачивать трупы, здорово поживились».

Летчик Риппиля похвалялся в письме перед своей невестой:

«А посмотрела бы ты, как пытались спрятаться от наших пуль эти беженцы из Энислинна [1]. Но наши пулеметчики не зря учились стрелять».

Солдат 101 финского пехотного полка Аарнэ Энсио Мойланен рассказал:

«Разведывательно-диверсионный отряд, участником которого я являюсь, поджег деревню Койкари... женщины бежали нам навстречу и просили их не расстреливать. Мы изнасиловали некоторых из этих женщин и расстреляли всех. Никого не оставили. У меня в памяти осталась красивая девочка, которую мы с товарищем изнасиловали, а после расстреляли».

Пленный солдат Раялампи заявил:

«По приказанию подполковника Косинмаа мы сожгли деревню Витсиваара».

Пленный солдат 5 егерского батальона Вильё Суутари показывает:

«Однажды в лесу, в полутора километрах от деревни Паданы, мы набрели на сарай, в котором обнаружили двух стариков 60 лет, оказавшихся советскими гражданами. На другой день лейтенант Мериканто вызвал меня и моих трех товарищей — Лайтио, Лехтинен и Нурми — и сообщил, что нам разрешается расстрелять стариков. Я не отказался от расстрела этих людей потому, что имел желание расстрелять их лично. Ведь задержал их я. Когда мы довели этих двух советских граждан до указанного места, мы заставили их вырыть себе могилы и по команде прапорщика Эломаа попарно произвели по ним огонь. Я и Лехтинен расстреляли одного старика, а Нурми и Лайтио другого».

Январской ночью 1942 г. финский батальон, проникший в наш глубокий тыл, находился в боевой готовности. 500 финских солдат и офицеров окружили

---

[1] Так финны называли Петрозаводск.

советский поселок Майгуба, в котором не было ни одного взрослого мужчины. Поселок спал мирным сном.

В этот час состоялся сбор командиров взводов финского батальона: убийцы готовились к расправе со своими жертвами.

«Командир роты капитан Пуустинен, — показал один из участников этого разбойничьего налета военнопленный В., — позвал к себе всех командиров взводов и дал приказание сжечь все дома и постройки в поселке. Командир нашего взвода лейтенант Ахвенайнен, передавая приказание Пуустинена своему взводу, добавил: «Если услышите, что в домах есть люди, то забросайте окна гранатами, а потом зажигайте дома». Я слышал взрывы гранат во многих домах. Видимо, и другие взводы поступали таким же образом»...

«Другие взводы» поступали именно так, как им предписывало финское командование. Поселок был объят пламенем. Стоны и плач женщин и детей не были слышны — все заглушали взрывы гранат, грохот обрушивающихся домов.

Солдат Хуго Юссила из 985 противовоздушной роты, взятый в плен 1 июля 1942 г., показал:

«В селе Паданы несколько сот человек местных жителей. Большая часть из них — коренные жители села, а остальные собраны из окружающих деревень. Без разрешения отлучаться из села никому нельзя. Все гражданское население привлечено к работам. Каждый должен работать под надзором охранников. Власть в селе принадлежит военному коменданту майору Кивикко».

Солдат Паули Кивеля из 5 пехотного полка, взятый в плен 8 апреля 1943 г., показал:

«В деревне Паданы и Сельга я видел мирных людей. Они используются на разных работах. Они голодают. В деревне Сельга я прочитал приказ финского командования, где говорилось, что за появление на улице после 10 часов вечера — расстрел».

Солдат Лео Тойвонен из 3 пехотной бригады, взятый в плен 8 апреля 1943 г., показал:

«В селе Паданы имеется гражданское население.

Когда я был там, всех граждан русской национальности отправили в Финляндию».

Капрал Эско Хелстен из 15 отдельного саперного батальона, взятый в плен 25 марта 1943 г., показал:

«Мирное карельское население я видел в дер. Толвуя [1]. Из маленьких деревень жители согнаны в одно место, чтобы легче было следить за их поведением».

Солдат Эйно Хусу из 21 отдельного батальона, взятый в плен 26 февраля 1943 г., показал:

«В Петрозаводске я видел ваше мирное население. По улицам им не разрешается ходить. На вокзале раньше дети занимались попрошайничеством у финских солдат, а теперь это строго запрещено».

Солдат Эркки Хейсканен из 3 пехотной бригады, взятый в плен 15 сентября 1942 г., показал:

«На улицах города Петрозаводска мы встретили испуганных женщин с детьми на руках. Наши газеты утверждали, что гражданское население завоеванных районов получает такой же паек, как и население Финляндии, но это не верно. Вид советских граждан свидетельствует о том, что они сильно голодают».

Пленный финский солдат Суло Иоганнес Ахо из 2 отдельного батальона береговой обороны рассказал:

«В деревнях, расположенных на западном берегу Падмозеро, и в деревнях южнее этого озера имеется гражданское население, состоящее из русских и карел. В большинстве своем это женщины и дети. Финские военные власти держат их здесь на положении заключенных и в принудительном порядке заставляют выполнять тяжелые работы. Все лето и осень истекшего года население работало на полях, урожай с которых был целиком реквизирован для финской армии. В деревне Мустово находится подсобное хозяйство нашего второго батальона. Ему передано около 80 голов скота, отобранного у местного населения.

Местных жителей принуждали работать в этом хозяйстве, которым заведывал один сержант — щюцкоровец. Он избивал подростков в возрасте 15 лет за то, что те не в силах были выполнить установленную

---

[1] Карелы из деревень Петровского района, эвакуировавшиеся осенью 1941 г. в Заонежье.

им норму выработки. Это, конечно, проходит для щюцкоровца безнаказанно, так как подобное отношение к советским людям считается нормальным.

В течение лета 1943 года было согнано свыше 200 человек, главным образом подростков, из ближайших деревень на строительство дороги в районе Толвуя и пристани Шитики. Все эти люди работали под охраной финских солдат, как заключенные. Никакой оплаты за этот каторжный труд население не получало. Офицеры и солдаты, несущие охрану лагеря для мирного населения, чувствуют себя здесь полными хозяевами и делают с людьми, что хотят. Много местных девушек ими были изнасилованы».

В найденном у капрала Унто Пуккила письме от друга из Хельсинки есть такие строчки:

«Изрядно выпив, мы приволокли к себе трех русских девушек-пленниц российской Карелии. Мы оставили их в чем мать родила. Они сопротивлялись, но мы досыта над ними потешились».

Перебежчик младший сержант финской армии Юхо Перяярви, комендант Военного Управления Восточной Карелией в деревне Толвуя Заонежского района, 27 июня 1944 г. рассказал:

«Я служил комендантом Военного Управления Восточной Карелией, которое осуществляло руководство сельскохозяйственными делами в Восточной Карелии.

Военное Управление Восточной Карелией расположено в Иоэнсуу. Начальником Управления является генерал-лейтенант Араюри. Военное Управление делится на три района: Беломорский, Олонецкий и Масельский. Последний район недавно был ликвидирован и передан Беломорскому и Олонецкому районам. Начальником Олонецкого района является подполковник Кесямаа, начальником земельного отдела этого же района — майор Калтио.

Начальником Беломорского района является полковник Хирвикоски, начальником земельного отдела — капитан Коскинен. Военное Управление объединяет государственные угодья и одновременно руководит сельскохозяйственными делами среди местного населения.

На государственных угодьях работали местные жители в принудительном порядке. Тех, кто отказы-

вался выполнять задания, угоняют в концентрационные лагери. Заработная плата за труд определялась от 7 до 20 марок в день. Поэтому работающие живут всегда впроголодь. В 1941 году населению было предложено в принудительном порядке отдать Военному Управлению весь скот и сельхозинвентарь, причем 40 процентов коров уходило на снабжение армии. Осенью 1943 года и весной в 1944 году Военное Управление стало продавать населению отобранных ранее у них коров и лошадей. Таким образом крестьяне вынуждены были выкупать им же принадлежащий скот. Сельскохозяйственный инвентарь также был отобран и в последующем продавался населению, как и скот. За худую корову, очень часто безмолочную, крестьяне вынуждены были платить 3500—4000 марок, а за плуг или соху 70—100 марок. Лошадей продавали также самых плохих, по стоимости до 12000 марок. О плохом состоянии лошадей говорит тот факт, что население не в состоянии было провести полностью весенний сев весной 1944 года. Даже молоко от своих коров крестьяне вынуждены были выкупать, уплачивая по 4 марки за литр.

Финские власти всячески натравливали карел на русских и наоборот. С этой целью также были введены различные паспорта. Русские имели паспорта с обложкой красного цвета, карелы с обложкой желтого цвета. Русские не имели права выходить за пределы границ своей деревни без разрешения коменданта.

За нарушение порядка (выход за границы деревни и др.) люди арестовывались военной полицией на срок от 10 до 14 суток.

В некоторых деревнях, как например, Великая Губа, Великая Нива и др. (Заонежский район), были организованы школы, в которых обучались дети. Учителями в школах были финны, присланные из Финляндии. Программы обучения включали в себя историю Финляндии, которая давалась в пределах новых границ (Великая Финляндия), т. е. почти до Урала. В программах Карелия выделялась как земля, исторически принадлежащая Финляндии. В темах по истории учащимся внедрялось, что русские были постоянно врагами финского народа.

Население держалось в неведении всех текущих

событий. Оно было лишено радио и газет. Единственная газета, которую получало население, была «Сеяная газета, которую получало население, была «Северное слово». Эта газета была предназначена для военнопленных. Издавалась она на русском языке».

Военнопленный 2-й роты отдельного финского батальона младший сержант Илмари Вийтала, захваченный в плен 4 июля 1944 г., показал:

«Комендантом г. Петрозаводска был издан приказ, которым запрещалось финским солдатам и офицерам общаться с русским населением. Все русское население, от детей до стариков, было посажено в концлагери. В Петрозаводске было шесть концлагерей для гражданского русского населения.

В лагере № 5, который размещался в погрангородке, недалеко от вокзала, находились мальчики и девочки 12—15 лет. В августе или в сентябре 1943 г. в этом лагере было расстреляно несколько детей. Финские власти объявили, что расстрел был произведен «при попытке к бегству». Условия для детей были кошмарные, их заставляли работать насильно, никто не лечил их, кормили исключительно плохо. В лагере свирепствовал тиф, в результате которого погибло много детей. Начальником лагеря № 5 был лейтенант Луккаринен.

В лагере № 3, который размещался в здании лыжной фабрики, находились женщины с грудными детьми. Условия для заключенных были созданы исключительно тяжелые. Из детей и женщин многие умирали.

В лагере № 2, который находился в студенческом городке, сидели дети, женщины и старики. Все лагери были обнесены колючей проволокой, высотой до 3-х метров.

В районе лагеря № 3 из квартир, где жили русские, свозилась вся мебель, ломалась и сваливалась в одну кучу. Это было сделано для того, чтобы показать заключенным, как финны обращаются с их имуществом. Все ценные вещи: одежда, обувь, пианино и рояли отправлялись в Финляндию.

Начальником военной полиции Петрозаводска был лейтенант Кантонен 30—35 лет. Он чрезвычайно жестоко обращался с русским населением.

Все грабежи в квартирах русских и вывоз вещей

в Финляндию делались по прямому приказанию лейтенанта Кантонен».

От Мартти Пелтомяки, солдата 1-й роты ПВО ППК 9293. Домашний адрес: Мери-Карвиа, Юликюля, Финляндия.

«Я служил в 1-й роте противовоздушной обороны. Служа в Петрозаводске в концлагере № 2, я видел однажды, как заключенных избивали резиновой палкой, одного до потери сознания. Двое мужчин сбежали, их задержали около Свири. Одного из них били до тех пор, пока тот не потерял сознание. Я лично видел это. Из окна комнаты, где мы находились в охране, хорошо видно было место, где производились избиения. В избиении в первую очередь участвовал начальник лагеря. По его приказаниям били заключенных. Начальником лагеря служил лейтенант Тимо Салаваара. В избиении участвовал также фельдфебель лагеря и старшина.

Избиение происходило в комнате конторы на столе. Наказываемого держали за ноги и за голову и били по спине. Таких случаев было 2—3 ежедневно».

12 июля 1944 г.

Командованию Красной Армии по просьбе солдата 1-й роты ПВО Урхо Ансели Юссила написал солдат Мартти Пелтомяки:

«Будучи в охране концлагеря № 6, весной 1942 г. я был очевидцем следующего случая: начальник лагеря прапорщик Ярвинен бил резиновой палкой одну женщину. В контору, где происходило избиение, пришел солдат Тикканен и сказал, что начальник слишком слабо бьет женщину. Солдат Тикканен взял резиновую палку и продолжал избиение. Вначале женщина стояла, а затем упала на пол. Несмотря на это, избиение продолжалось. После избиения женщину бросили на гауптвахту. В 1942 г. гауптвахта не отапливалась. Также я часто видел, как прутьями били мальчиков за то, что они уходили в город.

Кроме вышеуказанных, в избиениях принимал участие младший сержант Хирвонен».

12 июля 1944 г.

ФИНСКИЙ «НОВЫЙ ПОРЯДОК» В ЗАОНЕЖСКОЙ ДЕРЕВНЕ

Перед нами объемистая папка приказов и распоряжений полевого начальника Ламбасручейского участка Александра Пернанен.

Этот начальник, именовавший себя иногда управляющим, по существу являлся новоиспеченным помещиком. В его полновластном подчинении находились деревни Ламбасручей, Леликозеро, Мижостров, Пегрема, Селецкая, Карасозеро, Мунозеро и Красная Сельга Заонежского района.

Пернанен ретиво исполнял все приказания «Военного Управления Восточной Карелией», выжимая из населения все соки, исправно отправляя награбленное в Финляндию. Это он с резиновой дубинкой в руке обходил дома ламбасручейских крестьян, заставляя их выгонять со двора последнюю овцу, тыча под нос бумажку:

«Всем владельцам коров и прочего мелкого скота не позднее 15 июня 1942 г. передать свой скот общине».

Это он писал приказы старостам:

«Овец всех остричь и шерсть привезти в Ламбасручей».

«Весь урожай намолотить и сдать зерно в магазин».

«Всем лошадям отрезать хвосты до 30 октября и волосы привезти в земельный отдел».

«Теперь же соберите и положите в общую яму картошку... от каждого домхозяина...».

«Сразу же прислать в Ламбасручей все сырые кожи разного вида».

«Всех овец, баранов, ягнят 18. 5. 1943 г. согнать в Космозеро. Оттуда будут отправлены далее».

В приказе районного начальника Заонежского полуострова от 15 июня 1943 г. говорится:

«...старше 10 лет дети обязаны принимать участие по заготовке сена. Каждый должен заготовить сена самое малое 2000 килограммов».

Финны угоняли молодых юношей и девушек на каторжные работы в Финляндию, разрушали семьи, отрывали детей от родителей, матерей от детей. Вот документы:

«Старосте деревни Пегрема.

Приказываю сегодня же послать трех мальчиков: Прохорова Виктора, Прохорова Федора и Максимова Василия в Великую Губу пасти коней. А также назначьте в Кижи на молотьбу Ражиеву Татьяну, Прохорову Марию, Еремину Акулину, Прохорову Анну, Алампиеву Матрену, Петушову Марию и Алампиеву Марию.

15.6.1943 г.

А. Пернанен»

«Старосте деревни Пегрема.

Приказываю направить пять молодых девушек, которые должны явиться в понедельник утром в Ламбасручей для отправки дальше.

7.7.1943 г.

А. Пернанен»

ПРИКАЗЫ И РАСПОРЯЖЕНИЯ ФИНСКИХ ОККУПАЦИОННЫХ ВЛАСТЕЙ

Финские власти всю колхозную собственность, сельскохозяйственный инвентарь, скот, хлеб и другое, объявили военными трофеями.

Директива Олонецкого Окружного Штаба Военного Управления Восточной Карелией от 8 декабря 1941 г. № 150 гласит:

«Захваченную чужую собственность — сельхозмашины, инвентарь и другое имущество, а также домашний скот, следует учесть и объявить трофеями. Если же упомянутые выше трофеи частями не учтены, то сбор и учет их производят центральные сборочные пункты или должностные лица Управления».

В приказе по Управлению районом Шуньга говорится:

«Населению объявить, что в связи с военным положением у местного населения реквизируется зерно и фураж, которые они получили при распределении колхозных доходов. Местному населению оставить запас зерна только на три месяца. Все излишки зерна и фуража сдаются местному начальнику».

ИЗ ВЕСТНИКА ПРИКАЗОВ № 1 ВОЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ КАРЕЛИЕЙ

1 сентября 1941 г.

«Женщинам на сплавных и лесных работах уплачивается 60 процентов от зарплаты мужчин.

Команд. Военным Управлением Восточной Карелией подполковник *В. А. Котилайнен*
Нач. штаба подполковник *Г. Опелдман*»

«Русским и прочим инородным рабочим уплачивается 50—60 процентов расценок. Находящимся в концентрационных лагерях заработная плата не уплачивается.

Начальник округа подполковник *Эмели Копонен*
Начальник штаба капитан *Олли Палохеймо*»

(Перевод с финского)

«ПО СЛЕДАМ ВОЙНЫ»

Датский писатель о поездке в оккупированные районы Карело-Финской ССР

Стокгольмское издательство «Тиденс» издало в 1943 г. книгу датского писателя и военного корреспондента Херсхольт Гансена «По следам войны», содержащую впечатления автора от поездки во временно оккупированные финнами районы Советской Карелии. Автор книги, несмотря на свою дружбу с белофиннами, не смог скрыть своего удивления по поводу замечательных достижений народа Карелии в экономическом и культурном развитии при советской власти. В то же время автор вынужден признать факты варварского разрушения культурных ценностей и бесцеремонного ограбления населения оккупированных районов Карелии финскими захватчиками. Ниже мы приводим отдельные отрывки из книги Гансена «По следам войны».

«Рассматриваемую с точки зрения войны Карелию, — пишет Гансен, — можно описать, как совокупность опустошенных и невозделанных полей, сожженных сел и разбомбленных городов. Финский артиллерийский огонь превратил целые кварталы в развалины, а оставшийся после отступления русских инвен-

тарь уничтожался отчасти из страха перед минами, отчасти в отчаянии и страсти разрушения и отчасти увозился и используется теперь финской армией».

«...За последние месяцы финская армия захватила лишь очень ограниченное количество пленных. С ранеными пленными большей частью расправа весьма короткая. Это подтверждают сами финские солдаты.

Прибыв в Гамла-Карлебю, я увидел закрытый товарный вагон, где находилось около 20 более или менее серьезно раненных русских пленных. Вагон пришел за день до этого, но никто не подумал и не нашел времени заняться ранеными. В течение недели они были в пути и лежали на полу в грязном вагоне, обезумевшие от боли и дрожащие в лихорадке. Первая помощь им не была оказана до погрузки их в вагон и отправки. Разумеется, в таких условиях большинство тяжело и средне раненных русских умирает до оказания им помощи».

Описывая состояние латеря для военнопленных, автор указывает: «Самое ужасное впечатление производят инвалиды, которые за недостатком госпиталей были переправлены сюда, где их поместили в отдельном бараке. Их разместили на деревянных нарах, по 4 ряда друг над другом с расстоянием от каждого меньше метра. Каждый инвалид занимал площадь самое большее в 2 квадратных метра. Из-за недостатка места пленные не могли сидеть выпрямившись, а упирались головами в верхние нары... Какой смысл держать инвалидов в подобном состоянии? Эти условия несравнимы с теми, какие существуют для преступников в цивилизованной стране.

...В Парлампи, в лагере, были сотни живых, потерявших способность двигаться, сидевших в согнутой позе, как крысы, одетые в старые тряпки, в крошечной зловонной комнате, недостаточно отапливаемой при 25 градусах мороза.

...Офицер заметил на марше (в лагере С.), что один из пленных надвинул шапку на ухо, чтобы защититься от холода. Офицер строго крикнул ему: «Поднять шапку!..». Где разумное объяснение того, почему человек должен обязательно мерзнуть, если у него есть собственная шапка?

Число пленных, заболевших, особенно туберкуле-

зом, катастрофически велико. Фактически все болезни вызваны недостатком питания. Смертность в лагере очень высока. Кроме туберкулеза, очень распространена чесотка. Одежда заключенных военнопленных чрезвычайно жалка. Дело в том, что военную форму и сапоги, сохранившиеся в хорошем состоянии, у пленных отбирают и передают в финскую армию. Вместо превосходной военной одежды, пленные получают старую потрепанную русскую форму, которую уже нельзя носить на фронте. Особенно трудно с обувью, можно видеть многих пленных на прогулке, обутых в тряпки или бумагу.

Пропаганда использует это, чтобы подчеркнуть, как плохо была экипирована Красная Армия. Публикуются снимки военнопленных. Я видел много русских пленных сразу после их пленения — их платье и вооружение были безупречны.

...Поведение населения оккупированных областей и его настроение, несомненно, сильно разочаровали официальную Финляндию, ибо она ждала, что финскую армию встретят как освободительницу... Не население Дальней Карелии хочет «присоединиться», а, напротив, известные чисто финские круги в самой Финляндии хотят этого от населения Дальней Карелии.

Мы имели случай видеть колхозы Карелии, где оставшееся на местах население было вынуждено жить на картошке и соли. От завоевателей не было возможности получить даже хлеба, хотя они и настаивали на том, что пришли в качестве освободителей. Я посетил семью, которой с момента оккупации нечего было есть, кроме того, что можно было выпросить, как милостыню, у солдат. Крестьяне отчаянно ругались, и, я думаю, едва ли нашелся бы кто-либо, кто мог бы убедить их в том, что их освободили. Их запасы были конфискованы финской армией, у которой они были вынуждены просить милостыню».

Далее автор излагает свои наблюдения о городе Медвежьегорске: «Большая часть города, — пишет он, — состоит или вернее состояла из старых плохоньких домов, которые все же, как я узнал позднее, были сожжены финнами отчасти из страха перед минами, частью же потому, что в них легко могли скрыться саботажники. Если исключить сравнительно большое

количество деревянных домов, построенных еще в старое время, Кархумяки (Медвежьегорск) производил впечатление расцветающего города. Жилые дома представляли собой большой комплекс каменных зданий, а общественные здания, как, например, санаторий и комбинат медицинских учреждений и городского Совета, были почти роскошны. За последние 10 лет население города почти удвоилось. Советское правительство находило время и возможность построить в отдаленных районах Дальней Карелии много больших зданий и поднять общественный уровень. В окрестностях Кархумяки (Медвежьегорск) расположены теплицы, оборудованные так хорошо, что им нет равных в Дании и Швеции, и большой отель в том же городе, отнюдь не хуже отелей Гельсингфорса. В каком из городов Западной Европы на 15 000 жителей имеется здание собственного театра? Здесь, в Медвежьегорске, он есть, и вблизи него находится техническая школа, школа для детей, библиотека, маленький искусствоведческий музей, спортбаза».

«Я был удивлен, — продолжает автор, — колоссальной заботой Советского Союза по отношению к детям и молодежи... На берегу Онеги я посетил лагерь для детей. Теперь он пуст, а раньше служил для зимнего и летнего пребывания комсомольцев и юных пионеров. Управление и устройство этого лагеря были таковы, что любой западно-европейский скаут позеленел бы от зависти.

В противоположность русским, допустившим уже с 1917 г. финский язык, финны оказались нетерпимыми и старались в малейших деталях как можно скорее добиться иллюзии «финизации».

Говоря о земледелии в Карелии, автор пишет: «Превосходство земледелия в Советской Карелии по сравнению с земледелием Восточной Финляндии очевидно. На общих началах владения землей колхозники не только могли существовать, но существовали отлично».

Херсхольт Гансен приводит сравнительную таблицу урожайности по годам в Олонецком районе.

Книга заканчивается словами: «Систематически анализировать все отрасли промышленности Советской Карелии не представилось возможным. Но приведенные цифры убеждают в том, что последние 25 лет

люди работали изо всех сил, и развитие гигантски шло вперед.

Несомненно, было бы трудно найти другой пример столь быстрой индустриализации, как в Карелии, значение которой для Советского Союза и в некотором отношении и для мировой экономики всесторонне возросло. Отдаленные первобытные районы за Полярным кругом приобщились к цивилизации и вошли в контакт со всем остальным миром. Но здесь, как и во всех остальных областях, война принесла разрушения, регресс и вандализм».

---

3. В КОНЦЕНТРАЦИОННЫХ ЛАГЕРЯХ ДЛЯ МИРНОГО СОВЕТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

ПИСЬМО

146 бывших в заключении в концентрационных лагерях в Петрозаводске во время финской оккупации

Не чернилами, а кровью советского народа, пролитой в финских лагерях и застенках, мы подписываем это письмо.

Мы требуем, чтобы смерть наших детей, матерей, отцов, братьев и сестер, погребенных на берегах Онежского озера, была отомщена могучей Красной Армией.

Почти три года мы находились в плену у злодеев, возглавляемых финско-фашистскими палачами и садистами.

Почти три года мы были оцеплены двойной колючей проволокой, окружены тюремными вышками и охранялись вооруженным конвоем.

Нас морили голодом, избивали нагайками за малейшую провинность, нас топтали тяжелыми солдатскими сапогами и травили, как бешеных собак.

Финские солдаты врывались по ночам в наши бараки и насиловали наших девушек и женщин. Особенно отличались на этом позорном поприще озверелые солдаты генерала Лагус. Эти лагусовцы стреляли в наших детей, убивали их только за то, что

они пытались самовольно уходить в город, чтобы нищенствовать и выпрашивать у подворотен финских кухонь и казарм немного каши и сухарей.

В одном только Петрозаводске финны соорудили шесть лагерей, где в грязных, холодных бараках ютились 30 000 человек, повинных только в том, что в их жилах течет кровь советских народов.

От голода, которым нас морили финны, от жестоких побоев, порки через мокрые пропитанные солью тряпки, — этих обычных методов финских тюремщиков, — в каждом лагере умирало в день по 20—25 заключенных. Живое свидетельство этому — братские могилы на Соломенском шоссе, в «Песках», где похоронены тысячи наших отцов, матерей и детей.

Школы были превращены в казармы, русские учебники сожжены. Библиотеки были закрыты, а русские книги вывезены в Финляндию. Финские власти грабили заключенных. Они заставляли нас выносить из занимаемых нами каморок лично нам принадлежащие вещи и отнимали одеяла, часы, чемоданы.

Особенно зверствовал в лагере № 2 комендант лейтенант Салаваара, беспощадно поровший заключенных и выгонявший плетьми на работу больных людей. За малейший проступок одного заключенного он лишал весь лагерь рациона. Управляющий хлебозаводом Раккала сажал людей в чаны с холодной водой на несколько часов. Нам хорошо запомнились финские палачи — комендант лагеря Вильё Лаакконен, его подручный Пеухкуринен. В Подпорожье сержант Хейто выгонял больных, голодных людей в одной рубашке на снег. Подобными фактами была полна вся наша жизнь.

Для «правонарушителей», состоявших преимущественно из детей, молодежи и женщин, созданы были лагери специального назначения в Кутижме, Вилге, Киндасове, по своим условиям не уступавшие средневековым казематам. Здесь советских людей морили голодом, выгоняли на лесные работы зимой в рваных резиновых галошах на босую ногу. Здесь население лагерей питалось мышами, лягушками, дохлыми собаками. Здесь умирали тысячи пленных от кровавого поноса, тифозной горячки, от воспаления легких — без всякой врачебной помощи. Врач-зверь Колехмайнен вместо лечения бил больных палками и кулаками, вы-

гонял тифозно-больных на мороз и заставлял сгребать снег с крыш. Этот выродок с медицинским образованием изобрел особый способ умерщвления больных — он вспрыскивал быстро действующий яд в нарывы больных, и последние умирали в ужасных судорогах.

Из 600 человек лагерников, пригнанных в Кутижму в начале 1942 г., в живых осталось и вернулось в петрозаводские лагери только 149 человек, большинство из которых либо на всю жизнь остались нетрудоспособными, либо умерли через короткий срок.

Нас никогда не называли по именам или фамилиям, мы числились под особым номером, и когда увозили на кладбище кого-нибудь, то говорили, что «увезен такой-то номер».

Для палачей фашистской Финляндии мы были не люди, а рабы, с нами поступали, как с рабами: били, морили голодом, плевали в лицо, стригли девушкам косы и не разрешали свободно ходить в церковь.

Церковную службу мы посещали только под надзором лагерного конвоя. Нам не разрешали хоронить своих родных и детей.

Финские фашисты относились с презрением к православной церкви.

За все эти годы кошмарного плена мы не встречали ни одного представителя Международного Красного Креста, финские палачи творили свою расправу над советскими людьми безнаказанно...

27 июня финские палачи под ударами Красной Армии начали уходить из Петрозаводска. В бешеной злобе, сжигая все на своем пути, они взрывали мосты, поджигали электростанции, сжигали лесопильные заводы, фабрики и культурные учреждения. Взрывали большое количество строений и оставляли за собой сплошные пожарища. 29 июня 1944 г. в освещенный пламенем пожаров город явились советские краснофлотцы и освободили нас из лагерей и тюрем.

Мы понимаем задачи, стоящие в данный момент перед нами. Мы сделаем все, чтобы возродить из пепла разрушенные фашизмом города.

Мы включаемся во всенародное социалистическое соревнование, чтобы быстрыми темпами восстановить наши заводы, мосты, электростанции, жилые дома, гостиницы, железные дороги, университет и библиотеки.

Спасибо Красной Армии, спасибо Верховному Главнокомандующему Маршалу Советского Союза товарищу Сталину!

Письмо подписали 146 человек бывших заключенных в лагерях г. Петрозаводска

ШВЕДСКИЕ ГАЗЕТЫ О ЛАГЕРЯХ ДЛЯ СОВЕТСКОГО ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Корреспондент шведской газеты «Свенска дагбладет» в конце января 1944 г. рассказал о том, что он побывал в лагере военнопленных... женщин. «Впечатление было странным: мы увидели девочек, — пишет корреспондент. — Их глаза искрились от ненависти и возмущения». Корреспондент «Дагенс нюхетер» пишет о другом лагере, где «половина заключенных состояла из женщин и инвалидов». Он рассказывает, как тысячи советских людей умирали в лагерях от голода. В газете «Стокгольм тиднинген» рассказывается о телесных наказаниях, каким финны подвергают население лагерей, о порках и сечениях розгами.

СПРАВКА

о концентрационных лагерях на оккупированной территории Карело-Финской ССР

Все русское население оккупированных районов было принудительно свезено в город Петрозаводск и в другие районы и размещено в концентрационных лагерях. Заключению в концлагери подлежало не только взрослое трудоспособное население, но и женщины, старики и даже дети.

Семь лагерей находилось в черте города. Под них были отведены жилые кварталы, обнесенные колючей проволокой, охранявшиеся круглосуточно часовыми и собаками. Кроме того, несколько лагерей для русского населения были расположены в Петровском, Кондопожском и Прионежском районах Карело-Финской ССР.

Около 25 тыс. русского населения, т. е. почти все, оказавшиеся на оккупированной территории, были загнаны в концентрационные лагери.

Из них около 60 процентов были старики, женщины и дети.

В черте города Петрозаводска эти лагери по категориям и количеству содержавшихся в них советских граждан представляли из себя следующую картину:

Лагерь № 1 находился на южной окраине города. В нем содержалось около 1000 человек, главным образом, престарелых, так как в него были сведены не успевшие эвакуироваться из домов престарелых.

Лагерь № 2 размещался в жилых домах строительства «Северная точка», в нем находилось более 3000 советских людей. Этот лагерь считался «штрафным», так как сюда направляли особо «провинившихся» советских людей. Он славился своим жестоким режимом.

Лагерь № 3 находился в домах рабочего поселка лыжной фабрики. В нем содержалось более 3000 советских граждан.

Лагерь № 4 размещался в жилых домах Онегзавода по улице Калинина. В нем имелось около 3000 человек.

Лагерь № 5 находился на территории рабочего поселка Кировской железной дороги. Здесь содержалось около 7000—8000 советских граждан. Это был один из крупнейших концентрационных лагерей, расположенных в городе.

Лагерем № 6 называлась территория поселка «Перевалочная биржа», где в домах содержалось до 3500 советских людей.

Лагерь № 7 находился в жилых кварталах около «Перевалочной биржи». В нем содержалось 2000—3000 человек. В 1943 г. состав заключенных этого лагеря был расформирован и влит в лагери № 2 и 5.

Кроме городских концлагерей, финны организовали несколько концентрационных лагерей тюремного типа в деревнях Киндасово, Кутижма, Видлицы, Колвасозеро, Святнаволок и поселке Лососинное. В них в общей сложности содержалось свыше 3000 человек.

В лагери тюремного типа направлялись те, которые в чем-либо провинились и были на подозрении у оккупантов.

Наиболее «опасных преступников» финны сажали в Киндасовскую тюрьму, которая славилась исключительно жестоким режимом.

Для руководства лагерями и распределения рабо-

чей силы в них, при Военном Управлении Восточной Карелией было создано так называемое Управление Восточно-Карельских переселенческих лагерей, которое возглавлял подполковник Рольф Шильд.

В концлагерях финны ввели режим, соблюдение которого имело целью истребление советского населения.

На работы советских людей выводили под конвоем. Работать заставляли не только трудоспособных, но и престарелых людей, и не достигших совершеннолетия подростков. Рабочий день длился по 12 часов и более. В первые два года оккупации труд заключенных почти не оплачивался. Питание в лагерях было плохое, и людей смерть косила пачками. Смертность в этот период достигала колоссальной цифры. Так например, в концлагере № 5 за один год из 8000 человек умерли от истощения и разных болезней около 2000, т. е. 25 процентов всего состава.

Финские оккупанты широко применяли телесные наказания. За малейшие проступки советские люди подвергались жестоким избиениям резиновыми дубинками. В каждом лагере была учинена специальная должность палача, в обязанности которого входило истязание советских людей по приказу коменданта. Иногда финские изверги заставляли советских людей избивать друг друга.

Для получения нужных признаний арестованных пытали. Излюбленным методом пыток финнов являлось окутывание избитых до крови людей солеными простынями.

Финские оккупанты установили на всей захваченной ими территории К-Ф ССР дикий произвол. Об этом свидетельствуют следующие факты. Подросток Пименов из концлагеря № 2 был избит, а потом расстрелян.

В лагере № 5 12-летний мальчик Демехин вышел за зону лагеря, пытаясь пройти в город и выпросить кусок хлеба. Он был замечен охранником и тут же у проволоки застрелен. Таких фактов установлено много.

Весь Петрозаводск финны превратили в застенок. Лишь незначительное количество населения, преимущественно финнов, карел и вепсов, имело право на проживание в городе без ограничений.

Пытаясь искусственно увеличить число якобы захваченных советских военнопленных, финские военные власти прибегали к наглой фальсификации. В 1943 г. из концлагерей, где содержались русские, были отобраны 75 человек мужчин призывного возраста и направлены в лагерь для военнопленных по улице Льва Толстого в г. Петрозаводске. Применяя издевательства и пытки, финские палачи добивались от мирных советских граждан заявления о том, что они якобы являются военнослужащими Красной Армии.

Таким путем финским извергам удалось сфабриковать показания на 19 человек (из 75), в которых эти люди «признали» свою службу в Красной Армии. В числе этих людей находятся никогда не служившие в Красной Армии: стрелочник Силкин, начальник станции Деревянка Власов и другие.

Справка составлена по рассказам очевидцев.

Н. Шитов, С. Сулимин

31 июля 1944 г.

НА ФИНСКОЙ КАТОРГЕ

Рассказ жителей Заонежской деревни

Темной и бесцветной была жизнь советских людей под ярмом финских поработителей. Захватчики сделали жизнь жителей деревни сплошной пыткой. Запрещалось все: собираться группами, петь песни, ходить позже установленного часа.

Собрались как-то девушки и попытались запеть песню. Их немедленно окружила полиция и посадила в так называемую «будку». В этой будке перебывали буквально все жители деревни — от мала до велика, ибо малейшего повода было достаточно, чтобы посадить человека в эту «будку». Арестованным не давали ни есть, ни пить. И хорошо, если арест заканчивался через день — два.

Всех жителей деревни, не исключая и детей, финны заставляли работать в лесу, на заготовке дров. Нормы, установленные шюцкоровскими извергами, были непосильны не только для детей, но и для взрослых, ослабленных постоянным недоеданием, болезнями и по-

боями. Тем - не менее, малейшее недовыполнение нормы каралось избиением советских людей. Неоднократно подвергался побоям и Женя Мекшин, 11 лет, который обязан был за неделю заготовить 20 кубометров дров.

С ужасом вспоминают жители дни, проведенные ими в концлагерях в Петрозаводске. Через это чистилище прошли почти все жители деревни. Но далеко не все остались после этой каторги живыми, а еще меньше вернулось оттуда домой.

Особых поводов для отправки советских людей в петрозаводские концлагери не искали. Достаточно было одному из членов семьи не понравиться любому «полицаю», как вся семья отправлялась в концлагери. Именно таким образом попала в лагерь семья Зинаиды Лаврукової, состоявшая из 7 человек, вместе с маленькими детьми, семья Вакуловой — 5 человек и другие.

Техника отправки была очень проста. Семье, отправляемой на каторгу, объявляли, что она переселяется на новое место жительства. Приказывалось все ценные вещи запаковывать (их финны «доставят» на новое место жительства), разрешалось с собой брать только на 3 дня продуктов. Как только семья была погружена, вещи направлялись, но, конечно, не вслед за ней, а на финские склады.

Такова была финская система ограбления советских людей.

Очевидцы рассказывали о том, что творилось в одном из Петрозаводских лагерей, как жили те люди, которых финны загоняли в лагери:

Петрозаводский лагерь № 2 размещен в помещениях бывшей «Северной точки». Лагерь кругом обнесен колючей проволокой, выставлена охрана. Население лагеря содержится в жутких антисанитарных условиях. Спят на полу без всякой подстилки. Медицинской помощи не оказывается. На работу выгоняют обессилевших и разутых людей. Население лагеря обречено на голодное вымирание. С людьми обращаются, как со скотом, запрягают их в упряжки и возят тяжести, избивают. От побоев, голода и изнурительного труда в неделю умирало до 20 человек. Хоронили их по средам и воскресеньям.

Осенью 1941 г. советского гражданина по имени

Ивана финский солдат избил пряжкой ремня до такой степени, что тот не мог встать.

В январе 1942 г. женщину Ширяеву Анастасию Ивановну избили за то, что она выехала рано за водою. Побои ей были нанесены публично. При этом финские солдаты посматривали друг на друга и от удовольствия смеялись.

В апреле 1942 г. Наумов Лаврентий Иванович попросил разрешения сходить в больницу за получением медицинской помощи. Вместо помощи, финский солдат Паули и начальник лагеря нанесли ему побои железной тростью, после чего Наумов сошел с ума.

Опубликовано в газете
«Ленинское знамя»

АКТ

2 июля 1944 г. Акт составили жители деревни Ерш-Наволок Пряжинского района, находившиеся в финском плену в концлагере № 2. В лагере находилось в заключении около 3 тыс. мирных советских жителей: мужчин, женщин, стариков и детей. В лагерь финны сгоняли всех без разбора — и дряхлых стариков, и старух, и матерей с грудными детьми.

В лагере жили все вместе в общих бараках в ужасных антисанитарных условиях, за оградой из колючей проволоки в три метра высотой и из двух — трех рядов кольев. Здесь находились здоровые, больные и уже умершие с голоду. Работающим в сутки выдавали по 250 граммов муки и больше ничего.

В лагере свирепствовали заразные болезни — тиф, дизентерия. От болезней умирало по 70 человек в день. В поисках пищи мы весной извлекали из-под снега убитых зимой и осенью собак и кошек, у которых кожа облезла, мясо было с червями, и мы их ели. Многие из заключенных в поисках пищи охотились за крысами и лягушками. Некоторым удавалось воровать из ясель финских лошадей картофельную шелуху, но за это жестоко избивали.

На наших глазах одного пленного за то, что он полез за отбросами картофеля, финн ударил рукояткой пистолета и в двух местах проломил ему голову, после чего застрелил. Финн приказал снять с убитого русского лохмотья, но, когда начали стаскивать с него одежду, пленный зашевелился — он был еще жив. Тогда финн вторично стал стрелять в него.

Финны нас часто избивали резиновыми дубинками. Так двух женщин они убили насмерть. Ершова Николая привязали к столу и били резиновыми палками до тех пор, пока он не умер. Федорова Сергея Александровича финские изверги избили до потери сознания. Юношу Пименова, 17 лет, избили до потери сознания. После побоев Пименов пытался бежать под проволоку, но его заметили и пристрелили.

Финские живодеры заставляли работать с 5 до 24-х часов даже старух и детей. Терешкину Екатерину Алексеевну и детей: Терешкину Екатерину Захаровну, 16 лет, и Соккоева Ивана, 12 лет, заставляли работать на пилке дров. У Пелевиной Евгении Ивановны с голоду умерло двое детей. В семье Богдановых из 7 человек умерло с голоду пятеро. Также умерли с голоду Иванов Алексей, 17 лет, Максимов Михаил, 26 лет. У Терешкиной Екатерины Алексеевны с голоду умерло двое детей — Евгений, 4 лет, и Лидия, 1½ лет. Нас было 600 человек. За 11 дней из 600 человек осталось в живых только 140, остальные 460 умерли с голоду.

В лагере умирало с голоду так много людей, что их не успевали хоронить. Ребятишек финны заставляли рыть большие ямы, в которые сваливали трупы советских людей, умерших с голоду и от побоев, по 40—50 человек в яму. За два года нашего пребывания в лагере нам не выдали ничего из одежды, в силу чего все обносились и ходили в лохмотьях. Многие не выдержали голода, пыток и побоев и кончали самоубийством. Белов Александр Петрович, 69 лет, не выдержал жуткого кошмара в лагерях, достал где-то иода и отравился. Перед уходом из деревни финны предупредили: «Кто не уедет в Финляндию — всех расстреляем». Мы бежали в лес и там жили до прихода Красной Армии.

Жители селения Ерш-Наволок:

Федоров Сергей Алексеевич, Тихонович Иван Александрович, Тимонин Павел Александрович, Герасимов Варфоломей Иванович, Соккоев Иван Тихофеевич, Терешкина Екатерина Алексеевна, Пелевина Евгения Ивановна, Соккоев Иван Иванович, Терешкина Екатерина Захаровна.

НАЧАЛАСЬ СТРАШНАЯ ЖИЗНЬ...

Записи из дневника русской девушки А. М. Капраловой, страдавшей в плену у финнов

«Осыпаются листья осенние,
Эх, хорошая ночка в лесу!
Выручай меня, силушка мощная,—
Я в неволе тюремной сижу...»

Под этим эпиграфом следует заголовок: «Сочинения в лагере в 1942 г.» и записи, продиктованные сердцем измученной пленницы:

«Этот день был тосклив и печален, этот день запал в память мою. Никогда я его не забуду. Мы остались у финнов в плену. Я не в силах всего описать. Но как из дому выгнали, буду всегда помнить.

Что творилось тогда — я не знаю, отправляли тогда в лагери. Меня притащили в финскую контору, и людей не одна уж тут сотня была. Собрались с детьми и с возами, много было страданья и слез.

Дом родной, рыдая и плача, мы оставили, и в неволю уехать пришлось. Страшная жизнь началась в лагерях — все исчезло: и веселье, и радость, и счастье. Остались мученья одни»...

РАССКАЗ

Галашевой Агафьи Амосовны, 1905 г. рождения, уроженки Ленинградской области, Подпорожского района, деревни Пидьма

Я, как и многие другие русские люди, вместе с двумя малолетними детьми была заключена в концлагерь № 2 г. Петрозаводска.

Много лишений пришлось претерпеть мне и моим детям от финских бандитов. Для того чтобы как-нибудь прокормиться, в 1943 г. я брала на стороне белье для стирки, так как за эту работу мне платили продуктами. Тем занималась и моя подруга Богданова. Однажды мы закончили стирку партии белья, но никак не могли передать его клиентам, так как за проволочное ограждение лагеря никого не выпускали. Тогда мы, я и Богданова, решили полезть за проволоку. Нам это удалось, мы отнесли белье, за что по-

лучили по куску хлеба. В лагерь также пришли незамеченными. Однако кто-то нас выдал, и мы были посажены в «будку». «Будка» — это холодное помещение, которое никогда не топилось, в нем снег падал в разбитые окна.

Продержали нас в «будке» 15 суток, кормили, когда вздумается, что сталось с нашими детьми — мы не знали. Один раз мы услышали, как ребенок Богдановой с истерическими воплями звал мать. По истечении 15 суток к нам в «будку» зашел переводчик с тремя вооруженными солдатами и объявил, что мы обе осуждены на расстрел и завтра в 12 часов приговор будет приведен в исполнение. По лагерю тогда было расклеено объявление, что Галашева и Богданова за самовольный уход из лагеря в такое-то время будут расстреляны.

В назначенный день нас в сопровождении конвоя повели к штабу. Пришел и финский поп. Помучив нас еще некоторое время, нам объявили, что по указанию свыше приговор отменяется и заменяется вечной каторгой.

После этой процедуры нас снова заперли в «будку», где мы в общей сложности просидели 60 дней.

Виновником всего этого я считаю коменданта лагеря Салаваара.

РАССКАЗ

Поповой Татьяны Васильевны, 1920 г. рождения, уроженки Карело-Финской ССР, Беломорского района, деревни Вирмы

С первых дней оккупации я была заключена в концлагерь № 2. Я знаю хорошо финский язык и, видимо, поэтому была назначена писарем в штабе.

С самого начала в лагере выдавали людям лишь 300 граммов хлеба с какой-то несъедобной примесью и больше ничего, если не считать крох вонючей колбасы, которую даже самые голодные люди не могли есть.

Вскоре в лагере началась смертность на почве истощения, причем финские лекари неизменно ставили диагноз — водянка. Люди, еще остававшиеся в живых, ходили как скелеты, с неимоверно большими, раздутыми животами и отекшими ногами. Почти никакой врачебной помощи не оказывалось, да и она бы не

помогла, так как единственное, что требовалось людям — это улучшить питание.

Те, кто уже не мог передвигаться, оставались лежать тут же в бараке и умирали на глазах своих родственников. Затем приходили возчики и отвозили труп на кладбище. Сопровождать покойника родственникам запрещалось. Кладбище находилось где-то в районе «Песков».

Я, как писарь штаба, могу назвать сравнительно точную цифру людей, умерших в лагере № 2 за один год существования лагеря. Из 1500 человек, содержавшихся в лагере, умерло 300.

Высокий процент смертности являлся результатом не только полуголодного существования, но и непосильной работы. Финны заставляли работать всех — маленьких детей от 7 лет и старше, беременных женщин, глубоких стариков и больных.

За малейший проступок оккупанты жестоко наказывали. Для того чтобы пожизненно упрятать человека в тюрьму, достаточно было одной резолюции начальника штаба Военного Управления Восточной Карелией генерал-майора Араюри.

Так например, за его подписью была прислана в лагерь № 2 бумажка о заключении в тюрьму невинных советских женщин Галашевой и Богдановой. Араюри также потворствовал применению в лагерях розог, пыток и т. п.

Его непосредственным подручным в злодеяниях по лагерю № 2 являлся комендант лагеря лейтенант Салаваара, который с особым садизмом расправлялся с советскими людьми и не гнушался лично избивать маленьких детей.

РАССКАЗ

Богдановича Кирилла Ивановича, 1915 г. рождения, уроженца г. Ленинграда

В конце сентября 1941 года наша баржа, на которой я эвакуировался из г. Петрозаводска, была захвачена финнами.

С этого времени я из свободного советского человека превратился в «лагерника», в «пленного».

Всех нас, захваченных на барже, финны направили в город Петрозаводск. Там нас стали постепенно рассортировывать по концентрационным лагерям, организованным в черте города.

Военными властями был издан приказ о том, чтобы все мужчины в возрасте от 16 до 50 лет явились с зимними вещами к коменданту. Не дожидаясь приказа, полицейские хватали людей на улицах и направляли в лагери. 20 октября был схвачен и я, и помещен в концлагерь № 2.

Вначале в лагере нас было только 200 мужчин. Потом количество населения в лагере увеличилось, так как туда заключили русских людей из захваченных финнами районов Ленинградской области.

Единственным признаком для водворения в концлагерь советских людей была их принадлежность к русской национальности. В лагерь помещали не только взрослое трудоспособное население, но и глубоких стариков, и грудных детей, и детишек, не имеющих родителей. Лишь бы было доказано, что они являются русскими.

К лету 1942 года количество людей в лагере № 2 достигло 1500 человек.

Установленный в лагере режим был жестоким. Все «лагерники», как нас официально называли, получали по 300 граммов хлеба, состоящего больше чем на половину из несъедобных примесей. Иногда давали по нескольку граммов порченой колбасы или других продуктов.

Рабочий день в лагере длился с 6 часов утра и до 8 часов вечера, причем вечерняя работа, производившаяся в зоне лагеря, носила чисто издевательский характер. Нас заставляли производить совершенно бессмысленную работу. Мы перетаскивали с места на место тяжелые камни, переносили с места на место изгородь и т. п. Бесцельность этой работы была настолько очевидна, что люди шли на ее выполнение с ужасом.

От непосильной каторжной работы и голода в лагере в 1942 году началась повальная смертность. Диагноз был один и тот же — истощение.

За один год от истощения в нашем лагере умерло свыше 300 человек, что составляет более 20 процентов от общего количества людей, заключенных в лагерь.

Режим истребления советских людей был введен

палачом в роли коменданта лагеря, офицером финской армии лейтенантом Тимо Салаваара и его заместителем сержантом Вейкко Линдхольд.

Салаваара лично избивал до полусмерти советских людей за малейшие проступки. Каждому финскому солдату из охраны лагеря разрешалось избивать людей по собственному усмотрению.

Салаваара организовал «будку», т. е. карцер, представляющий из себя холодное, неотапливаемое помещение, куда зимой проникал снег. Сюда людей по «приговору» Салаваара заточали на срок от 3 до 60 дней.

В лагере имели место вопиющие случаи издевательств над советскими людьми.

31 декабря 1941 года из лагеря было увезено около 40 мужчин, которые подозревались в том, что они являются советскими военнослужащими. Никаких документальных оснований, подкрепляющих эти подозрения, не было.

Всех 40 человек поместили в лагерь военнопленных на улице Льва Толстого в г. Петрозаводске. Чтобы добиться признаний, их всех по очереди финны подвергали страшным истязаниям и пыткам. По истечении 2-х недель, часть людей направили обратно в лагерь № 2, а часть бесследно исчезла.

На работы в лагере гнали всех без исключения, больных и здоровых, женщин и детей. Тех, кто не подчинялся, жестоко избивали.

Финскому солдату показалось, что рабочий Калкасов Георгий слишком медленно идет на утренний развод. Он набросился на Калкасова и избил его рукояткой пистолета.

Финские захватчики вели себя в оккупированном ими г. Петрозаводске, как отпетые бандиты и головорезы.

Характерный по своей жестокости случай произошел летом 1943 года с гражданкой Яркоевой Надеждой, 35 лет, матерью 4-х детей.

Сама Яркоева жила в городе. С группой женщин в 5 человек она проходила мимо проволочных заграждений у концентрационного лагеря № 4. Одна из женщин обронила ключ и начала его искать. Часовой, находившийся около колючей проволоки, окрикнул ее и приказал отойти от заграждений.

Женщины, бросив искать ключ, послушались часового, и пошли в направлении, которое он им указал.

Не прошли женщины и 100 метров, как вдруг раздался выстрел, и прямым попаданием в спину Яркоева была убита наповал.

Зверское и ничем не оправданное убийство этой женщины произвело огромное впечатление на всех жителей Петрозаводска. Ее похороны походили на демонстрацию.

18 июля 1944 г.

РАССКАЗ

Музыченко Павла Тарасовича, уроженца Адыгейской Автономной республики, Шовшенского района, станицы Анатырбовской

До начала военных действий я работал на Кировской железной дороге в качестве дежурного станции Пяжиева Сельга. Когда противник подошел близко к станции, мы, находившиеся там железнодорожники, были отрезаны и 10 октября 1941 г. захвачены финнами и размещены по концентрационным лагерям. Лично я был помещен в лагерь № 2 для гражданских пленных.

Спустя полтора-два месяца несколько мужчин призывного возраста, в том числе и меня, финские власти вызвали и направили в другой лагерь. Куда и зачем — я не знал. Из различных лагерей собрали нас примерно 75 мужчин. Позднее выяснилось, что направили в лагерь военнопленных, который помещался в г. Петрозаводске на ул. Льва Толстого. Здесь начались допросы, цель которых сводилась к тому, чтобы добиться от нас признания в том, что мы не мирные граждане, а советские военнослужащие.

Лично меня допрашивал офицер финской армии, фамилии которого я не знаю.

Меня привели к нему, и он стал задавать мне вопросы: «какое у меня было оружие», «куда я дел оружие», «в какой воинской части я служил» и др.

Я объяснил, что не являюсь военнослужащим, а работаю на железнодорожном транспорте, в воинских частях не служил и никакого оружия не имел.

Офицер требовал, чтобы я назвался военнопленным. Я категорически отказался отвечать. Тогда офицер

предложил мне встать и выйти на середину комнаты, а сам стал натягивать резиновые перчатки. Вначале я не понял, в чем дело. Вдруг он подскочил ко мне и стал наносить мне по лицу один удар за другим. Избив меня, офицер спросил, намерен ли я сознаться. Я вновь отказался.

Тогда офицер написал протокол допроса, в котором было написано, что я сознаюсь, что являюсь военнопленным и имел при себе оружие. Я отказался подписать этот сфабрикованный протокол, заявив, что ничего подобного я ему не говорил. Тогда офицер написал другой протокол, в котором было сказано, что я хотя и не военнопленный, но имел при себе «наган». Я отказался подписать и этот протокол, объяснив, что никакого оружия у меня не было.

Офицер продолжал настаивать и одновременно интересовался, кто еще из железнодорожников имел оружие. Я заявил, что нам, железнодорожникам, оружия не выдавали и поэтому назвать таких людей я не могу.

Офицер приказал мне снять валенки и чулки, а сам, вытащив из горящей плиты накаленный прут толщиной в палец, стал прижигать мне голые пятки. Несмотря на неимоверные мучения, лопавшиеся на теле пузыри, я упорно стоял на своем, — что я не военнопленный.

Офицер, повидимому, наслаждался моими мучениями и после каждого прикладывания раскаленного докрасна прута к телу спрашивал, сознаюсь я или нет.

Пытка раскаленным железом продолжалась более 10 минут.

Видя, что я упорствую, офицер придумал еще одну пытку. Он заставил меня подойти к горящей плите и нагнуть голову, предупредив, что если я по счету «три» не сознаюсь, он меня пристрелит: «Для вас, собак, пули не жалко», — сказал мне офицер.

Я выполнил все, что мне велел офицер, однако он не выстрелил.

Видя, что ему ничего не добиться, офицер составил протокол, что военнопленным я не являюсь, который я охотно подписал. После пыток я 20 суток находился в лагере для военнопленных.

18 июля 1944 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ

В Чрезвычайную Государственную Комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников

от учителя Старцева Николая Александровича, год рождения 1910, проживающего в настоящее время в г. Петрозаводске по Полярной улице в доме 97

В начале октября 1941 г. финны захватили в плен почти все население с. Косельга, Вознесенского района, в том числе граждан, эвакуированных из других мест. Я, инвалид, вместе со своей престарелой матерью и больной сестрой оказался в плену. Все население села было выгнано из домов и всем было предложено ехать в г. Петрозаводск. Те, которые не желали покинуть своего насиженного крова, пристреливались на месте, и трупы убитых долгое время лежали в канавах. На утеху пьяных солдат и офицеров оставили несколько молодых девушек, под видом работы в прачечных.

У меня одну корову отобрали на месте, а другую, которую сестра привела в Петрозаводск, отобрали у нее с рук. После этого сестра с горя заболела и после продолжительной болезни умерла в концентрационном лагере. Через неделю мучительной голодной смертью скончалась моя мать. Нужно сказать, что финны, заключив население в концентрационные лагери, под двойную колючую проволоку, отобрали у него все продовольствие, продукты, хлеб, скот. Ежедневно у всех приезжающих производили обыск и отбирали все продовольствие и ценное имущество. При этом никакая мольба населения о пощаде (оставить хотя бы для голодных детей несколько фунтов крупы) не принималась во внимание. Матерей, которые были настойчивы, финны били, отгоняли прочь от котомок.

Так, население сразу было поставлено на голодный паек. Начался голод и связанные с ним последствия. Женщины, малые и старые, с опухшими ногами, ходили с корзинами, шатаясь от ветра, рвали крапиву и траву, в надежде хоть этим утолить муки голода.

Когда травы уже не было, то искали в помойках прогнившие кости, перемалывали на муку и ели. Более ловкие приноравливались бить из рогаток ворон. Крысы, кошки и собаки все были съедены. Как следствие всего этого, начались эпидемии и массовая смертность. Гробовщики не успевали делать гробы. В наскоро сколоченных ящиках трупы умерших сваливались в сарай, откуда по 30—40 гробов (два раза в неделю) вывозились на кладбище «Пески». Так и я похоронил свою мать и сестру.

Нельзя выделить личные обиды и притеснения от общего страдания народа в концентрационных лагерях. Вот почему я остановлюсь еще на системе пыток и издевательств, практикуемых финнами. Всякое общение с лагерниками было запрещено под страхом расстрела. Были сделаны вышки высотой 8—10 метров, куда запирали провинившегося. Они были устроены так, что человек насквозь промораживался сквозящим, морозным ветром. Люди, которые выходили оттуда, навсегда теряли здоровье и умирали от простуды. Пороли и запирали в «будку» за самые незначительные проступки. Маленький 3—4-летний ребенок случайно вышел за проволоку, — финн приводит ребенка к матери и тут же бьет и ребенка и мать кулаками и плеткой. Старуха-мать ушла через проволоку в другой лагерь, чтобы увидеть своих детей, ее поймали и, не считаясь с возрастом, раздели догола, избили до полусмерти. Эта старушка так и не увидела своих детей, она умерла. Беременная женщина вышла в город, изверги узнали об этом, пришли в комнату и тут же избили ее. В результате легкие были отбиты, и она вскоре после этого умерла. К сожалению, фамилии этих мучеников я не запомнил. Финский врач избивал обессилевших и больных людей. Избивали здесь особым способом. Накладывали соленую тряпку, и палач методически, точно бил в одно место. Один гражданин принес откуда-то две буханки хлеба и каши. Финны заставили его сразу съесть все это, выпить два ведра воды, после чего выпороли.

Больше всего финские изверги издевались над нашими детьми. Редкий мальчик и девочка не пороты. Их пороли и в одиночку, и группами по 20—30 человек. Стоны истязуемых разносились далеко за пределы ла-

геря. После такой пытки человек не мог ни лечь, ни сесть в течение ряда дней. Ученика Гераськина в лагере № 6 избили палкой, после чего свезли в штаб и там дали еще 15 плеток.

У меня на родине финны сожгли дом. Я сейчас совершенно раздет — не имею ни одежды, ни обуви, — все сожжено в парилках.

(Подпись)

ЧТО ПРОИСХОДИЛО В ПЕТРОЗАВОДСКЕ

Еще в те дни, когда в Петрозаводске хозяйничали финские мерзавцы, до нас доходили сведения о муках советских людей, заключенных в концлагерях. Сейчас мы беседуем с людьми, пережившими этот ужас. Подтверждая все, что уже было рассказано о петрозаводских лагерях смерти, освобожденные жители приводят новые факты издевательств финнов над русскими людьми. И эти рассказы звучат как грозное обвинение финским палачам, которые понесут возмездие за все их злодеяния.

В течение тридцати трех месяцев все русские жители Петрозаводска, включая и детей, располагались в семи концентрационных лагерях, обнесенных высоким забором из колючей проволоки. Выход из лагеря без разрешения начальства карался расстрелом. Люди выходили отсюда только под конвоем. Их водили на каторжную работу.

Вот сидит группа бывших лагерников. Среди них Клавдия Шарикова. Она начинает рассказ:

«Много, много натерпелись мы. Обо всем и в три дня не расскажешь, и в десять дней. Про свое горе мы складывали песни. Мы пели их потихоньку».

Нам сейчас еще трудно подсчитать число жертв финских преступников. Но некоторое представление об этом можно составить, если прочесть один документ. Это сообщение начальника лагеря № 3 о результатах отправки партии заключенных на лесозаготовки у станции Кутижма. В сообщении значится, что из всей партии в 571 человек вернулось в лагерь только 175. Остальные списаны «как естественная убыль». Они погибли от истощения и непосильной работы.

О своем горе, о мучениях своих односельчан, которых загоняли в петрозаводские и другие лагери,—

рассказывает с дрожью в голосе старый русский человек, Александр Петрович Назуков.

«Худо жилось, так худо, что и вспомнить-то страшно. Вся деревня наша перебывала в лагерях. Все! И молодой, крепкий народ, и мы — старики, и даже младенцы. Так и выселяли в эти лагери целыми семьями. Так и жили мы за колючей проволокой в 2 ряда. Лагерь, куда меня изверги загнали, был в районе Онегзавода. Там заставляли работать. Там была каторга. Вот поглядите на меня — стар я. Очень стар. Да финнам все равно: заставляли меня чугун грузить на платформы. Тащишь, бывало, этот чугун по настилу — ноги дрожат, подкашиваются. Только и думаешь — упаду, и, как гробовой крышкой, придавит меня этот самый чугун.

Тут, конечно, дело не только в летах. До финнов у меня силенка была, дай бог молодому! Но в лагере голодом заморили. Ведь как нас кормили! Двести граммов бурды какой-то на день и все. Даже воду, и ту только в указанный час пить можно было. Пухли люди, живыми покойниками на глазах становились, умирали без счета. Почитай, пять с половиной тысяч в том лагере на Онегзаводе было нас, а за три месяца умерло полторы тысячи, и все больше от голода.

Бывало, идешь мимо того места, где финская солдатская команда побывала, найдешь там застывшие ошметки каши, воняющая она, а ешь... Голод до всего доводит.

Да что говорить! Вот слушайте страшную правду, которую я вам скажу. Мы крыс всех поели и собак тоже, старые кожи все съели. Скребли их и варили, получался студень темный, липкий, глядеть на него страшно».

Анна Яковлевна Коренухина, бывшая обитательница барака № 32 в лагере № 2, рассказывает о нечеловеческом режиме, установленном финнами для советских людей.

«Однажды наши малолетние детишки случайно вышли за ограду, когда людей отправляли на работу. Это заметил комендант. Он загнал детишек обратно, а в наказание приказал всем женщинам и девушкам нашего барака, — а их было свыше 30, — наголо остричь волосы. Вот, видите, они и посейчас еще не отросли.

Собаки-финны после этого даже следили за тем, чтобы все были стриженые. Чуть подрастет волос — снова стрижка начинается».

«Каждый день нас по любому поводу пороли, избивали до полусмерти. Порка стала обыденным явлением, — продолжает Анна Яковлевна. — Розги применялись по отношению к взрослым и к детям».

«Чуть что не так, замешкался на работе, или допустил какое-нибудь нарушение «порядка» — сразу розги, — рассказывает Григорий Харитонов. — Всех нас пересекли финские ироды. Вот у меня на спине 30 ударов палкой отмечено. Били так, что кожа черной стала. А за что? Не проявил, мол, усердия в работе. Начальник нашего лагеря № 2 лейтенант Салаваара — зверь лютый. Он лично избивал нас резиновой дубинкой».

В лагере № 3 царил лейтенант Каллио. Душегуб ввел в лагере должность палача, которую с усердием исполнял финн Вейкко Ламберг. Этот подлец придумал специальный способ издевательства над советскими людьми. Он садился «провинившемуся» на голову, вытаскивал из бочки с соленой водой тряпку, накладывал эту мокрую просоленную тряпку на тело мученика и изо всех сил избивал его плеткой. Это был его метод, и он хвастал им, подлец.

Шестидесятивосьмилетняя Анастасия Дмитриевна Парфенова из лагеря № 3 рассказывает со слезами на глазах:

«Была в нашем лагере 24-летняя Надежда Андреевна Максимова. Уж над ней издевались, страшно вспомнить. Вот однажды вышла она из лагеря — хотела двум своим ребятишкам (они тоже в лагере были) еды какой-либо достать. Поймали ее изверги и на глазах у детей расстреляли.

Да, вот еще насчет этой семьи. У Нади отец был в этом же лагере, Андрей Николаевич Костин. Он страдал от голода и непосильного труда. Однажды, когда выгоняли нас на работу, он не поднялся. Посмотрели мы на него, а он мертвый лежит.

Били нас каждый день по всякому поводу. Если, например, из барака уйдет кто, — всех избивали. По 25—50 плеток давали. А били, сволочи, изо всех сил. Марию Карпову так избили, что она хоть и осталась жива, да на всю жизнь инвалид».

Записали со слов граждан, освобожденных из финской неволи:

майор *А. Плющ*, майор *И. Адов*, лейтенант *А. Кондратович*

5 июля 1944 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ

В Чрезвычайную Государственную Комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников

от гражданина Арсентьева Павла Арсентьевича, 1897 г. рождения, проживающего в Петрозаводске, пос. № 3 (быв. лагерь № 3)

Живя в лагерях у финнов, я подвергался 3 раза порке за побег и за невыход на работу. За малейшие проступки финны избивали ни в чем неповинных людей до потери сознания. Так, осенью 1942 года я пробыл в казарме вечером свыше установленного времени 1 час. В казарму вошел финский солдат, он увидел меня. Я сумел убежать из казармы домой. Он не узнал меня. Утром живущие в нашем доме женщины назвали мою фамилию. Вечером на проверке начальник лагеря лейтенант Арви Малмиваара предложил мне выйти вперед, лечь на скамейку, где мне дали 10 ударов резиновыми розгами. Я потерял сознание, а очнувшись, почувствовал, что все тело ноет.

Во время порки присутствовало около 200 человек. Пребывание в лагере унесло у меня полжизни. Сейчас часто болею.

Я был неоднократно свидетелем порок ни в чем неповинных людей, которых терзали заведующий подсобным хозяйством Вильговских лесоразработок Лаакконен и заведующий складом этих же разработок.

от Акимова Виктора Федоровича, проживающего в поселке № 6

Я работал в лагерном штабе один месяц. В штаб меня назначил работать комендант. Что первым мне бросилось в глаза в штабе, это избиение наших

людей плетьми. Сам майор каждый раз, когда патруль приводил ребят из города, брал плетку для расправы. Стукнет один раз по столу плеткой, спрашивает: «Зачем был в городе?» Мальчик обычно со слезами отвечает: «Ходил за хлебом». Тогда майор приказывал: «Снимай штаны!» И, положив ребенка на стол, порол до тех пор, пока тот не скажет три раза, что больше в город не пойдет. Подобные расправы практиковались почти каждый день. Били не только маленьких, били и взрослых, но били крепче.

РАССКАЗ О ЖИЗНИ В ПЛЕНУ

Кувылудина Александра Львовича, уроженца Ленинградской области, Подпорожского района, деревни Усланки

Это было в 1941 г. 8 сентября захватили нас финны в лесу, привели в деревню и разогнали по домам. Что нам говорили — мы ничего не понимали, потом стали говорить с нами через переводчиков. Началась наша жизнь в плену. Через несколько дней привезли в нашу деревню много народа, тоже захваченных в плен. Тут, конечно, образовались у них штабы, полиция, которая сразу прекратила хождение в соседние деревни, и даже по своей деревне разрешалось ходить только с 6 часов утра до 7 часов вечера. Потом, спустя месяц, пошел слух, что всех живущих в нашей деревне Усланка будут увозить неизвестно куда. Ну, дождались и этой участи, когда пришли злые варвары, приказали через 30 минут быть на дороге, а куда повезут — неизвестно, только говорили, что в «каупункиин»[1], и мы покинули свои родные дома. Вывезли нас 29 октября и привезли в г. Петрозаводск. Определили по лагерям. Я очутился в 4-м лагере. Утром встали, видим — обносят наши дома колючей проволокой, а кругом стали ходить вооруженные патрули. За водой и дровами ходим под надзором патруля, а кто сумел уйти под проволоку, того били плетками и сажали в «будку» на несколько дней. Вот таким путем протекала лагерная жизнь. Люди от недоедания, расстройства, заболеваний стали пухнуть и умирать. Еженедельно вывозили до 40 гробов на кладбище. С января 1942 г. начали людей от-

[1] Kaupunki — город.

правлять на лесозаготовки. Самая «примерная» была Кутижма, в которой я находился 6 месяцев. Много людей привезли сюда с упадком сил, но на это финны не обращали ни малейшего внимания. Без медицинской помощи люди от избиений палача-врача умирали. Был такой случай в нашей бригаде с Доршаковым Василием. Он был уроженец Подпорожского района, д. Мятусово. Его конвоир забил почти досмерти, я с товарищами не успел донести его до барака, по дороге он умер. И таких случаев было много. Еще мужчина, тоже из Подпорожского района, дер. Осиевщина, Филатов Дмитрий Степанович, работал бригадиром, — из его бригады хотели ребята уйти к своим, так за это его избили и посадили в «будку». После этого он заболел и через некоторое время умер. Таких случаев не перечесть. Паразит-врач выгонял всех больных на улицу, выстраивал в строй и начинал командовать: раз—два, — а кто не мог отделить ног от земли, того начинал бить палкой. Так он и меня ударил в висок, я тут же упал без памяти, хорошо что товарищи затащили на койку. Это было в июне, 5 числа. Потом этого палача назначили в командировку в Финляндию, а нас, больных; отправили чуть живыми в лагерь. В лагере я пролежал 2 месяца. Лечил меня русский врач Парфенов Василий Арсентьевич, от которого многие получали помощь.

РАССКАЗ

учительницы Клавдии Одоевской

Проживает в г. Петрозаводске, Лососинская наб., д. № 27

16 сентября 1941 г. я эвакуировалась из рабочего поселка Свирь-3 в Ровскую судостроительную верфь. Через несколько дней (24—25 сентября) в Ровское пришли финны. Финны вламывались в дома, приставали к женщинам, издевались над ними. В первых числах декабря 1941 г. финские власти объявили, чтобы русское население собралось для отправки, но куда именно — не сказали. Три дня мы добирались до железнодорожной станции Свирь. В пути мы останавливались в нетопленных холодных зданиях. Мой ребенок все время был на морозе. На ст. Свирь нас погрузили в товарные вагоны — туда набили народу

доотказа, так, что негде было сидеть. До Петрозаводска мы ехали 8 суток. У одной женщины, Галины Беловой, умер грудной ребенок. Она похоронила его в снегу. В дороге финны продуктов не давали.

В Петрозаводске нас направили в лагерь № 4, обнесенный колючей проволокой. Меня с семьей сестры (всего 8 человек) поместили в маленькой каморке. Продукты, холст и другие вещи, которые наши люди привезли с собой, финны сразу же после прибытия в лагерь отобрали. В лагере от плохого питания (мы ели крапиву, трупы собак, прошлогодний гнилой картофель) развилась большая смертность.

В нашем бараке № 12 проживала семья Беловых из 7 человек. За одну неделю у них умерло пятеро (мать и 4 детей). Весной 1942 г. весь лагерь поголовно переболел цынгой, а дети корью. У меня от кори умер ребенок. В бараках было холодно, на полу постоянно лежал иней. Дрова для лагеря мы возили на себе.

Еженедельно в нашем лагере умирало по 25 человек. Хоронили покойников так: из подростков, находящихся в лагере, была составлена бригада, которая рыла могилы (под присмотром финского патруля). Гробы накладывались в ямы штабелями, и яма зарывалась лишь тогда, когда она была доверху наполнена гробами (25—30 гробов). Кладбище «Пески» находилось по Соломенскому шоссе, в 5—6 км от лагеря № 4.

Лагерь № 4 находился по улице Калинина. В 1942 г. большинство заключенных нашего лагеря было отправлено на лесозаготовки, а остальных, и меня в том числе, перевели в лагерь № 6.

4 июля 1944 г.

В ЛАГЕРЕ № 5

Левкин Александр Петрович, 1925 г. рождения, уроженец Ленинградской области, Подпорожского района, дер. Павловская, проживающий в г. Петрозаводске, поселок № 1, барак № 3, рассказал о том, как жили советские люди в плену у финнов.

«Наш район захватили немецко-финские захватчики. Финнами был взят в плен и я, как военнопленный, хотя я никогда не был военнослужащим. Меня

направили в концентрационный лагерь, который финны называли лагерем «советских военнопленных», тогда как в них не было ни одного военнослужащего Красной Армии, а находилось лишь мирное население.

Лагерь, в который меня заключили, находился в г. Петрозаводске и значился под № 5. В этом лагере я пробыл с 23 ноября 1941 г. до 29 июня 1944 г., т. е. до того момента, когда Красная Армия освободила г. Петрозаводск, а вместе с тем и всех советских граждан, заключенных финнами в лагери.

Режим в лагере был зверским. Подъем в 6 часов утра, в 7 часов все должны быть на разводе у ворот лагеря, откуда пленных бригадами под конвоем направляли на различные работы.

С работы мы возвращались в 5 часов и до 8 часов вечера занимались уборкой лагеря.

В 9 часов вечера всякое хождение по лагерю специальными приказами строго воспрещалось, и все должны были находиться на своих местах, воспрещалось также переходить из одной комнаты в другую.

Запугивание, побои и расстрелы были излюбленными методами финских правителей для поддержания заведенного ими порядка в лагерях.

За опоздание на работы — били, не явишься вовремя в лагерь — побои и карцер, задумаешь протестовать против произвола лагерного руководства — опять побои и карцер, а чаще расстрел на месте.

В 1943 г. я был отпущен в город и не смог вовремя вернуться в лагерь. На следующий день я заболел и по разрешению врача не вышел на работу. За мной пришли два финна, избили меня резиновыми палками и на 12 суток посадили в холодный карцер. Гражданку Майорову Анну финны избили за то, что она вздумала протестовать против произвола старосты лагеря, систематически обворовывавшего заключенных при выдаче продовольственного пайка.

За ту или иную «провинность» одного отвечали все жильцы барака, где жил «провинившийся».

Когда заключенный в лагерь Кулаков Александр, 14 лет, пытался выйти из лагеря в город для приобретения продуктов и был задержан, то за это все жильцы дома № 20 лагеря № 5 были оставлены на 4 дня без питания.

В лагере царили произвол и грабеж.

Все лучшие вещи заключенных финны и их пособники отобрали себе.

В лагере была установлена мизерная норма продовольственного снабжения: давали на день по 300 граммов хлеба с примесью древесной муки, иногда 15 граммов сахара и изредка 50 граммов конины.

Но и эта норма не доходила до заключенного, так как старшины бараков, которые ведали распределением продуктов, всячески обкрадывали заключенных.

Доведенное до крайнего истощения, население лагерей вынуждено было различными путями добывать себе дополнительное питание, за что жестоко наказывалось финнами.

Однажды мы с мальчиком Демехиным Сашей вышли из лагеря, нашли немного продуктов и принесли их.

Наше отсутствие было замечено начальником лагеря, и нас вызвали в комендатуру на допрос.

При допросе офицер Мойланен, периодически, через каждые 5—10 минут, избивал меня резиновой палкой, внутри которой находился железный прут.

После допроса нас, раздетых, бросили в холодный карцер, где было 18—20 градусов холода. После того, как мы пробыли в карцере 6 часов, к нам пришел финн Вейкко и, избив снова резиновой палкой, отпустил в барак.

Всего мне за это время было нанесено 43 сильных удара.

Демехин Саша при вторичной попытке выйти из лагеря с той же целью без всякого предупреждения был убит финским солдатом.

Мне известен и такой случай, когда истощенные от недоедания и непосильной работы 5 человек заключенных в лагере поселка Вилга решили бежать из финского плена, но были задержаны, доставлены обратно в лагерь и прогнаны сквозь строй.

Один из пяти пытавшихся бежать, подросток лет 15, не выдержав избиения, укусил лейтенанта за палец. Тогда лейтенант схватил подростка за горло, бросил в сторону, а один из солдат тут же пристрелил его из винтовки. Лейтенант же заявил, что такая участь грозит и остальным четырем заключенным.

18 июля 1944 г.
г. Петрозаводск.

АКТ

1 июля 1944 г., дер. Полдыки, Пряжинского района, Карело-Финской ССР. Мы, нижеподписавшиеся, колхозники колхоза «Объединенный труд», Согинского сельсовета, Подпорожского района, Ленинградской области, Данчуков Михаил Афанасьевич, Корчин Степан Андреевич, Титов Александр Гаврилович, составили настоящий акт о нижеследующем: при оккупации финнами колхоза «Объединенный труд», Согинского сельсовета, Подпорожского района, Ленинградской области, по распоряжению финского коменданта гарнизона 25 ноября 1941 г. все колхозники Согинского сельсовета, по национальности русские, были отправлены в концлагерь № 5, находившийся в г. Петрозаводске (бывший железнодорожный городок). Всего из Согинского сельсовета направлено в лагерь 105 семей. При направлении в лагерь все имущество и скот у колхозников финны изъяли. Всего финны забрали 80 лошадей, 130 голов крупного рогатого скота, более 200 овец, более 110 свиней, птицу и все личное имущество колхозников.

Колхозникам при направлении в лагерь разрешалось взять только постельное белье и на несколько дней хлеба.

В лагере № 5 105 семей из колхоза «Объединенный труд» находились с 25 ноября 1941 г. по 10 мая 1943 г. и жили в ужасных условиях. Люди размещались в маленьких комнатах по 12—20 человек, получали на день лишь по 200 граммов муки для болтушки.

Финны систематически издевались и избивали русских, находившихся в лагерях. Колхозника Титова А. Г. били шомполами, колхозника Данчукова М. и его жену — палками. В результате жутких условий жизни, в лагере № 5 из 8000 человек умерло более 3000 человек. В иные дни в лагере умирало по 20—25 человек, причем трупы умерших убирались не ежедневно, а через 2—3 дня. В мае 1943 г. часть семей Согинского сельсовета из лагеря финны направили в Пряжинский район на заготовку леса. Так, из дер. Полдыки было направлено 32 семьи.

(Подписи)

ФИННЫ НЕ ЩАДИЛИ ДАЖЕ ДЕТЕЙ

В лагерях советских пленных финны кормили плохо, хлеба давали по 350 граммов на день и мяса — конины по 50 граммов на 7 дней. Детишки в лагерях умирали от голода.

В то время хоронили умерших в лагере советских пленных по 3 раза в неделю: в понедельник, среду и пятницу. И в каждый раз в покойницкой навалива-лись костры умерших людей.

Советские дети в концентрационном лагере белофиннов.

Желая помочь плачущим от голода сестренкам и братишкам и убивавшимся с горя матерям, подростки Саша Демехин, 12 лет, Ваня Коновалов и Леня Кутоев тайком уходили из лагеря в город. В фин-ских столовых они выпрашивали у работавших совет-ских людей остатки каши или кусочки хлеба и при-носили домой.

22 октября 1942 г. ребята при возвращении в ла-герь были замечены финскими часовыми в тот момент, когда они подползали под колючую проволоку. Сол-даты подняли стрельбу в детей. Палачам удалось тя-жело ранить Сашу Демехина. Ваня Коновалов и Леня Кутоев были на 5 суток заперты в холодную «будку».

Раненого Демехина финские изверги направили в больницу. В больнице перед смертью Саша рассказал матери, что выпрошенные им для братишек и сестренок галеты находятся в кармане. В страшных мучениях в ту же ночь Саша скончался.

Демехина Меланья Михайловна, Демехин Павел Иванович

14-летний Коновалов Иван, уроженец Ленинградской обл., Подпорожского района, дер. Медведица, рассказал:

«Вместе с родителями я был в плену у финнов, в лагере № 5. Однажды я договорился со своими товарищами: Демехиным Александром и Кутоевым Леней перелезть через проволочное заграждение и уйти в военный городок, чтобы достать сколько-нибудь хлеба или галет для родителей, так как они в то время сидели голодными. Такое же положение было и у моих товарищей. Через проволоку мы перелезли, и нас не заметили, а когда возвращались обратно, то нас обнаружил финский солдат Микко и открыл стрельбу. Я сейчас не помню, сколько он сделал выстрелов, но одна пуля попала в грудь Демехину Саше. К месту, где упал Саша, прибежали другие финские солдаты, и меня с Кутоевым задержали и увели в карцер, а Сашу Демехина увезли в больницу, где он и умер. Меня и Кутоева вызвал к себе начальник лагеря — лейтенант и бил нас палкой, а солдат Микко дергал меня за ухо. В карцере мы сидели 5 суток, и вместе с нами сидело еще много мальчиков и мужчин, фамилий которых я не знаю».

Гражданка Савина Дарья Васильевна, 1888 г. рождения, уроженка Карело-Финской ССР, Заонежского района, деревни Сельга, рассказывает: «Свободное хождение было ограничено даже в зоне лагеря. Охрана была усиленная, финны действовали по строгим инструкциям, запрещали подходить на близкое расстояние к проволочному заграждению. За это угрожал расстрел, как за попытку к бегству.

В 1943 г. фашистский охранник Тойвола избил моего сына Захарьева Сергея Яковлевича. От сильных побоев мой сын лишился слуха и несколько дней болел, не мог двинуться с места. Тот же Тойвола избил

подростка Евгения, сына Савельевой Татьяны, за то, что тот, измучившись на работе, сел отдыхать. Избиение мужчин и подростков было массовым явлением.

Пленные советские граждане получали нищенский паек продуктов. В 1942—43 гг. нам выдавали на человека в день по 300 граммов хлеба из муки с древесной примесью и 50 граммов гнилой колбасы на три дня. Люди истощали так, что не могли передвигать ног, а работать все равно заставляли.

В лагере была массовая смертность. О количестве умерших можно судить даже по тому, что, согласно инструкции, вывоз умерших на кладбище производился два раза в неделю. Вывозили по 20—25 гробов за один раз и хоронили в общую могилу-траншею по 3—4 гроба».

КАК НАС ФИННЫ МУЧИЛИ

Гюбиев Федор Иванович, 1911 г. рождения, уроженец Пряжинского района, с. Пряжа, Карело-Финской ССР рассказывает:

«Во время оккупации финские войска творили неслыханные зверства. Финские палачи упражнялись в меткости стрельбы по живым целям — по детям, подросткам и женщинам. Я с семьей проживал за оградой лагеря в Петрозаводске и в 1943 году лишился двоих детей. 29 февраля 1943 года мои дети, мальчик и девочка, были на улице, и финский душегуб выстрелом из винтовки из окна своего дома убил их. Этот фашистский выродок не стоял на посту, а, блаженствуя дома в своей квартире, упражнялся в меткости стрельбы».

Калкасов Николай Николаевич, 1927 г. рождения, уроженец дер. Петрозеро, Гоморовского сельсовета, Подпорожского района, Ленинградской области, рассказал:

«Финская администрация лагеря № 5 в городе Петрозаводске, в особенности сержант финской армии Вейко Ламберг, издевались над советскими людьми. Часто людей вызывали в штаб лагеря и избивали. Меня в штаб лагеря вызывали три раза и очень сильно избивали.

Первый раз это было в феврале 1943 г. Я пошел в город, чтобы там купить хлеба. Дорогой меня

поймали солдаты из охраны лагеря, привели в штаб, находящийся у зоны проволочного заграждения лагеря. В штабе меня избил сержант финской армии Вейкко Ламберг ударами плетки — я получил 25 ударов, а после избиения меня посадили на 4 суток в «будку».

Второй раз — в марте 1943 г. — меня вызвал в штаб лагеря сержант Вейкко Ламберг и избил меня кулаками по лицу. Лицо у меня было все изуродовано, опухло, и я даже не мог есть. После этого меня на 5 суток посадили в «будку».

Третий раз — в октябре 1943 г. — я с группой советских граждан возвращался с работы в лагерь. Дорогой мне захотелось итти впереди, и я обогнал несколько человек. За это меня отправили в штаб лагеря, где сержант Вейкко Ламберг с переводчиком Бакалюк Петром Герасимовичем меня избили до потери сознания. После этого избиения меня домой принесли, и я трое суток не мог ни сидеть, ни ходить».

Смирнов А. А., уроженец Ленинградской области, Подпорожского района, дер. Киссиево, рассказал:

«В лагере администрация и подчиненная ей охрана творили полный произвол над пленными советскими людьми. Люди содержались в антисанитарных условиях. Ввиду неимоверной скученности, завелись у всех вши, людей морили голодом, били палками и плетками и чинили над ними разные издевательства.

Я был очевидцем, когда финский солдат Лехтинен избил, абсолютно ни за что, одного старика. Лехтинен избивал его палкой так, что палка сломалась от ударов».

Остроумов Петр Спиридонович, 1922 г. рождения, уроженец Калининской области, г. Великие Луки, находился в концлагерях № 5 и 1 в г. Петрозаводске — неоднократно сам подвергался избиениям и был очевидцем избиения других. Он рассказал:

«От повседневного недоедания я был сильно истощен и, чтобы не умереть с голода, вынужден был продавать свои вещи для приобретения продуктов. Узнав про это, комендант лагеря, майор финской армии, приказал подвергнуть меня экзекуции. 1 декабря 1943 г. будочник-капрал финской армии и капрал Тойвола

исполнили это приказание, нанеся мне 60 ударов резиновой палкой. Экзекуция происходила на глазах Амосова Дмитрия Петровича, Каликина Иосифа Федоровича и Федотова Алексея.

Копосова Василия финские палачи избили за то, что он имел спрятанный фотоаппарат.

Гоголев Василий был избит за то, что передал за проволоку своим знакомым личные вещи для приобретения продуктов.

Финские изверги пороли розгами матерей, дети которых, играя, забегали за лагерную ограду.

В 1943 г. за оградой лагеря № 6 были убиты двое детей, которые шли по тропинке, идущей рядом с оградой лагеря.

ЗАЯВЛЕНИЕ

В Чрезвычайную Государственную Комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников

от учительницы Лукиной Капитолины Ефимовны, проживающей в Петрозаводске по ул. Перевалочной в доме № 17

В 1941 году 18 сентября в с. Остречины, Ленинградской обл., Вознесенского района, пришли фашистские изверги-финны. Они начали издеваться над мирными советскими людьми. Жителей Остречин эвакуировали в г. Петрозаводск и посадили в концентрационные лагери, обнесенные колючей проволокой.

Условия жизни в лагерях были ужасные. Но мне в лагере пришлось жить недолго. Скоро всю молодежь угнали на лесозаготовки, вместе со всеми уехала и я в Орзегу. Нас увезли от родителей, сказав, что увозят на 3 недели. Но продержали нас там не 3 недели, а 3 года. Сообщения с родными не было никакого. Условия были еще хуже, чем в концлагерях. Многие люди болели от голода и тяжелой принудительной работы. Больных увозили в лагерь, где они и умирали.

Был случай, когда один финский патруль, который караулил рабочих на бирже, выстрелил из винтовки

прямо в девушку Марусю, которая тут же упала. Он ее застрелил ни за что. Мертвую Марусю привезли в лагерь.

За невыход на работу сажали в будку и били плетками, через соленую тряпку. За невыполнение нормы не давали хлеба.

Несмотря на все издевательства со стороны финнов, рабочие лесозаготовок не боялись их. Они через проволоку тайно уходили в лагери, чтобы проведать своих больных родителей. У меня в лагере осталась мать и 13-летний брат. Мать в скором времени заболела, и эта весть дошла до меня. Я, конечно, не страшась финских патрулей, тайно пошла в лагерь через проволоку, чтобы проведать ее. Я пришла поздно вечером и ушла рано утром. Виделась с ней только одну ночь. Мать болела от голода. Брат мой Юра тогда пошел из лагеря в город, чтобы достать там матери кусок хлеба. Но его поймали финские патрули и стали просить сигарет или же денег, — обещая его отпустить. Какие у него могли быть деньги на выкуп? Не получив от него ничего, они свели его в штаб. Отобрали у него последний кусок хлеба, посадили в холодную «будку» на 4 суток. Стояли трескучие морозы. Ему к тому же дали 15 розг. Несмотря на все это, он все равно ходил в город и, таким образом, спас мать от смерти. В «будке» зато сидел не один раз, и плетками били его тоже нередко.

Как-то однажды приходит к нам финн Петтери Вийнанен для того, чтобы взять моего брата в «будку». Все мои попытки освободить его от мучений были напрасны, также были напрасны горючие слезы матери. Его посадили на 15 суток за тот же несчастный кусок хлеба.

Да, нет слов описать тяжелую жизнь и издевательства со стороны зверского врага.

19 июля 1944 г.

(Подпись)

ЗАЯВЛЕНИЕ

бывших заключенных Петрозаводского лагеря № 6 Лидии Колосовой и Антонины Кейковой

Шестой лагерь заключенных помещался на окраине г. Петрозаводска на Перевалочно-лесной бирже. Он состоял из 139 домов. Территория лагеря была обне-

сена колючей проволокой, высотой до 2 м. Внутри этого лагеря находился исправительный лагерь, состоявший из трех домов №№ 128, 129, 130. Этот исправительный лагерь был обнесен двумя рядами колючей проволоки и забором. Внутри лагеря на ночь выпускалась собака. В исправительный лагерь заключали «провинившихся», т. е. тех, кто пытался противоречить финнам, за попытки побега, за уход в город (в этом «провинялись», главным образом, ребята лет 10—12). Подходить остальным заключенным к исправительному лагерю строго запрещалось, разговаривать с заключенными также было нельзя. Попытки передать заключенным хлеб карались заключением в исправительный лагерь. Одну женщину за это ранили финны из ружья.

К моменту прихода Красной Армии в Петрозаводском лагере № 6 находилось до 3500 человек, согнанных со Свири, из Заонежья и других районов.

С самого начала существования лагеря (1941 г.) в нем развилась большая смертность из-за цынги, недоедания. Заключенные в большинстве пухли от голода. Ежедневно умирало по 10—15 человек. В общей сложности в лагере умерло свыше тысячи человек.

На неделю выдавали 40 граммов мяса. Заключенные питались крапивой, убивали собак, кошек, крыс, ловили лягушек. Заключенных отправляли под охраной на лесозаготовки, на очищение городских улиц. Среди этих людей были учителя и врачи. За малейшее нарушение лагерного режима финны подвергали заключенных порке резиновыми плетками, сажали в холодный карцер. Заключенным платили по 2—3 марки в день. Цены стояли такие: хлеб — 50 марок килограмм, спички — одна марка коробка. Причем, купить хлеб можно было потихоньку только у финских солдат, которые спекулировали своим пайком.

Начальник лагеря майор Куурема сам неоднократно избивал заключенных резиновой плеткой. После избиения он всегда ходил довольный и улыбался, говоря: «Немного руки болят, русских наказывал» (он говорил по-русски).

Мы работали в лагере в качестве писарей.

В воскресенье, 18 июня, придя на работу, мы увидели, что все документы, списки заключенных и т. п., были финнами сожжены.

Начальник лагеря майор Куурема и солдаты 20—21 июня начали распродавать свое и казенное имущество. Продавали и вещи, украденные с вещевых военных складов. Майор продавал папиросы (он запрашивал по 150—200 марок за пачку), грязное белье и т. д. Были случаи грабежа. Один солдат остановил мальчика, шедшего из города с продуктами, отобрал все продукты и прогнал мальчика обратно.

(*Подписи*)

ПИСЬМО

детей офицера Кузьмина воинам Карельского фронта

Дорогие товарищи бойцы!

Мы не видели нашего папу три года. Мы сидели за проволокой и не могли выйти на улицу. Финские солдаты очень крепко били тех, кто перелезал за проволоку. Если заметит патруль, то сразу же стреляет. В нашем лагере был мальчик Шура Версаков. Пуля поранила ему голову, а стрелял в него финн за то, что Шура хотел искупаться.

В первый год нашей жизни при финнах здесь умерла мама, и мы остались одни. Финны не давали нам никаких продуктов, и мы всегда ходили голодные; ели, что дадут нам лагерники.

Финны наказывали русских детей резиновой плеткой. Они сильно избили Лешу Васинова потому, что он ходил в город просить хлеба. Леша быстро вернулся, но они все равно узнали про это, и один солдат, которого звали палачом, бил его. Вся спина у Леши была синяя. Потом ребята еле дотащили его до дома.

Мы все боялись палача.

Было очень трудно жить. Но вот мы узнали, что подошли русские. Патруль ушел от нашего лагеря. Кругом в городе мы услышали взрывы. Это финны взрывали разные дома. В наш лагерь они привезли бензин и хотели сжечь лагерь, но не успели, так и убежали. Утром мы увидели, что подходят пароходы с красными флагами. Мы сразу догадались, что это русские, побежали на пристань и стали спрашивать про папу. Мы все время ждали его и всех вас.

Теперь мы знаем, что вы никогда не пустите сюда

финнов и никогда больше не будет колючей проволоки.

Спасибо вам, дорогие бойцы и командиры, за то, что вы освободили нас и что мы увидели нашего папу.

Володя Кузьмин, Аскольд Кузьмин

Июль 1944 г.
г. Петрозаводск

ЗАЯВЛЕНИЕ

В Чрезвычайную Государственную Комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников

от гр-ки Гужевой
Евдокии Платоновны

Я, Гужева Евдокия Платоновна, родилась в 1903 году, проживаю в настоящее время в поселке № 6, в доме № 41, кв. № 2. Прошу Вас разобрать мою жалобу.

Находясь в плену, я была врачом освобождена от работы по болезни. 4 октября 1943 года меня вызывают в штаб, а я не знала, зачем меня туда вызывают, я думала, что пришел мне денежный перевод от сына, который находился на работе в Подпорожье. И вот, придя в штаб, я спросила Вяппеля о переводе, и он спросил у меня мою фамилию. А за одним столом с Вяппеля сидел сержант.

В то время, когда Вяппеля искал мою фамилию в списке, в кабинет вошел начальник, который распределял людей на работы. Он сказал сержанту, что я не вышла на работу. Тогда сержант схватил плетку. Увидав плетку, я испугалась и побежала вон из кабинета, а сержант за мной вслед и, нагнав меня в коридоре, схватил за плечи и бросил об пол. Это я хорошо помню, а дальше не помню, что со мной было, так как я лежала на полу, потеряв сознание. Придя в сознание, я увидела, что меня уже подняли и повели в больницу. Когда врач осмотрел меня, то признал действительно больной.

В этот момент, когда меня сержант бросил об пол, я ушибла позвоночный столб, чем я страдаю и в настоящее время.

Прошу разобрать мою жалобу.

К сему: *Гужева Евдокия*

О ЛАГЕРЕ № 5

В ноябре 1941 года в железнодорожный поселок ст. Петрозаводск, Кировской железной дороги, финны привезли первых 200 мирных русских граждан, захваченных на территории Карело-Финской ССР. После непрерывным потоком подвозили других пленных. В январе 1942 года в лагере насчитывалось 8403 человека, все жилые помещения были густо набиты людьми, дети и женщины валялись на полу и не только в комнатах, но и в кухнях, коридорах, на лестницах.

Сразу же поселок был часто обнесен колючей проволокой и пленным под страхом смерти было запрещено выходить за проволоку без разрешения начальства.

Начальником лагеря был лейтенант Яакко Луккаринен (исключительный развратник), его помощниками — Салми и палач Вейкко Ламберг.

Впоследствии, с апреля 1943 года начальником лагеря был лейтенант Каллио.

Старшиной лагеря был изменник Люботинский Виктор Адамович. Этот проходимец только что до войны отбыл срок наказания по статье 58-й Уголовного Кодекса и жил в Остречинах, Вознесенского района, Ленинградской области.

С первого дня в лагере кормили по жестким нормам, все без исключения — дети и взрослые — получали хлеба по 300 граммов на день. Как правило, хлеб не взвешивали, выдавали «на-глазок». Мяса — гнилой конины — давали по 50 граммов на неделю.

Трудоспособных мужчин отправляли по этапу на лесозаготовки в Кутижму и Вилгу, Орзегу, Деревянное и Ровское, где люди подвергались исключительным пыткам и жили в очень тяжелых условиях.

По приказу штаба лагеря было объявлено, что если кто-нибудь выйдет за черту лагеря, то весь дом, в котором проживает виновный, будет лишен нормы на 4 дня. Так например, мальчик 12 лет из дома № 4 подполз под проволоку и был замечен; мальчика посадили в «будку», выпороли, а все живущие в 4-м доме 4 дня сидели без хлеба и продуктов. Несмотря на слезы голодных детей, закон выдерживался крепко.

Жители 26, 42 и 44 домов тоже из-за желания ребят проникнуть за проволоку жили без нормы 4 дня.

Пороли людей за то, что они не во-время являлись на работу утром. Гришину Петру и Тебрякову Андрею дали финны в холодной «будке» по 25 плетей.

Бандит Луккаринен не брезговал сам заниматься мордобитием. Однажды он избил кулаками до крови Павлова Ивана.

Для массовой расправы приезжала в лагерь городская полиция.

Плетьми стегали всех, кто подходил к проволоке, и даже тех, кто просто попадал на глаза начальству.

От плохих условий жизни, от грязи, плохого питания (к муке подмешивались опилки и в ней заводились черви, мясо и колбаса тоже были с червями), в январе 1943 года в лагере вспыхнула эпидемия сыпного тифа, и 8 месяцев в лагере был карантин.

За все время существования лагеря (с ноября 1941 года по июнь 1944 года) в лагере умерло около 3000 человек, и в основном от голода, непосильных условий труда, от заразных болезней.

Пугалом для живущих в лагере был врач по прозвищу «бог». Этот «бог» бил направо и налево как работников больницы в лагере, так и больных. Если «бог» обнаруживал в квартире грязь или вшей, то бил нещадно чем придется и давал приказ снять волосы немедленно.

Тяжелобольные еще больше простуживались от того, что до прихода «бога» на полтора часа в палатах открывались окна и двери, чтобы не чувствовался спертый воздух.

Сотрудники больницы и заключенные прятались от этого врача, чтобы избежать избиений.

Коновалов Игнатий Ефимович, Громов Иван Ефимович

19 июля 1944 г.
г. Петрозаводск

ЗАЯВЛЕНИЕ

В Чрезвычайную Государственную Комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников

18 сентября 1941 года в 5 часов вечера нашу местность заняли финны.

С первых же дней своего прихода они стали угнетать и грабить мирное население: резали скот, уничто-

жали огороды, разрушали строения, грабили личное имущество. Забирали у населения съестное, а детей оставляли голодными. 22 сентября 1941 года у меня угнали и зарезали 7-месячного поросенка и пригрозили, чтобы я никому не жаловалась, иначе буду наказана по закону военного времени.

С 1 декабря начали население эвакуировать. В холод и вьюгу, при 35—40 градусах мороза, женщины с малолетними детьми должны были итти пешком. Финны врывались в дома по 3—4 человека, пьяные, разрывали вещи и лучшее уносили. 2 декабря 1941 года ворвались 3 финна в мою квартиру, унесли 3 пары валенок. 4 декабря заявились снова и опять забрали лучшее мужское белье, да еще избили сестру.

14 декабря в 7 часов вечера выгнали жителей из квартир эвакуироваться. Мы просили оставить нас до утра, за это один изверг ударил мою 66-летнюю мать прикладом. 15 декабря нас выгнали из деревни, отобрав скот, выдав какую-то фальшивую бумажку. Везли в холодных вагонах 2 суток без света и воды, привезли в г. Петрозаводск и загнали в концлагери.

В первый год этой жизни погибли тысячи людей от рук палачей.

А. Федосеева

18 июля 1944 г.
г. Петрозаводск

ХОЗЯЙНИЧАЛИ ГОЛОВОРЕЗЫ

Коломенский Алексей Прокофьевич, 1895 г. рождения, уроженец Ленинградской области, Подпорожского района, дер. Пертозеро, содержался с 1 декабря 1941 г. по 28 июня 1944 г. в концентрационном лагере № 5 в г. Петрозаводске.

В этот лагерь финны пригоняли по этапу мужчин, женщин, стариков и детей из Вознесенского и Подпорожского районов Ленинградской области, а также из районов Карело-Финской ССР.

А. Коломенский показал:

«Заключенные работали от темна до темна на самых разнообразных трудоемких работах, на холоде и в воде. Кормили нас скудной пищей из отбросов. Ослабевших, опухших от недоедания людей финны из охраны лагеря избивали.

В лагере находилось свыше 7000 заключенных, и

жилые бараки были переполнены до невозможности. В результате созданных финскими властями невыносимых условий, жесточайшего лагерного режима, на почве сильного истощения в лагере имела место большая смертность. По моим записям в личном блокноте, далеко неполным, общее число умерших значится около 2000 человек. Работая возчиком, я вывозил из лагеря умерших на кладбище «Пески», расположенное в 5-ти километрах от города Петрозаводска. По моим записям, в мае 1942 г. умерло 170 человек, в июне — 171, в июле — 164, в августе — 152, всего с мая по 31 декабря 1942 г. умерло в нашем лагере 1014 человек. В начале 1942 г. в этом лагере было около 7,5 тысячи человек, а к моменту освобождения нас Красной Армией оставалось 4,5 тысячи.

Трупы умерших вывозили из лагеря на подводах и зарывали в общую могилу — траншею в «Песках». Родственников допускали для похорон только под конвоем. Администрация лагеря состояла из самых отъявленных головорезов, которые самым безжалостным образом издевались над людьми. В лагере была камера (карцер), куда сажали пленников и там избивали плетками и палками.

ЗАЯВЛЕНИЕ

В Чрезвычайную Государственную Комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников

от учительницы Крымовой Марии Федоровны, проживающей в Петрозаводске по ул. Полярной в доме № 98

В 1941 году 13 ноября пришли к нам в дер. Конда, Заонежского района, Сенногубского сельсовета, изверги-финны.

Наша семья состояла из 5 человек: матери — 55 лет, двух сестер и моей дочери, родившейся 19 октября 1941 года. Отец сумел переправиться к своим. Муж мой, Крымов Семен Васильевич, в рядах Красной Армии.

Финны с первых же дней прихода начали производить обыски в домах жителей и отбирать хлеб. К нам несколько раз приходили по 8—10 человек вооруженных финнов и в доме перевертывали все вверх дном, ругались, грозили наказаниями, требуя хлеба.

Проклятые изверги рылись даже в люльке моей малютки-дочери.

Когда они узнали, что я учительница, то несколько раз допрашивали, а потом с ехидством смеялись над тем, что мне давали по 200 граммов овса и то не каждый день.

16 января 1942 года всех жителей нашей деревни выгнали из домов и увезли в Петрозаводский лагерь № 6. Почти все наши вещи остались дома, так как финны их не разрешили взять. И все добро, что наживали мы и наши родители и деды, разграблено злодеями-финнами. Они же, проклятые, позднее сожгли и дом наш.

Страшной была наша жизнь за колючей проволокой в лагере. Сестру сразу же отправили в лес, откуда она вернулась потом сильно больной. Мне приходилось выполнять различную работу, хотя я еле носила ноги по земле. Копала ямы под помойки и уборные, пилила дрова, копала могилы на кладбище, копала канавы, разделывала целину — вот основная моя работа в лагере до зимы 1943 года.

Финны всячески старались увеличить смертность среди заключенных в лагере. Ярким примером тому служат выдуманные ими вошебойки — парилки. В маленькую клетку загоняли по 20—30 человек, не считаясь с полом, возрастом и здоровьем, нагоняли в ней температуру чуть не до 100 градусов, а затем людей выгоняли на холод.

Моя дочь Гертруда несколько раз была при смерти после этих парилок.

Один раз я отказалась было нести ее в парилку, так как у нее была высокая температура. Тогда пришли два финна и погнали нас палками. После этого моя малютка болела 7 месяцев.

Теперь мы свободны. Большое спасибо Красной Армии, вырвавшей нас из-под гнета оккупантов.

(Подпись)

ЗАЯВЛЕНИЕ

В Чрезвычайную Государственную Комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников

от гр-нок Боковой и Воронцовой, Поселок № 6, д. 107/98

Среди финнов в лагере № 6 особенно отличались изверги майор Куурема, капрал Тойвола и капрал Нюрос. Эти изверги фашистские издевались над русским народом.

К числу издевательств относится поголовное снятие волос и избиения. Были избиты плетками: Копосов Василий (летом 1942 года в августе), Жвынов Сергей, Савин Сергей, Ощуков, Москалева Клавдия. Кроме этих, еще сотни людей из лагеря были брошены в «будку» и избиты злодеями до потери сознания. Избивали и детей. Очень мало есть детей, которые не испробовали финской плетки с железным наконечником, не сидели в «будке». Кондаков Владимир был избит плетками 4 раза, выпороты Пашов Владимир, Сысоев Владимир, Фокин Василий, Стафеев Александр, Семенков Михаил, Савельев Евгений.

В мае 1944 года все школьники были посажены в «будку». В течение целой недели дети партиями уводились поочередно в «будку», где их пороли плетками. А дело было в том, что кто-то из детей бросил камнем в финский патруль.

(Подписи)

ГИБЛИ ТЫСЯЧИ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ

Дмитричева Екатерина Михайловна, уроженка Пензенской области, Телегинского района, дер. Михайловка, проживающая в г. Петрозаводске, в поселке № 1, в доме № 1, рассказала:

«В начале Отечественной войны я после оборонных работ уехала в Заонежский район Карело-Финской ССР, где и попала в плен к финнам.

В начале февраля 1942 г. финны привезли нас в концлагерь № 6 в г. Петрозаводск, а позднее

направили работать на станцию Орзега и оттуда в Деревянное и «Пески».

Работая в Орзеге и «Песках», я часто наблюдала, как финны издевались над мирным советским населением, заключенным в лагери.

Так например, в лагере «Пески» голодный мальчик Петя без разрешения начальника лагеря зашел в палатку финских солдат, чтобы попросить кусок хлеба. Находившийся в это время в палатке начальник лагеря выстрелом из пистолета убил мальчика.

Финские мерзавцы избивали в лагерях мужчин, ребят и девушек за то, что те заходили друг к другу в барак или ходили в палатки финских солдат за подаянием.

Особенно выделялся жестокостью начальник лагеря № 6 майор финской армии (фамилии его не знаю).

Население лагеря в 1942 г. мерло от голода. Покойников финны вывозили два раза в неделю. Каждый день в лагере умирало до 10 человек.

Мой отец Дмитричев Михаил Федорович умер в это время. И финны не разрешили мне похоронить отца. Знаю, что он зарыт в «Песках», на кладбище, где похоронены тысячи советских граждан».

17 июля 1944 г.
г. Петрозаводск

ЗАЯВЛЕНИЕ

В Чрезвычайную Государственную Комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников

от Пантюхина Н. Р., начальника Карело-Финского телеграфного агентства, и Шварева А. Б., сотрудника редакции газеты «Ленинское знамя»

16 июля 1944 г. мы посетили кладбище, расположенное в пяти километрах от города Петрозаводска по Соломенскому шоссе. Это кладбище, как сообщили местные жители, было седьмым лагерем, лагерем смерти. Кладбище усеяно многочисленными крестами.

Пелагея Ивановна Фирсанова, находившаяся в плену в лагере № 3, рассказала: «Я похоронила на этом кладбище 9 человек родных. Все они умерли в лагере № 3. Мне посчастливилось присутствовать на похоронах мужа. Я видела много гробов. Их клали, как дрова. Если оказывалось среди больших гробов место, подыскивали маленький гробик. Всего на этом кладбище похоронено не менее 9 тысяч человек».

Александра Алексеевна Филанова, почти три года пробывшая в шестом лагере и похоронившая троих своих малолетних детей, а также мать и сестру, рассказала: «Оккупанты разрешали присутствовать при погребении только родным, заключенным в одном лагере. Узнав о болезни своей матери, находившейся в соседнем, пятом лагере, я попросила разрешить свидание с ней, но мне было отказано. Мать умерла, но мне не разрешили присутствовать на ее похоронах. Установить теперь, где могила моей матери, невозможно, так как гробы укладывались в огромные могилы. Гробы устанавливались в три — четыре ряда, большие вниз, маленькие наверх».

В дни оккупации города Петрозаводска финны установили для советских людей, попавших в плен, каторжные условия жизни. Люди умирали от голода, непосильного труда, от эпидемических заболеваний. Об этом свидетельствуют многие простые, но глубоковолнующие надписи, сделанные родными и близкими на крестах могил безвременно ушедших близких:

«Спи, моя милая крошка,
Крепкий, спокойный твой сон,
Но спать тебя уложили
Голод, неволя и плен».

Эти строки посвящены пленной Ирине Евдокимовой. В день смерти ей исполнился год. На могиле Л. З. Шанной оставлена следующая надпись: «Веку ей было 41 год, скончалась 1942 г. 13 июня, 5-й лагерь пленных. Кто сирот нас приголубит, милая наша мама». Последние слова были написаны очевидно детьми-сиротами.

«В 6 лагере, — рассказывает Парасковья Анушкина, — у заключенной Котлиной Александры был 13-летний сын. Котлина умирала от голода, сын решил раздобыть для нее кусок хлеба. Он пробрался под про-

волоку, но его заметил часовой и без предупреждения выстрелил в него разрывной пулей. Мальчик упал с распоротым животом. 2 часа без помощи валялся ребенок возле проволоки, пока не умер».

На кладбище похоронено очень много детей в возрасте от 1 года до 4-х лет. Это видно по сохранившимся надписям.

Парасковья Ивановна Шилова из дер. Курьеницы, Кижского сельсовета, Заонежского района, рассказала:

«За колючей проволокой в петрозаводских лагерях сидели почти все жители деревни Курьеницы. На моих глазах умерло более 150 односельчан. В живых остались только я и моя соседка. Среди умерших были дети, женщины, старики».

В день посещения кладбища — 16 июля 1944 г. — мы видели много детей, женщин, которые разыскивали могилы своих родственников, мы слышали стоны и плачи, от которых, казалось, земля стонала. Все рассказанное сообщили нам люди, находившиеся на кладбище.

АКТ

Г. Петрозаводск, 20—22 июля 1944 г. Комиссия под председательством депутата Верховного Совета СССР тов. Дильденкина Н. А. и членов: представителя Петрозаводского университета тов. Базанова и председателя Чрезвычайной Государственной Комиссии тов. Макарова В. Н., с участием судебно-медицинской экспертизы в составе: главного судебно-медицинского эксперта Карельского фронта майора медицинской службы Петропавловского В. Н., главного патолога Карельского фронта подполковника медицинской службы доктора медицинских наук Ариель М. В., судебно-медицинского эксперта Н-ской армии, майора медицинской службы Яковлева В. В., армейского патолога-анатома капитана медицинской службы Виленсон Б. А., помощника главного судебно-медицинского эксперта Карельского фронта старшего лейтенанта медицинской службы Борисова И. Н. и лейтенанта медицинской службы Комаровой В. Г., произвела исследование трупов пленных и советских гражданских лиц, бывших заключенных в финско-фашистских кон-

центрационных лагерях г. Петрозаводска, захороненных на кладбище «Пески» в 6 км от Петрозаводска.

Комиссия, обследовав кладбище «Пески», обнаружила 39 групповых могил, из них: 2 могилы длиною по 100 м, 3 могилы — по 72 м, 3 могилы — по 70 м, 2 могилы — по 68 м, 1 могила — 65 м, 2 могилы — по 60 м, 1 могила — 48 м, 4 могилы — по 32 м, 3 могилы — по 25 м, 3 могилы — по 21 м, 4 могилы — по 20 м, 1 могила — 20 м, 1 могила — 15 м и 10 могил — по 12 м; все они имеют ширину в 2,5—3 м. Помимо этого, на кладбище «Пески» обнаружены одиночные могилы. Большинство могил представляют из себя сплошные холмы, шириною до 3 м и длиною в несколько десятков метров. На могильных холмах имеется большое количество беспорядочно расставленных крестов с надписями на русском языке. Многие надписи указывают, что умершие погибли в финском плену. Такого же характера имеются надписи на могилах детей в возрасте от 1 до 5 лет. При раскопке могил установлено, что трупы хоронились в деревянных гробах. Гробы расставлены в могилах параллельно и располагаются в 3—4 ряда. На площади могильного холма размерами 2,5 × 9,5 м зарыто 35 гробов. Слой земли до верхнего гроба не более 30—40 см. Количество крестов и надписей не соответствует количеству гробов. Так, в 5 ряду от восточной стороны под двумя крестами и тремя дощечками с указанием фамилий похороненных обнаружено 18 гробов, из которых 5 детских и 13 взрослых. В западном конце кладбища обнаружен ров размерами 2,5 × 9,5 м и глубиной 1,2 м. В одном конце ров заполнен гробами и засыпан тонким слоем земли.

Всего на кладбище «Пески» эксгумировано 137 трупов. Трупные изменения указывают, что погребение производилось около 2 лет назад. Из общего количества эксгумированных трупов: мужчин — 41, женщин — 55, детей — 35, не установлен пол — 6. По возрастному составу группы эксгумированных распределяются следующим образом: детей от 1 до 5 лет — 22, от 5 до 20 лет — 12, от 20 до 50 лет — 62, свыше 50 лет — 37. Возраст не установлен в 4 случаях. Посмертное изменение трупов шло по типу образования жировоска. Хорошо выраженный жировоск был обнаружен в 7 случаях. Плохо выражен в 32 и отсутствие жировоска в 98 случаях.

Кладбище военнопленных лагеря Томицы расположено в 300 км от бараков в лесу. На кладбище имеется 3 параллельных ряда крестов общим количеством 335. На крестах имеются надписи латинским шрифтом, указывающие имя, отчество и фамилию погребенного и номер военнопленного. На некоторых крестах имеется лишь только номер. Грунт кладбища крупнокаменистый, подпочвенная вода обнаружена на глубине 50—55 см.

Обнаружены кости человеческих скелетов, частично покрытые черной дегтеобразной массой. Кости расположены беспорядочно, местами у черепов обнаружены кости бедра. Местами кости покрыты слоем грязной соломы. Остатков гробов и одежды не обнаружено. При осмотре черепов в одном случае обнаружены два дефекта, один, расположенный на 2 см вправо от затылочного бугра, имеет округлую форму, размером 0,8 × 1,1 см. От этого дефекта расходятся трещины в теменных костях, идущие в стороны по направлению к височным костям. В чешуе левой височной кости имеется дефект неправильной звездчатой формы, размером 2 × 2 см. Края костных дефектов желтовато-серого цвета покрыты землей.

Кладбище Соломенского кирпичного завода расположено влево от дороги, ведущей на этот завод из Петрозаводска, в 1½ км от заводского поселка.

Могила, в которой производились раскопки, указана гр. Когочевым С. Д., который рассказал, что зимой 1942 г., когда он приезжал сюда для похорон трупов, умерших в лагерях, он видел, что советские военнопленные под конвоем финских солдат хоронили умерших в лагерях военнопленных. По словам Когачева, военнопленные были резко истощены. Имели место случаи, когда военнопленные, рывшие могилы, падали, и тогда их закапывали вместе с трупами.

При вскрытии могилы обнаружено, что на глубине 40 см от поверхности находятся в беспорядке кости человеческих скелетов. Каких-либо остатков гробов или одежды в могиле не обнаружено. Один труп лежал лицом кверху с раскинутыми руками и ногами и был одет в красноармейскую шинель и одежду летнего военного образца и обут в красноармейские ботинки. В карманах шинели обнаружены полуистлевшие документы, перочинный нож и два запала от ручных гра-

нат. При осмотре трупа в левой височной области обнаружен перелом костей черепа, обломки костей вдавлены внутрь. От этого участка отходят трещины в направлениях к орбите, затылочной и теменной костям. На двух черепах, в которых отсутствовали резцы, имеется отлом альвеблярных отростков. Края надломов на челюсти грязно-зеленого цвета, покрыты землей. На одной из обнаруженных лопаток краевой перелом полулунной формы. Размер дефекта на внутренней поверхности 0,9 см, на наружной — 0,8 см. Отломки костей по краям дефекта зеленовато-желтого цвета, покрыты землей.

Заключение

На основании произведенного судебно-медицинского исследования эксгумированных трупов приходим к следующему выводу.

На кладбище «Пески» гробы зарывались в общую, заранее подготовленную могилу, которая заполнялась постепенно по мере накопления умерших. Гробы располагались в 3—4 ряда. Большинство умерших относится к молодому и среднему возрасту. Судя по тому, что трупы находились в одинаковых почвенных условиях, способствующих образованию жировоска, а явления жировоска выражены лишь в небольшом количестве трупов и то в слабой степени, считаем, что причиной смерти абсолютного большинства погребенных являлось истощение.

Примерно одинаковый характер изменения и способ погребения указывает на массовую смертность, имевшую место среди пленных советских граждан. Количество крестов и других отметок на могилах не соответствует количеству погребенных, а именно — количество трупов значительно больше.

На кладбище Томицы погребение производилось беспорядочно, на глубину 0,5 м. В некоторых могилах, помеченных крестами, вовсе не обнаружено остатков трупов, между тем как в других местах количество обнаруженных трупов превышает количество крестов. Массовость погребения, относящаяся примерно к одному и тому же времени, указывает на большую смертность среди советских военнопленных, заключенных в лагери финско-фашистскими оккупационными властями. От-

меченное выше сквозное повреждение черепа является огнестрельным. Входное отверстие расположено в затылочной области, выходное — в левой височной. Повреждение относится к разряду безусловно смертельных и нанесено оно, судя по размерам входного отверстия, из оружия калибра 9 мм.

Погребение советских военнопленных на кладбище Соломенского кирпичного завода производилось также беспорядочно. Трупы хоронились без гробов и без одежды, кроме одного, находившегося поверх костей в верхней части могилы. Повреждение черепа, обнаруженное у трупа, одетого в шинель, является следствием удара тупым предметом в область левого виска. Этот удар, сопровождавшийся значительным повреждением костей черепной коробки, является безусловно смертельным.

Краевой перелом лопатки является следствием огнестрельного ранения, причем пуля вошла со стороны задней поверхности лопатки. Ход пулевого канала ввиду полного разрушения мягких тканей и расчленения костей скелета установить невозможно. Обнаруженные на двух черепах переломы альвеблярных отростков верхних челюстей, соответствующие отсутствующим передним зубам, указывают на то, что они (переломы) явились следствием сильных ударов тупым предметом в эту область.

Таким образом, комиссия устанавливает:

1. Массовую смертность среди советских военнопленных и гражданского населения, заключенного финскими оккупационными властями в концентрационные лагери.

2. Причиной смерти военнопленных и гражданского населения в огромном большинстве случаев являлось истощение.

3. В лагерях имели место побои и случаи убийств военнопленных огнестрельным и холодным оружием.

4. Погребение производилось беспорядочно, а военнопленные хоронились без гробов и без одежды.

(Подписи)

ЗАЯВЛЕНИЕ

В Государственную Чрезвычайную Комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников

от Арбузовой Зинаиды Алексеевны, проживающей по ул. Володарского, дом 14, кв. 2, работающей в парикмахерской на ул. Герцена

Я родилась в 1897 г. в г. Петрозаводске. В плен к финнам я попала в 1941 г. Финны заставили меня работать в парикмахерской в качестве прачки. Парикмахером у нас работала финка по имени Импи. В 1942 г. она получила разрешение на несколько дней съездить в Финляндию к родным. Накануне ее поездки вечером пропала вся дневная выручка парикмахерской — 400 марок. Парикмахерша заявила в полицию. Вскоре явился полицейский и потребовал, чтобы я отдала деньги, так как финка заявила, что деньги украла я.

Как доказать свою правоту, я не знала. Я просила обыскать меня и уверяла, что не брала денег. Меня увели в полицию. На допросах всячески издевались, оскорбляли. Переводчик два раза ударил по лицу. Называли воровкой. Никакие уверения в том, что я не виновата, не действовали. Мне не верили.

После допроса меня перевели в тюрьму, где я пробыла 13 дней — с 30 июня по 13 июля 1942 г.

Через 4 дня меня снова вызвали на допрос, называли сволочью, били резиновыми плетками, пока я не потеряла сознания. После порки меня на 2 часа бросили в холодную комнату, а потом увели обратно в тюрьму. Так продолжалось 3 раза: приводили, пороли, бросали в холодную комнату. Когда меня повели на допрос в 3-й раз, то женщины, соседки по заключению, научили меня кричать сильней во время порки, так как это может подействовать на их нервы. Я так и сделала, от боли стала кричать. Тогда финн, который порол, выхватил резиновую дубинку и 4 раза ударил меня по спине. Во время 3-го допроса меня на-

чальник полиции ударил по лицу линейкой. После допросов меня сфотографировали 3 раза — прямо и два снимка в профиль, сняли отпечатки пальцев и отпустили домой.

Деньги, наверное, украла сама Импи, а мне пришлось поплатиться 13-дневным пребыванием в тюрьме и выдержать 3 порки. Когда я сидела в тюрьме, со мной в камере находилась старушка лет 70, Тиккоева Наталья, из Кондопожского района.

Бабушка возвращалась с допросов, еле-еле держась на ногах. Над ней издевались в полиции и пороли. Однажды я видела у нее вырванную прядь седых волос на лбу, под которой запеклась кровь. Она мне сказала, что финны на допросе ее таскали за волосы и вырвали у нее волосы.

Старушка Тиккоева не выдержала издевательств финских злодеев и умерла. Тиккоевой было до этого объявлено решение — заключение в тюрьму на 6 лет.

В тюрьме находились также муж и жена из той же деревни, откуда была бабушка Тиккоева, — Хроболовы. Хроболова Анна была еще до заключения в тюрьму больна психически, временами она начинала без причины смеяться и разговаривать, как ребенок. Попав в тюрьму, Хроболова испытала все «прелести» финского допроса и заболела окончательно. Когда после допросов Хроболова приходила в тюрьму, она лежала несколько дней в углу, едва поворачиваясь с боку на бок.

Мы попросили прислать врача, чтобы осмотреть больную Хроболову, но надзиратели финны только улыбались.

Когда я уходила из тюрьмы, больная Хроболова осталась там.

(Подпись)

КОШМАРЫ ВИЛГОВСКОГО ЛАГЕРЯ

Что мы пережили в финской неволе

То, о чем говорится в сообщении Чрезвычайной Государственной Комиссии, я видел собственными глазами.

Моя судьба сложилась так, что я очутился на территории, захваченной финнами, и в течение трех лет находился в финской неволе.

Перед войной я работал на одном предприятии в Вознесенском районе, Ленинградской области. В сентябре 1941 года этот район захватили финны. Нас, русских рабочих, сначала держали под полицейским надзором. Потом стали перебрасывать из лагеря в лагерь. Долгое время мы находились в д. Вилга, в 18 километрах от Петрозаводска.

Ночью нас держали за колючей проволокой, а на день угоняли на лесозаготовки. Работали мы с раннего утра до позднего вечера, а кормили нас скудной пищей. От голода и непосильного труда люди доходили до отчаяния, часами рылись в помойках в поисках остатков пищи, ели отбросы, умирали с голоду.

Я знал некоего Смирнова, который в поисках пищи зашел в барак, где жили финские конвоиры. Там он подобрал банку с какими-то остатками, похожими на масло, и принес в помещение, где жил. Это видела одна служанка, которая жила в казарме, и рассказала финнам.

Вечером к нам пришли финны, а с ними и служанка. Нас немедленно построили. «Вот он», — сказала служанка, указав на Смирнова. Финны вывели Смирнова и здесь же расстреляли.

Случаев, когда финны расстреливали ни в чем неповинных русских людей, было много. На моих глазах финны расстреляли двух 17-летних юношей за попытку к бегству из лагеря. 18-летнюю русскую девушку они выпороли перед строем за то, что она пожаловалась на то, что ей при получении супа в котелок бросили мыло.

В мае 1942 года я и еще 6 товарищей совершили побег из лагеря. Но нас поймали и посадили в тюрьму, где я просидел больше года. Тут я видел такие кошмары, которые трудно вообразить. Изнурительный труд, голод, холод, изуверское обращение тюремной прислуги с заключенными, частые расстрелы, — все это было обычным явлением тюремной жизни. Двоих русских финны расстреляли только за то, что они сорвали брюкву и съели.

Красноармеец *А. Левченко*

Газета «За родину»
от 24 августа 1944 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ

В Чрезвычайную Государственную Комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников

от гр-н Смелкова Бориса и Мартынова Григория

Немецко-финские захватчики зверствовали над советскими людьми и на Вилговских лесозаготовках, где я работал.

Помню, был такой случай, когда одного мальчика расстреляли по приказанию лейтенанта Арви Мальмиваара за то, что он убежал с Вилговских лесоразработок в г. Петрозаводск к родным. Когда мальчика вернули обратно в Вилговский лагерь, то по приказу лейтенанта был выстроен весь лагерь — 300 человек русских. Финны привели из будки мальчика. Когда принесли скамью, то мальчика заставили раздеться догола, повалили на скамью и дали ему 10 розог. После наказания мальчик засмеялся. Это увидел лейтенант Арви Мальмиваара. Он схватил его за шею и перед всем строем русских людей ударил кулаком. Мальчик упал без сознания. Потом по приказу этого же лейтенанта финские палачи сделали три выстрела в грудь мальчика в упор.

Финские палачи расстреляли также Пустовалова Петра.

Палачи Лаакконен, Боронеус, Салминен и Кетола на Вилговских лесоразработках избивали русских людей за малейшие проступки до полусмерти.

(Подписи)

ЗАЯВЛЕНИЕ

В Чрезвычайную Государственную Комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников

От гр. Каурова П. Т.

Весной 1942 года меня из концентрационного лагеря № 4 в Петрозаводске выслали в концлагерь лесопункта Вилга. Здесь нас, лагерников, собралось около 300 человек мужчин и женщин. Лесопункт обтянут проволокой в 10 рядов, охрана военная.

Не описываю звериных расправ финских бандитов с взрослыми, — хочу рассказать лишь о зверском убийстве двух детей.

Первое убийство произошло так:

Мальчик Петр Пелепенов, 15 лет, задумал повидаться с родными и сбежал, но был пойман и возвращен в Вилгу.

Построили всех заключенных в 2 шеренги. Мальчика вывели перед строем, и офицер-лейтенант (начальник лесопункта) Арви Мальмиваара набросился на мальчика и начал его избивать, затем схватил за горло и душил до тех пор, пока Петя не потерял сознания и не упал на землю.

Тогда офицер-убийца приказал конвоиру-солдату застрелить мальчика, который и был убит палачом 3 выстрелами из винтовки.

Вторым был убит юноша лет 16—17, Петр Пустовалов, который сбежал в лес и в течение недели скрывался вблизи лагеря в старом ДОТе.

Пустовалова привели на площадку избитого до полусмерти и после речи бандита Мальмиваара (через переводчика) сбили с ног и застрелили одним выстрелом в голову.

Все эти зверские расправы с ребятами произошли на глазах всего населения лесопункта.

(Подпись)

КУТИЖЕМСКИЙ ЛАГЕРЬ СМЕРТИ

ЗАЯВЛЕНИЕ

В Чрезвычайную Государственную Комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников

от гр. Анисимова Н. Д., год рождения 1902, проживающего в поселке № 6 дом 107 (в настоящее время работает в Горстройтресте электромонтером)

Дело было так: 28 ноября 1941 года финны эвакуировали меня, мою жену и 6 детей (малолетних) в г. Петрозаводск, в лагерь № 4. Прожил я там недолго. Меня направили в Кутижму на лесозаготовки.

За короткий срок — 1 месяц — в этом лагере из 940 пленных погибло 120 человек. Нам тоже предстояло умереть. Бараки грязные, вшей на нарах столько, что невозможно спать. И к тому же холод такой, что невозможно было забыться. Спали на голых досках.

Я решил бежать. Подыскал себе товарища — Анатолия Богданова, и с ним в тот же вечер мы сбежали обратно в Петрозаводский лагерь. Здесь нас задержали и повезли в штаб. В штабе нас крепко били, после чего отправили в тюрьму. В тюрьме нас так избили, что кровь текла по лицу.

В тюрьме стало еще хуже. Окна все были забиты досками. Через 2 дня приносили по кусочку хлеба да котелок воды. Кидали также немного дров и опять закрывали. Только на 5-е сутки утром нас выпустили и прямо голодных погнали копать могилы своим лагерникам, которых тогда умерло очень много. Через неделю меня направили на лесозаготовки в поселок Вилгу.

Как я узнал потом, через 2 дня после нашего побега сбежали с Кутижмы еще двое: мой братан Анисимов Иван и другой товарищ. Их поймали на дороге, привезли обратно и так избили, что мой братан Анисимов Иван умер.

Послали меня, как провинившегося, и еще 5 товарищей делать мост через реку, по которому финны ходили обедать в столовую. Нам нужно было поставить 4 козла на средине реки. Переводчик-финн (фамилии его не помню) мне говорит: «Ну, вредная собака, раздевайся». Я не знаю, что и делать, — вода холодная, и надо итти голому в воду. Пока я мешкал, он меня палкой так ударил по спине, что я прямо в одежде вскочил в воду. Взял козел и стал ставить. Так в холодной воде и работал.

Однажды послали меня делать стойки для дров. Работал я до обеда, не отдыхая, а потом увидел знакомого пилостава и стал с ним разговаривать. Вдруг откуда ни возьмись начальник, финн Лесконен. Как начал он меня бить палкой при народе. Так избил, что я упал. Он выхватил револьвер и кричит: «Застрелю, если не будешь работать». Я сказал ему, что все время работал, только хотел немного отдохнуть. Он схватил палку и принялся вновь меня бить и гнал так до места, где я работал. *(Подпись)*

ЖИЗНЬ ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ

В первые дни войны я работал на Свири. Нас окружили лахтари и все мирное население погнали к линии железной дороги. Здесь были женщины и дети. Вещи у нас отобрали, поселок и даже заборы сожгли. Нас привезли в Подпорожье, загнали в тюрьму, а потом под усиленным конвоем погнали в Усланку. В Усланке разместили по домам, в которых не было возможности спать даже на полу. Люди были голодны, но если женщина или ребенок просили чего-нибудь поесть, то в ответ получали удары кулаком или резиновой плетью.

Так жили месяц. Потом стали нас отправлять в Петрозаводск. Грузили в товарные вагоны, загаженные конским пометом, набивая их доотказа: «Так теплее будет», — говорили финские негодяи. Везли до Петрозаводска более суток. Выглядывать из окон категорически запрещалось, — стреляли.

Нас привезли в Петрозаводск и разместили в концлагерь, обнесенный колючей проволокой. Подходить к проволоке на расстояние двух метров было нельзя — расстреливали. Один мальчик 9 лет и девочка 7 лет за одну только попытку подойти к проволоке были убиты из винтовки. Мужчин сразу отправили на лесозаготовки. Мне пришлось быть в лагере № 56 (Кутижма). Я на своей спине вынес всю тяжесть фашистского гнета. Если не выполнишь норму, то на первый раз финны выдавали полпайка, т. е. 60 граммов хлеба и поллитра баланды — супа из гнилого мерзлого турнепса, на второй раз — полпайка и 25 плетей, на третий раз — полпайка, 25 плетей и холодный карцер на 3 суток с выгоном на работу.

Если больной обращался за помощью, то получал удары палкой или зуботычину. У одного моего товарища болели уши. Он обратился за медпомощью. Когда он пришел на медпункт, ему велели наклониться. Как только он нагнулся, врач со всего размаха ударил его бутылкой по голове. Бутылка разбилась вдребезги. Больной умер. Таких фактов много. Меня грозили расстрелять, а потом расстрел заменили 100 плетями в две руки, т. е. били с двух сторон, по очереди. За малейшую провинность били плетьми, прикладами. За время моего пребывания в концлагере Кутижма,

с 21 февраля по 10 июля 1942 г., из 560 человек погибло 380.

Мучения наши кончились. Красная Армия вырвала нас из неволи. Я от всего сердца приношу благодарность Красной Армии и даю обещание не жалеть ни сил, ни жизни во имя нашей родины.

А. Федотов

14 июля 1944 г.

ПОКАЗАНИЕ

Овечникова Леонида Дмитриевича, 1911 г. рождения, проживавшего в г. Медвежьегорске Карело-Финской ССР

Работал я приемщиком сплавконторы. 13 ноября 1941 г. утром на караван судов, эвакуируемый из Медвежьегорска в местечко Шала, пришли финские солдаты. Они стали обыскивать советских людей, находящихся на судах, отбирать личные вещи. Они заявили, что ценности, находящиеся на судах, принадлежат им. В числе других ценностей в караване находилось 2 баржи муки, одна баржа с аппаратурой связи и пишущими машинками, несколько барж с обувью, одеждой и т. д.

Капитана парохода «Металлист» Онегина финские солдаты вывели на берег. Больше на пароход он не возвращался и, по словам финских солдат, был расстрелян.

В этот день вечером я решил бежать, но провалился в майну. Меня заметили охранники, схватили и повели в штаб. Здесь по приказанию финского офицера (фамилии его я не знаю) меня избили прикладами винтовок и кулаками, вышибли мне зубы. Потом меня посадили в караульное помещение, где я находился до 27 ноября.

27 ноября меня с группой других русских, арестованных финнами на караване, перевезли в Петрозаводск и поместили в лагерь № 5. Здесь меня и других заключенных заставили обнести наш лагерь колючей проволокой. Я сильно ослабел и работать не мог. За это меня неоднократно избивали финны рукояткой револьвера по лицу.

Потом нас отправили на железнодорожную станцию Кутижма, где находились русские военнопленные, которых финны, по словам военнопленных, отправляли в Кондопогу. Среди военнопленных были больные, ко-

торые не могли двигаться. Финны по распоряжению своего офицера вынесли больных на улицу. Мороз доходил до 30 градусов. На другой день я увидел ямы, наполненные трупами русских военнопленных, замерзших ночью.

В Кутижме я пробыл до 27 марта 1943 г. 14 месяцев мы работали на лесоразработках. Сильно истощенных от голода людей финны заставляли заготавливать с корня: мужчин 2,5 куб. м, женщин 2 куб. м.

Ежедневный рацион состоял: утром из 150 граммов хлеба, а вечером из 1 литра отвара неочищенного картофеля или турнепса.

В бане не были по 4 месяца, белья не сменяли. Света в бараках не было. Спали мы на нарах вповалку, все во вшах.

Всего в Кутижме в лагере находилось 530 человек (на 10 февраля 1942 г.). К 17 июня 1942 г. осталось в живых только 127 человек — остальные умерли от голода и жестоких побоев за невыполнение нормы.

В июне 1942 г. я убежал из лагеря, но был пойман и отправлен снова в Кутижму. Мне дали 70 ударов резиновой плетью и поставили под строгий надзор. Меня поставили работать под начальством одного финна, который меня избивал, и в результате я получил тяжелое увечье.

От голода и вшивости в Кутижемском лагере вспыхнула эпидемия сыпного тифа, я заболел тоже. В Кутижму финны привезли передвижную деревянную баню, куда отправили и меня с температурой в 40,4 градуса. Я потерял сознание и очнулся на 15-й день в бараке. Разбитая ступня нестерпимо болела, вся почернела. Финские врачи заявили, что ногу надо ампутировать. Леченья никакого не было, и я $1^1/_2$ месяца лежал без всякой помощи. Затем меня отправили в лагерь № 6 для операции. Операцию сделали в помещении лагеря № 6, отняв мне ногу выше колена.

В лагере № 6 я находился с 28 марта по 10 июля 1943 г., после чего меня снова отправили в лагерь № 5 в Петрозаводск, где я и пробыл до освобождения Петрозаводска Красной Армией.

(Подпись)

ЗАЯВЛЕНИЕ

В Чрезвычайную Государственную Комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников

от Новикова Ивана Петровича, проживающего в г. Петрозаводске, в поселке № 5, и работающего в Беломорско-Онежском пароходстве в качестве оператора

В плен к финнам я попал в д. Сяргозеро, Винницкого района, Ленинградской области. Вместе с другими советскими людьми, попавшими в плен, меня привезли в г. Петрозаводск и поместили в лагерь № 5.

В феврале 1942 г. нас, в количестве до 200 человек, направили на лесозаготовки в Кутижму. Условия на лесозаготовках были исключительно тяжелыми. Утром поднимали в 5 часов, в 7 часов давали баланду из мерзлого немытого турнепса и воды и 250 граммов хлеба на день, взвешивая на-глазок. Второй раз давали пищу после работы, часов в 6 вечера. Обед выдавали таким образом, что всем приходилось стоять в очереди по 2 часа. Некоторые рабочие не могли есть гадкой баланды, но порядок был такой, что пока все не явятся в очередь, то не начинали выдачу, поэтому приходилось стоять всем. Горячую баланду давали 2 раза в день. Обед, как правило, давали без хлеба.

В бараках в грязи и холоде спалось плохо. Обогревались мы тесно прижавшись друг к другу. В тесноте людей ели клопы и вши.

За невыполнение нормы лишались половины пайка.

Я работал на лесозаготовках с февраля 1942 г. до сентября 1943 г. За это время меня бессчетное число раз били и пороли.

В первый раз меня били в июле 1942 г. за то, что финны узнали о нашем решении бежать из лагеря. Финн по имени Эйно, работавший в охране лагеря, вызвал меня в будку, обыскал и нашел компас. Меня спрашивали — с кем я собирался бежать, три финна били меня кулаками. Побьют, затем допрашивают. Потом меня вывели на улицу и стали допрашивать другого товарища. За попытку бежать мы отсидели в будке и получили по 75 плетей. Пороли три чело-

века сразу. В холодной «будке» сидели до утра, а утром уходили на работу, иначе опять невыполнение плана и опять наказание.

После этого нам присвоили название «каркури» (беглецы). Нас часто били, все, кто хотел, начиная от охранника и кончая бригадиром.

Однажды меня били за то, что в костре, который я сложил, оказалось одно полено длиннее других на сантиметр. В другой раз за то, что некрасиво сложил костер. Били и без всяких причин.

Я потерял счет тому, сколько раз меня били.

Через месяц в лагере началась эпидемия. Люди истощали и дошли до такого состояния, что едва передвигались. Некоторых рабочих обратно из леса в барак привозили товарищи на санях. Умерли, придя с работы, Кутичин Семен, Феопентьев Василий и другие. Из боязни не выполнить нормы, люди, полуживые, шли на работу и, возвратившись в барак, умирали. Через 5 месяцев финны вынуждены были изголодавшихся людей вывезти из лагеря. Тогда умерли Ложкин Иван, Люсихин и др.

В сентябре я тоже опух от голода. Меня вместе с другими больными вернули в лагерь № 5.

За время моего пребывания на лесозаготовках в Кутижме из 500 человек умерло около 300 человек.

(Подпись)

ПАЛАЧИ КУТИЖМЫ

Кутижма — лагерь для русских пленных в 42 км от Петрозаводска. С этим местом у всех, побывавших здесь, связаны самые мрачные воспоминания.

«Отправляют в Кутижму»!

Кровь леденеет при этом известии. Не было хуже наказания, чем быть отправленным в этот лагерь. Все, что пришлось перенести в течение 10 месяцев пребывания в особо строгом втором лагере, тускнеет перед застенками Кутижмы. Самый отбор бригад, отправляемых сюда, производился варварским способом.

День. Все взрослые мужчины отправлены в город. Оставшиеся в лагере старики, дети, подростки, женщины работают внутри лагеря по очистке ям, уборных, подвозке дров. В обеденный перерыв финны вы-

гоняют всех во двор, хватают первых попавшихся 40 человек и говорят им, что они завтра будут отправлены на другую работу. Куда, на какую работу — не объясняют ни сами палачи, ни их прислужники — переводчики и нарядчики. Всякий вопрос о роде предстоящих работ, заявления о болезни, препятствующей выполнять тяжелые физические работы, вызывают крики, ругань, мордобой. В бригаду попали больные, полуслепые старики, дети, подростки 12—14 лет.

Только в вагонах мы поняли, что везут в Кутижму, слава о которой еще раньше распространялась по лагерям. До прибытия первой партии гражданских пленных, здесь работали 250 военнопленных, из которых более 100 человек скончалось от истощения и побоев.

Двое из нашей партии в 40 человек (это было в феврале 1942 г.), узнав о месте назначения, на ходу поезда выбросились из вагона в окно: «Лучше сейчас погибнуть, чем ехать живому на верную смерть».

Наконец, Кутижма. Три мрачных низких барака, огороженных колючей проволокой, расположены среди леса в болотистой местности. В бараках темно, грязно, душно от дыхания набитых доотказа людей, от непросыхающей обуви и одежды. На низких нарах на каждого приходится так мало места, что можно лежать только на боку; сырое пальто служит подушкой, постелью, одеялом. Во всем огромном бараке две малюсеньких печурки, около которых в очередь толпятся десятки людей, развешивают сырую одежду, обувь, белье, прожаривают бесчисленных вшей, варят вонючую похлебку из отбросов выгребной ямы. Болеют люди десятками. Мизерный кусок хлеба и несколько ложек жидкой мучной похлебки не могут удовлетворить истомленного изголодавшегося взрослого человека. Большая часть пленных весь суточный паек съедала сразу в момент выдачи и до другого утра питалась одной водой. Такие люди с 6 часов утра выгонялись за 3—4 и даже за 5 км в лес на заготовку дров, где и работали, увязая по колено в снегу.

Неудивительно, что возвращаясь с работы, люди падали на дороге, не в силах добрести до барака. А невыполнение нормы выработки, малейшее опоздание и пр. влекли за собой уменьшение пайка до половины, палки, плети. Можно ли ожидать хорошей выработки, когда нередко в паре работали ребенок

13—14 лет и больной старик 60 с лишним лет, или человек, никогда не работавший в лесу?

Люди болели и умирали, как мухи.

Врачебная помощь? Да, был врач — по-фински, а по меткому выражению русских — палач. Били пленных сержанты, не расстававшиеся с плетью и палкой, издевались переводчики, но дальше всех их пошел палач-врач, этот представитель финской пресловуто-цивилизованной интеллигенции. Этот полупомешанный садист ежечасно врывался в тот или иной барак и изби-

Снимок обнаружен у финна, на обороте подпись по-фински: „Русские".

вал десятки людей. Рукоприкладство, палки, выворачивание рук, ног, сталкивание больных с высоты — вот средства и способы «лечения» этого эскулапа. Он состязался в избиении с палачами каземата («будки»). Стон истязуемых в больничном застенке слышался чаще и громче. Боясь заявлять о болезни, больные с трудом плелись на работу и падали по дороге. Из партии в 40 человек через два месяца возвратились в город 18 человек тяжело больными. Из последующей партии в 100 человек, по словам т. Корсакова из второго лагеря, половина умерла на месте в Кутижме и семь человек умерли сразу по возвращении в город-

ской лагерь. Молодежь делала десятки попыток к бегству. В Кутижме их ожидала верная смерть, а потому люди, не боясь плетей, холодного карцера, пули, бежали, надеясь, что удастся попасть в другой лагерь, где условия были сравнительно легче.

Учитель Мятусовской неполной средней школы Подпорожского района, Ленинградской области *Александр Кузнецов*

ЗАЯВЛЕНИЕ

бывшего заключенного, Романова Алексея Михайловича

Проживает в г. Петрозаводске, ул. Кузьмина, д. № 33

10 марта 1942 г. нас из концлагеря № 2 (Северная точка) отправили на ст. Кутижма.

В лагере помещалось в небольшом бараке 200—220 человек. Пища наша состояла из полугнилого картофеля, не вымытого и не очищенного, и хлеба — 200—250 граммов, но при условии, если выполнил норму; если же не выполнил, то «пайка» не получаешь и, кроме того, бьют тебя палками. В нашем лагере Кутижма умерло с 10/III по 13/VII — 440 человек, а оставшихся 160 человек полуживыми привезли в Петрозаводск. Из этих 160 человек потом еще половина умерла, потому что до такого состояния довели людей власти лагеря. Особенно отличался фельдшер финн-палач Лехтинен, который вместо медпомощи избивал нас, русских, до полусмерти. На моих глазах 4 апреля 1942 г. замучили моего двоюродного брата Романова Владимира, 26 лет. После него замучены также Сенькин Иван Владимирович, 39 лет, и Иван Андреевич Анисимов, 18 лет, из деревни Кезо-Ручей, Подпорожского района.

Я сам вернулся из Кутижмы 13 июля и до 23 сентября не мог встать с постели.

В лагере были общие нары, постельных принадлежностей не было, спали мы в том, что было на себе, поэтому от грязи, тесноты и голода нас одолели вши и блохи.

Ввиду плохого питания - приходилось есть всякую дрянь: старые кости, падаль, крыс. Поэтому в лагере и была большая смертность.

После выполнения основного урока в лесу, вечером нас выгоняли еще на корчевку пней и корней и уборку камня, а другой раз работали до 12 часов ночи. В 5 часов утра подъем на новую работу. И так приходилось полуголодным работать по 18—20 часов в сутки.

ЗАКОПАЛИ ЖИВЫМИ В ЗЕМЛЮ

Страшную историю рассказал Иван Трофимович Лебедев, освобожденный из Петрозаводского лагеря № 5.

«Привезли нас на лесные работы в Кутижму. Идем мы, бывало, длинной колонной, то один упадет, то другой. Финны заставляли нас поднимать своих товарищей и подпирать их палками. А того, кто и с палкой на ногах не стоит, того заживо хоронили. Такое приказание дал начальник по нашим работам, финский палач лейтенант Мяеннпя.

— Живой тот, кто работает, — говорил он, — а кто на ногах не стоит — значит мертвый.

Так изверги похоронили нашего товарища Ромашова, он дышал еще, а они его в землю закопали. Много было таких случаев. А сказать ничего нельзя — в ответ палка, а то и пуля».

ЗАЯВЛЕНИЕ

В Чрезвычайную Государственную Комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников

от гр-ки Кюршевой Надежды Васильевны, год рождения 1918, русская, медсестра

В плену я очень много видела и об этом я хочу здесь рассказать.

В плен я попала 25 сентября 1941 г. в Ленинградской области, Вознесенский район, д. Ровское; отсюда нас эвакуировали финны в Петрозаводские лагери. Из лагеря нас увезли в Кутижму на лесные разработки, где я прожила 22 месяца.

В Кутижме до нас был лагерь военнопленных, и первые 5 часов мы были вместе с военнопленными. Они оборванные, голодные, грязные, жили в сырых, темных и холодных помещениях. На моих глазах избили одного военнопленного плетками до бессознательного состояния и выбросили на улицу, на снег возле барака. Когда он, отлежавшись в снегу, пришел в себя, его посадили в «будку».

Нас было в первый год в Кутижемском лагере 580 человек, в том числе 26 женщин. Я работала в столовой поваром, несмотря на то, что являюсь медицинским работником. Но все мы использовались не по назначению.

Кормили нас очень плохо. Нас заставляли суп варить из нечищенного картофеля и крапивы.

Но голодные люди ели и не разбирали.

От этого супа многие страдали желудочными заболеваниями, но медицинская помощь им не оказывалась.

Правда, был финский врач Колехмайнен, но вместо оказания медицинской помощи он избивал больных, пришедших к нему на осмотр. Рабочие, работая в лесу, должны были выполнять норму — ежедневно дать по три кубометра. И никому никакой пощады не было; был приказ такой: кто не выполнил нормы — тот получает хлеба не 150 граммов, а только лишь 75.

Люди от недоедания стали еще больше слабеть, не могли ходить, но если обращались к финскому врачу за помощью, то получали побои.

Однажды в больнице я была свидетельницей такого факта. Пришел больной, жалуется на головную боль и общую слабость. Доктор взял больного за волосы и начал его бить головой о печку, бил до потери сознания и вытолкнул, наконец, за дверь в коридор. Окровавленного мужчину из коридора унесли товарищи в свою секцию. Приходит другой больной, молодой парень лет 20, тоже жалуется на общую слабость и отказывается в этот день итти на работу. Доктор Колехмайнен подает ему 20 каких-то таблеток и заставляет его тут же принять их сразу все. Через 15—20 минут больной умер. Вообще этот врач не лечил, а избивал без жалости всех без исключе-

ния — как мужчин, так и женщин. Он ненавидел, презирал русских людей, называл нас: «русская сатана».

Мне было очень тяжело смотреть на людей, умирающих от голода и от побоев, но помощи им оказать я не могла никакой.

Однажды я обожгла руку. Мне пришлось итти на перевязку.

После перевязки приходит к нам в барак начальник, вызывает меня и говорит, что меня надо посадить в «будку». В «будке» я сидела, хотя у меня была температура 38,2°. «Будка» представляла собой грязное, темное, холодное помещение. Сидела я трое суток.

Когда меня выпустили из «будки», то начальник лагеря приказал дать мне 15 плетей (плетка эта длинная толстая резиновая, внутри нее находилась проволока, скрученная в конце). Пришли два палача, Арола и Аалто, которые избивали людей и больше ничем не занимались. Присутствовали еще начальник лагеря Маенпя и переводчик. Приказали мне раздеться, подали табуретку, я легла через табуретку, меня начали бить. Били так: сделают один удар, пройдет одна минута, сделают второй; так я получила 15 ударов. Когда я встала и оделась, то у меня вырвалось слово «спасибо». За это мне еще 10 плеток дали, я с трудом дошла до барака и трое суток пролежала в постели.

Второй случай. Читая финскую газету на русском языке «Северное слово», я сказала, что здесь нет ни одного процента правды — все ложь. Мне дали 8 плеток.

Однажды лейтенант лагеря Кутижмы швед Лундел избил Костю Федорова через мокрую соленую тряпку. Костя Федоров был раздет, положен на стол, на его тело положили мокрую, соленую тряпку, всех лагерников выстроили вокруг стола для того, чтобы они смотрели, как будут избивать их товарища. Били толстыми березовыми прутами.

В лагере начала свирепствовать эпидемия тифа, и многие умирали, так как помощи медицинской не было.

Стали в баню нас гонять через день, жар в бане чагоняли страшный и держали нас в ней по 45 ми-

нут, несмотря на то, что некоторые люди были с температурой, были и сердечно больные.

Когда кончился карантин, нас отправили обратно в Петрозаводск работать на биржу и поместили в третьем лагере. Из 550 человек приехали обратно 150 чел. Остальные умерли в Кутижме от голода и побоев.

В Кутижме есть братская могила, где похоронено 300 человек. Хоронили без гробов.

(Подпись)

7 июля 1944 г.

В КИНДАСОВСКОМ ЗАСТЕНКЕ

Гагарина Вера Алексеевна, уроженка Лодейнопольского района, Ленинградской области, проживавшая в доме № 16 по ул. Льва Толстого в г. Петрозаводске, поведала о своей жизни в финской неволе следующее:

«В октябре 1942 г. меня как «неблагонадежную», финны посадили в Киндасовский концентрационный лагерь, где я и находилась по день освобождения нас Красной Армией. Лагерь, где я сидела, был в деревне Киндасово, в семи крестьянских домах, обнесенных забором из колючей проволоки. В лагере содержалось до 200 человек мирных советских граждан. В основном это были «политически опасные люди и подозрительные». В лагере люди размещались скученно, особенно мужчины. Так, в комнате площадью в 40—50 квадратных метров помещалось более 30 человек. В бараках всегда стояла грязь и зловоние. Питались скверно, суп варили для заключенных из гнилой колбасы, кишащей червями. Когда же эта колбаса представляла из себя сплошную массу червей и ее давать нам даже финны не решались и выбрасывали, то заключенные подбирали эту колбасу и ели, за что получали наказание от коменданта лагеря, сержанта Вихола.

Заключенные выполняли непосильную работу на лесозаготовках. Кто не мог работать, того били, лишали и без того скудного пайка. В лагере был жесточайший режим. Над советскими людьми финны издевались, били и расстреливали за малейшую «провинность».

Когда в лагере появлялся начальник лагеря, капитан Тойвонен, то все пленные смотрели за каждым его шагом, куда он идет и кого ведет на пункт избиения. Тойвонен при каждом посещении избивал от 5 до 10 человек. Стоны истязуемых людей, их крики были слышны по всему лагерю. Помнится такой случай. На поле работали пленные, туда приехал капитан Тойвонен на лошади. Очевидно ему показалось, что люди плохо работают, тогда он снял плетку, дал лошади шпоры и начал на скаку бить без разбора голодных и измученных людей.

Юноша Палагин, будучи голодным, попытался сорвать на гряде и съесть одну—две репы. Его заметил сержант Ковала. Он поставил Палагина к телефонному столбу и стал его расстреливать. Вначале выстрелил несколько раз мимо, а потом убил Палагина наповал, на глазах у всех пленных.

Вот еще случай: пленный Осипов, будучи больным. не мог вернуться домой. Он лег в траву и уснул. Сержант Ковала нашел его спящим и тут же спящего убил. Пленные Васильев и Иванов попытались уйти из лагеря, Ковала их обоих расстрелял без следствия и суда. Таких фактов самосуда в лагере было очень много.

Начальник лагеря капитан Тойвонен, его помощники Вихола и Ковала чинили неслыханные зверства над советскими мирными гражданами, заключенными в Киндасовский лагерь».

18 июля 1944 г.

Егорова Александра Ивановна, уроженка Ведлозерского района Карело-Финской ССР, проживавшая в доме № 30 б по Большой Подгорной улице в г. Петрозаводске, рассказала:

«В 1941 г. я не могла своевременно эвакуироваться и оказалась на оккупированной финнами территории К-Ф ССР. Финские оккупанты бросили меня в тюрьму, как «политически неблагонадежную». С ноября 1942 г. по 24 июня 1944 г. меня держали в Киндасовской тюрьме. В Киндасовской тюрьме в это время находилось до 300 человек. Люди размещались скученно, в камерах всегда была непролазная грязь и невыносимое зловоние. Камеры кишели клопами и вшами. Кормили нас очень плохо, а работать заставляли на

лесозаготовках по 10—12 часов в сутки. Если человек был серьезно болен, то с этим не считались и выгоняли на работу.

Охранники Ковала, Сихвонен били больных людей палками, при этом кричали: «Вот вам здесь лекарство!» Издевательства и избиения заключенных были любимым занятием всей охраны тюрьмы. Я была очевидцем, как за попытку совершить побег били заключенных советских людей Матвеева и Жданова до потери сознания, обливали холодной водой и вновь били. После такого избиения Матвеев и Жданов в течение двух недель не могли подняться с коек. Не проходило дня, чтобы кого-нибудь из заключенных не били. Особыми зверствами и изощренными пытками отличались начальник тюрьмы капитан Тойвонен и его помощники сержант Ковала и Сихвонен, которые не только избивали заключенных, но без следствия и суда расстреливали невинных советских граждан, брошенных в тюрьму».

19 июля 1944 г.

Козырева Наталья Петровна, уроженка Калининской области, Оленинского района, дер. Сидорово, проживающая в г. Петрозаводске, поселок № 1, рассказала о своей жизни в финском плену следующее:

«В 1941 г. при оккупации г. Петрозаводска финскими войсками, я, Козырева, была взята в плен и заключена в концлагерь № 2, который был организован финскими захватчиками для мирных советских граждан.

Режим в лагере финны установили суровый. После 7 часов вечера воспрещалось ходить даже из комнаты в комнату. Виновных в нарушении этого приказа подвергали телесным наказаниям. Так, за то, что я однажды засиделась немного дольше 7 часов у знакомой в другой комнате, комендант лагеря, финн по имени Паули, избил меня резиновой плеткой с привязанной на конце гайкой.

Подобные случаи избиения часто имели место в лагере.

Населению, находившемуся в лагере, финны выдавали на день 200 граммов хлеба, да и то с различными примесями, и иногда немного мяса или порченых овощей. В этом случае уменьшалась норма выдачи хлеба.

Доведенная голодом до страшного истощения, я вынуждена была употребить в пищу мясо собаки.

Финские оккупанты, чтобы скрыть факты голода среди населения лагерей, объявили мой поступок умышленным преступлением, направленным против порядка, установленного финскими властями. После избиения я, без всякого суда и следствия, была брошена в 1942 г. в Киндасовскую тюрьму.

В тюрьме я просидела 1 год 11 месяцев.

Режим в тюрьме был установлен еще более невыносимый, чем в лагере. Кормили здесь еще хуже, а работать заставляли больше.

Заключенные, в поисках пищи, рылись в помойке, ловили и ели лягушек. Некоторые заключенные, чтобы вырваться из этого ада, калечили себя. Но и это не помогало.

Так, заключенная Хорошева Анастасия, 25 лет, желая как-нибудь вырваться из тюрьмы, разрубила себе топором руку, но в больницу ее не направили, а, сделав перевязку, опять направили на работу.

Одного мужчину, лет 58—60, который совершенно обессилел и не мог работать, финны в лесу избили палками и затравили собакой. На следующие сутки этот заключенный умер».

13 июля 1944 г.

Тарасова Евдокия Васильевна, уроженка Петровского района, Карело-Финской ССР, проживавшая в доме № 30 б по Большой Подгорной ул. в г. Петрозаводске, рассказала о том, как обращались финские захватчики с советскими людьми в лагерях.

«Я, — говорит Тарасова, — как «подозрительная и неблагонадежная» личность, была арестована финскими властями и брошена в Петрозаводскую тюрьму, а затем в Киндасовскую тюрьму, где и находилась до дня освобождения нас Красной Армией. Мне хочется рассказать о тех невыносимых условиях и произволе, который царил в Киндасовской тюрьме. Киндасовская тюрьма разделена на мужское и женское отделение. В них обоих находилось в среднем 300 человек заключенных советских граждан. Заключенные были размещены очень скученно, в камерах в 15—18 кв. м помещалось по 10—12 человек, а иногда и более. Рабочий день в тюрьме длился 10—12 часов, причем

финская администрация тюрьмы выгоняла всех на работы, в том числе и больных. Если же заключенный обращался за медицинской помощью к тюремному санитару Пораярви (врача в тюрьме не было), то он вместо помощи выгонял больных из кабинета, а иногда «лечил» их палкой и кулаками. Питание заключенных в тюрьме было скверное. Суп варили из неочищенной картошки и гнилой колбасы. Давали еще мучную или ржаную кашу, кипяток и 300 граммов хлеба. Большинство заключенных настолько отощали, что не могли двигаться.

В Кындасовской тюрьме над заключенными зверски издевались, били их за каждый проступок. Например, за то, что во время полевых работ голодные заключенные брали что-либо из овощей, финны подвергали советских людей жестоким избиениям до потери сознания. Так были избиты заключенные Гагарин, Фокин, Жданов, женщины Егорова, Артемьева и другие».

ЗАЯВЛЕНИЕ

В Чрезвычайную Государственную Комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников

от тр. Денисова
Петра Григорьевича

Финны загнали меня в лагерь № 2. В начале в лагере нам выдавали паек по 300 граммов хлеба на 2 суток. Люди голодали. Несколько заключенных не выдержали и ушли в город, в их числе был Пиминов с Голиковки. Вскоре Пиминова вернули обратно в лагерь военные полицейские и посадили в «будку», где уже находились и другие арестованные. Стояли морозы. В «будке» же не было стекол.

Пиминов обратился к переводчику, прося перевести в теплое помещение. Переводчик ответил: «Скоро согреем». Вскоре пришел комендант лагеря с сержантом и несколькими солдатами, с Пиминова сняли верхнюю одежду и начали его избивать. Били до тех пор, пока Пиминов не упал в обморок. Когда он очнулся, его вновь стали бить. Пиминова били до тех пор, пока он не перестал шевелиться. Уставшие финские изверги вновь пытались привести свою жертву в чувство, но

оказалось, что Пиминов уже мертв. Стремясь скрыть свое преступление, финские палачи сколотили ящик, положили туда труп Пиминова и, вызвав конюха Онкоева, Ульянова Алексея и Иванова, ночью тайком отвезли труп на кладбище и зарыли. Таким же образом были умерщвлены еще 2 заключенных.

Зверские расправы не остановили однако голодных людей. За хлебом ушел Василий Мишкоев с товарищами. Мишкоева также поймали, отобрали у него хлеб и избили до полусмерти. Волоком затащив Мишкоева в барак, финны его оставили до утра. На второй день он был взят снова и избит еще более жестоко. После побоев Мишкоев три недели не мог передвигаться.

Однажды из лагеря в город ушли девушки Демченко Зоя и Праведникова Надя. Когда они возвратились, то комендант лагеря лейтенант Салаваара их так избил, что девушки не могли встать с постели целых две недели.

Режим в лагере № 2 был зверский.

В 6 часов утра дается звонок на работу. Если кто только не успел выскочить, то в барак вбегали два солдата Сало и Пааво (фамилии не помню) — они давали одну-две очереди из автомата. С верхних нар людей гнали резиновыми палками, так что те вылетали с нар голые.

Особо зверствовали финские изверги в Киндасовской тюрьме, куда я попал «за пропаганду». Припоминаю из жизни в тюрьме такие факты.

Однажды заключенный Палагин, идя с работы, выдернул репу. Он тут же на глазах всех рабочих был убит помощником коменданта Ковала.

Заключенный Осипов работал на заготовке дров в лесу. При возвращении он заблудился. Его вышел искать с собакой помощник коменданта Ковала. Встретив Осипова у лагеря, Ковала отвел его с дороги и пристрелил.

Заключенный Васильев, десятки раз избитый тем же Ковала, в конце концов не мог больше выносить своей участи и решил бежать в Петрозаводск, чтобы искать защиты у финских властей, но Ковала его задержал в Пряже. Ковала ехал на велосипеде, а Васильева гнал перед собой бегом 12 километров. Когда Васильев, измученный, пошел шагом, то Ковала обо-

злился, отвел его с дороги и пристрелил. Нам же было объявлено, что Васильев убит при попытке к бегству.

Не было заключенного в лагере, которого бы Ковала не бил несколько раз. Больше всех попадало от Ковала Иванову Сергею, Виноградову Сергею, Никитину, Булыгину, Пушкоеву, Бирюкову Павлу, Илькину, Крохину, Полякову, Грекулову Михаилу, Андреанову Дмитрию и Нечаеву. Бирюкова и Грекулова Ковала, как правило, после каждого развода избивал. Так повторялось ежедневно.

Финские палачи избивали также женщин и детей. Коссовой Валентине было дано 50 плетей, 14-летнему Полякову Николаю — 10 плетей. Босых, полураздетых пленных финны сгоняли на утренний развод, несмотря на то, что мороз иногда доходил до 30° и выше. Здесь людей выдерживали до 30 минут. На ремонт дороги выгонялись исключительно босые.

Все вышеуказанные факты зверств и издевательств подтвердят все, кто жил в лагере.

Все товарищи знают, что комендант, сержант Вихола, зверски избивал и грабил заключенных. Вихола, узнав, что заключенный имеет деньги, немедленно выводил его в сарай или на чердак и там начинал стращать. «Давай сюда деньги!», — требовал Вихола, приставляя наган к виску заключенного. Он зверски избивал людей, если денег не оказывалось.

По словам лагерников, Вихола был зверь, а не человек. Провинившихся он оставлял без хлеба целыми днями и очень часто. Если же считал, что на работе бригада плохо работала, то он лишал людей не только хлеба, но даже супа. Люди при нем ели мышей, крыс, траву.

(Подпись)

26 июля 1944 г.

ЧТО МЫ ВИДЕЛИ В ФИНСКИХ ЛАГЕРЯХ

Мы — живые свидетели, пострадавшие от того режима пыток и издевательств, который был введен финнами в оккупированных районах Карело-Финской ССР. Мы почти три года провели в концентрационных лагерях — в Петрозаводском лагере № 2, Видлицком и Киндасовском.

В начале 1942 г. мы находились во втором Петрозаводском лагере. В этом лагере мы всю зиму возили на себе дрова с озера; хлеба получали мало, голодали. Зато финны и их прислужники жили хорошо, пользуясь нашими трудами.

В Видлицком лагере, куда нас перевели из Петрозаводска, режим был еще суровее. Поместили нас в барак, в котором были выбиты стекла, сломана печь, в стенах щели; ветер свободно «гулял» по нашему жилищу. Если человек заболевал, его все равно гнали на работу, беспощадно избивая.

Однажды мы пришли на работу. Среди нас был инженер Драгун. Вдруг появились полицейские, схватили его, отвели на несколько шагов в сторону и на наших глазах расстреляли. За что его убили — для нас было неизвестно.

Вскоре расстреляли Чехонина Ивана и еще нескольких молодых ребят.

Хуже Киндасовского лагеря трудно было что-либо придумать. Рядом с ним за рекой расположена тюрьма. Капитан тюрьмы всегда разъезжал верхом на лошади с плетью в руке. Если он видел, что кто-либо из нас разогнул спину, то налетал на него и нещадно бил плетью.

Однажды он велел всем работающим снять рубашки и бил нас по голому телу, по очереди, проезжая на лошади взад и вперед вдоль шеренги людей с обнаженными спинами. Особенно не взлюбил почему-то он железнодорожника Бирюкова. Как бы тот ни работал, удары плетью сыпались на несчастного почти беспрерывно.

Комендантом лагеря был финн Вихола. Мы его звали «Волком». Да он и по наружному виду и по своим делам таким был. Вместе с капитаном и переводчиком они устраивали поголовные избиения людей.

Били резиновыми плетьми с наконечниками, свитыми из проволоки. Такая плеть сразу же рассекала тело до крови. Били нас и перед работой, и перед сном, и во время работы, многих забивали до полусмерти.

Летом 1943 г. Федоров не вышел на работу, так как он был совсем раздет и бос, у него сильно опухли ноги. Вихола приказал его наказать. Трое часовых

выволокли его из барака, били его дубинкой, топтали подкованными сапогами, потом бросили его в канаву и не разрешали никому подходить близко.

Вихола приказал не давать Александру Иванову хлеба. Иванов отказался выйти на работу. Вихола долго бил его. Иванов весь в крови, с искаженным от боли лицом, кричал: «Скоро вам, гады, конец!» Иванова куда-то унесли.

А Васильев Иван решил однажды итти с жалобой на порядки в лагере в Петрозаводск. Его поймали в Пряже. Комендант всю дорогу от Пряжи до лагеря гнал впереди себя Васильева, избивая его плеткой и уже измученного, еле живого, расстрелял около лагеря.

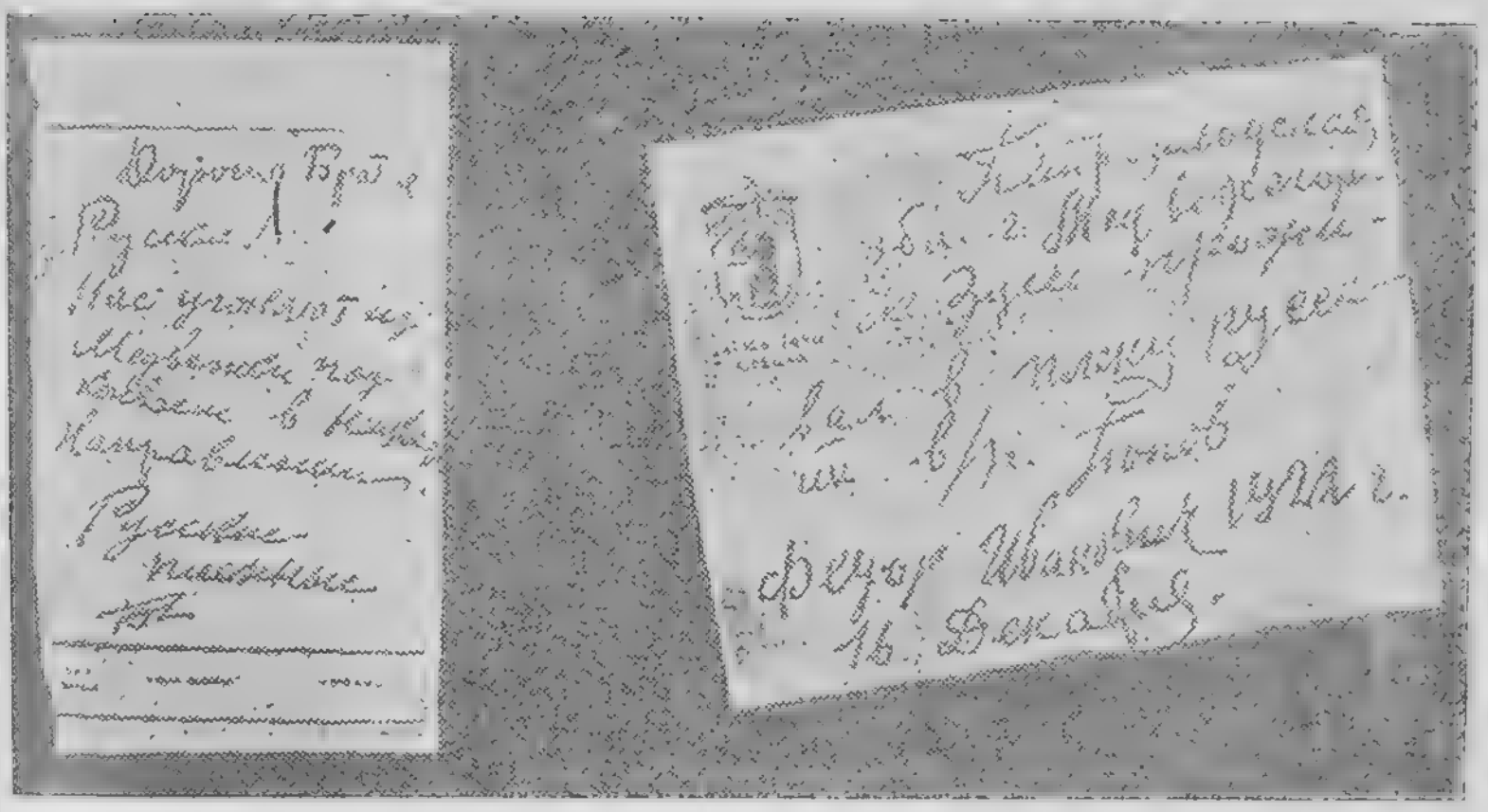
Не описать всех мук и издевательств. Настрадавшийся народ предъявит полный счет финским извергам за муки и издевательства над советскими людьми.

Клавдия Квашнина, Александра Худякова

В ИЛЬИНСКОМ КОНЦЛАГЕРЕ

Бежавший из финского плена 17-летний советский гражданин, уроженец города Лодейное поле, Ленинградской области, Плескачев Алексей Иванович рассказывает:

«В лагере для советских граждан в селе Ильинском советских людей подвергают пыткам, издевательствам и расстрелам. На моих глазах финны ножом распороли живот одной женщине. Она упала, истекая кровью. Одного мужчину лет 30 финны вытащили из барака и тут же расстреляли за то, что он болен и не может итти работать. Когда изголодавшиеся женщины просили хлеба, финны бросали несколько хлебных корок, а затем избивали ногами и плетьми тех, кто пытался поднять эти отбросы. Ежедневно в Ильинском лагере умирало от голода и пыток по 10—12 человек. Как-то один мальчик лет 8—9 подошел к офицеру с просьбой налить немного бензина для лампы. Офицер выхватил из рук мальчика бутылку и ударом бутылки по голове убил ребенка насмерть. Финские солдаты и офицеры насилуют советских девушек и женщин, находящихся в лагере».



Записки русских пленных, обнаруженные в концлагере г. Медвежьегорска.

АКТ

Мы, нижеподписавшиеся: председатель комиссии капитан Саков А. Е., члены комиссии: майор медслужбы Овчаренко Н. П., советские граждане, бывшие заключенные в концлагере, Тихонович А. М., Калинин А. М., Кузнецов К. Н., Анискевич К., Дедешин Н. И., составили настоящий акт о чудовищных зверствах белофиннов над мирным населением.

Советские люди были согнаны в концентрационные лагери. В отдельном концентрационном лагере № 8 (совхоз «Ильинский») было заключено около 700 человек советских граждан, из которых 70% погибли от голодной смерти, побоев и издевательств. Лагерь был обнесен высоким забором из колючей проволоки. В нем был установлен кошмарный режим. За ворота лагеря никого не выпускали, а кто осмеливался выйти, того финские палачи расстреливали без предупреждения.

Советские люди, находившиеся в лагере, работали по 16 часов в сутки, получая 100—125 граммов хлеба в день, а деньгами трудоспособный мужчина получал столько, что нехватало на две коробки спичек.

Финны выгоняли на работу детей и нетрудоспособных стариков, а тех, кто не мог работать, финны изби-

вали до смерти. Так был замучен 70-летний старик Анискевич Ю. Ю., Якубовский С. И., Смоленский И. и много других. Анискевич М. И. по беременности не могла выйти на работу, за что и была избита финнами до полусмерти. Это вызвало у нее преждевременные роды с последующими тяжелыми осложнениями. Подобных случаев много. Ежедневно на протяжении всех лет оккупации в дождь, вьюгу, мороз все население лагеря выгоняли на работу, несмотря на то, что большинство из них не имело теплой одежды и обуви.

Советские люди обмораживали ноги, руки, уши, 35% жителей лагеря имели обморажения II—III степени. Многие из них от этого погибли. Так было с уроженцем Подпорожского района, дер. Погра Волковым Н. М., Голубь, Ворониной Еленой, Лавровой Валей и др.

За невыполнение приказаний палачей, а то и просто без всякой причины, жители лагеря подвергались телесным наказаниям — избиениям плетью со свинцовым наконечником. Наказаниям плетью подвергались даже дети, например, Шевчин Петр, — 7 лет, Бальцевич М., — 11 лет, Маковская Катя, — 9 лет.

В лагере были специально назначены финскими властями палачи: Лаури Ахтинен, Лохикоски Микко, Ипатти Алексей — они избивали и расстреливали людей, которых администрация лагеря подозревала в намерении сбежать из лагеря, или тех, кто говорил, что Красная Армия освободит захваченную финнами советскую территорию. Расстреливали без следствия и суда. Так был расстрелян инженер-прораб технического участка Свирь-3 Елисеев В. С. Его отвели на 50 метров от лагеря, заставили вырыть яму для себя, а потом расстреляли. Выстрел произвел Эрккonen. Так же поступили финские палачи с гражданином Инженеровым П. Ф. — жителем г. Ленинграда, Двадцатовым Семеном — уроженцем Новосибирской области и десятками других.

Многие не выдерживали адского режима в конц-лагере и кончали жизнь самоубийством. Учитель Кондушской начальной школы, Лодейнопольского района, Шамарин Н. О. не вынес издевательств финнов и покончил жизнь самоубийством. В письме жене перед

смертью, он пишет: «Жизнь такая тяжелая, что перенести все эти мучения не в моих силах».

Финские изверги применяли к советским гражданам средневековые пытки, сажали в карцер, морили голодом.

В лагере советские люди умирали от болезней. Медпомощи не было. 26 июня 1944 г. за несколько часов до прихода Красной Армии в лагере были зверски замучены граждане: Кабачников Владимир, Порфиненко И. К., Голубев Н., Ларионов А., Сахаров Анатолий — все в возрасте от 17 до 19 лет.

Медицинской экспертизой установлено, что указанные лица подвергались перед смертью нечеловеческим пыткам. Садистами нанесено много ранений при помощи ножа-финки: обрезаны уши, нос, нанесены ранения в голову, грудь и другие места. И только потом они были расстреляны.

(Подписи)

ЗАЯВЛЕНИЕ

В Чрезвычайную Государственную Комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников

от бывших заключенных в лагере № 8

После того как финские войска захватили села и деревни Олонецкого района Карело-Финской ССР, они создали в районе, прилегающем к Ильинскому лесозаводу, 3 концентрационных лагеря, куда заключили более 2 тысяч советских граждан, русских по национальности. Финские военные власти назвали эти лагери переселенческими, но в действительности это были концентрационные лагери, в которых был установлен варварский режим. Мирные граждане — женщины, дети и старики — находились здесь на положении военнопленных.

Вот какие порядки были установлены в лагере № 8. Весь лагерь был обнесен колючей проволокой, а часовые имели приказ открывать огонь по каждому, кто попытается выйти за пределы лагеря. Хождение по лагерю разрешалось только до 9 часов вечера.

В лагере в момент освобождения территории советскими войсками находились 471 человек, из них мужчин 64, женщин — 208, детей от грудного возраста

до 16 лет — 199. Все заключенные в лагере находились в исключительно тяжелых условиях. Паек, который выдавался заключенным, состоял из 150—300 граммов сухих черных галет, испеченных из овсяных и других отбросов, и из порции жидкого супа-баланды. Иногда выдавалась так называемая «колбаса», сделанная из мясных, главным образом, конских отбросов, с примесью крупы. Колбаса всегда давалась заплесневелой, с признаками начавшегося гниения, с червями.

И, как ни голодны были заключенные, они часто выбрасывали эту колбасу на помойку.

Пленных изнуряли непосильной работой — по 12—14 часов в сутки на лесоразработках. Финны заставляли работать детей. 14-летние девочки Анкудинова Зина, Старченко Ася, Дегтярева Лида и многие другие направлялись в лес и должны были ежедневно разделать по три кубометра дров на двоих. В течение трех лет финские власти не дали ни одному заключенному пары сапог или какой-либо одежды, однако, требовали, чтобы в любую погоду заключенные ежедневно выходили на работу. Это приводило к массовым случаям обмораживания.

Советская учительница Л. Г. Позик зимой 1942 г. вместе с 19-ю заключенными была послана в лес для прокладки дороги. Никаких инструментов им не дали, и им пришлось протаптывать дорогу ногами. Позик отморозила руки и ноги и попросила разрешения на час раньше уйти с работы. Ее отпустили, а в тот же день вечером ее вызвали в комендатуру лагеря, раздели, повалили на пол и нанесли 24 удара резиновой дубинкой.

В комендатуре существовал целый набор различных плетей: из толстой квадратной резины и круглые, набитые песком. Избиения были обычным явлением. Жестоко, до полусмерти избивали заключенных мужчин, если они говорили на улице с заключенной женщиной. Е. К. Зарецкая — 43 лет — мать троих детей, получила 30 ударов плетью по приказу коменданта за то, что ее дочь нашла на дороге хлеб, уроненный с финской машины. Пострадавшая рассказывает: «Меня положили на скамейку, подняли юбку и стали бить. Два солдата держали голову и ноги, а комендант бил. В результате избиения я временно потеряла зрение».

Кроме индивидуальных, производились массовые порки.

В сентябре 1943 г. группа женщин пошла из лагеря в село Тукса для поисков на перекопанных полях остатков картошки. По возвращении в лагерь, в комендатуре, по распоряжению младшего сержанта Касимяки, были избиты плетьми 24 женщины. Били их так: приказали снять верхнюю одежду, лечь на скамью, и избивали. Так были избиты Татьяна Денисевич, Евдокия Поташева, Татьяна Мухина — 17 лет, Александра Мухина — 15 лет, беременная Сержантова Анастасия и др. По всему лагерю разносились душераздирающие крики. Тела истязуемых были в черных кровоподтеках.

После избиения они были лишены половины недельного пайка. Заключенные подвергались и другим издевательствам. В марте 1944 г. финны придумали новое наказание. За невыполнение непосильных заданий, или, как формулировали финские палачи «за плохую работу», были наголо острижены А. Поташева, Т. Корзина, О. Туманова, А. Боронина и девушки Л. Сажинова, В. Никифорова, А. Смирнова и др.

Финские власти не заботились о санитарных условиях — за все время заключенные получили по 150 граммов мыла.

Финские палачи вели регистрацию всех производимых экзекуций с указанием фамилии наказанного, количества нанесенных ударов, но перед отступлением они все эти материалы сожгли.

Во всех этих преступлениях непосредственно виновны: капрал Мяенпя, солдат Эдвард Юлиманкола, младший сержант Матти Еливуони, младший сержант Тюко Касимяки, лейтенант Керри, солдат Лаури Лехтинен, Алексей Ипатти, фельдфебель Микко Лохикоски.

Бывшие заключенные лагеря на территории совхоза № 8: *Е. И. Васина, М. И. Кутова, Е. Г. Косточка, А. Н. Федорова, Е. П. Васина*

1 июля 1944 г

АКТ

11 июля 1944 года. Мы, нижеподписавшиеся, гвардии майор Рюма Н. А., майор Корюков Е. Е., капитан Мелентьев Л. И., капитан Бурд З. И. и старший лейте-

нант Гагарин И. И., составили настоящий акт о нижеследующем:

При занятии нашими войсками деревни Кангозеро нами был обнаружен концлагерь для советских военнопленных. За густой сетью колючей проволоки, обмотанной вокруг большого дома, высотой в 2½ метра, томилось до 150 узников.

В помещении тюремного типа, специально подготовленном для военнопленных, насчитывалось восемь общих камер с двухъярусными нарами.

Кроме наружной колючей проволоки, обнесенной вокруг дома-тюрьмы, каждое окно было вдобавок еще обнесено проволокой.

Бросается в глаза полная антисанитария, грязь. Людей здесь содержали в тесноте, в темноте. Финны редко выпускали заключенных из душных камер. Около дома имеется дорожка. По ней выводили пленных на минутную прогулку.

В километре от этой деревни, на самом берегу реки Шуи, маннергеймовцы устроили концентрационный лагерь для мирного населения. Вокруг всей территории этого лагеря в два ряда насажена колючая проволока полутораметровой высоты. По всем признакам, режим в этой тюрьме мало чем отличался от соседней. Окна отдельных камер тоже были дополнительно опутаны колючей проволокой.

В этом, так называемом, «трудовом лагере» финны держали не менее 200 человек.

Финские оккупанты постарались замести все следы своих злодеяний. Они вывезли все имущество, которое здесь было, а людей заблаговременно угнали в Финляндию.

(Подписи)

ЭТО БЫЛО В ОЛОНЦЕ

На окраине Олонца раскинулось огромное кладбище, бесконечные ряды могил. Здесь похоронены русские военнопленные и мирные жители Олонца. Мы проходим мимо этих могил, читаем имена наших людей: Лунев, Иванов, Самойлов, Волдин, Иванов Сергей. Здесь похоронены комсомолка Звездина и учительница Филиппова. Финны три месяца мучили их, а потом вывели на кладбище, раздели донага и расстреляли. Только

в первых рядах могил мы видим имена. Дальше идут номера — 177, 460, 3800, 5279...

По свидетельству жителей Олонца, только в одном Ильинском отделении этого лагеря, где томились 700 советских граждан, 70 процентов погибло от голодной смерти, побоев, издевательств.

Финские палачи рационализировали свое преступное дело и перестали писать фамилии погибших в фашистском плену советских людей. Тюремщики стали клеймить их могилы номерами, как клеймят они номерными бирками живых рабов. Ежедневно на клад-

Концентрационный лагерь в г. Олонец.

бище приносили двадцать—тридцать, а зачастую и сорок гробов. Их несли, понурив головы, одетые в рубища пленники. По изможденным лицам живых стекали слезы. И многие живые завидовали мертвым. Безвестная могила лучше, чем финский лагерь.

Лагерь. О нем с ужасом вспоминают жители Олонца. Серые бараки, окна без стекол, а некоторые и без рам, обтянутые решеткой из колючей проволоки. На стенах заключенные оставили надписи: «Да здравствует 1 мая!», «Да здравствует советская власть!».

Мрачные бараки обнесены высокой стеной колючей проволоки. Голый двор. Кругом кучи гниющего мусора — рассадники заразы.

Только в трех таких лагерях Олонецкого района находилось до 4 тысяч советских людей. При установленном в лагерях 16—18-часовом рабочем дне комендант выдавал заключенным 125 граммов эрзац-хлеба. Работали все — и старики, и дети. Голодные, изнуренные, они обязаны были ежедневно ходить много километров до места работы, таскать на себе бревна и огромные глыбы гранита. Того, кто, обессилев, не мог работать, избивали палками. Так был забит насмерть 70-летний старик Анискевич. У лагерников не было теплой одежды и обуви, тт. Волков, Голубь, Воронина, Лаврова и другие отморозили ноги и руки и вскоре умерли.

Особенно изощрялись лахтари в своих издевательствах над русскими и украинцами. Они заставляли их выполнять самые тяжелые работы, зимой отбирали у них обувь, морили голодом.

Финские мерзавцы заражали русских людей сыпным тифом. В лагере был сыпнотифозный изолятор. Сюда лахтари бросали десятки здоровых людей, затем снова переводили их в общие бараки.

За малейшее нарушение приказов лагерники подвергались телесным наказаниям. Их били плетью со свинцовым наконечником. Такой плетью фашисты избивали и детей. Всех, заподозренных в политических разговорах, финны расстреливали без суда. Так был расстрелян инженер Елисеев. Его отвели за 60 метров от лагеря и заставили вырыть себе могилу.

Учитель Кондушской школы, томившийся в лагере, не вынес мучений и покончил жизнь самоубийством.

Перед уходом из Олонецкого района финские палачи зверски замучили юношей Анатолия Сахарова, Алексея Ларионова, Владимира Кабачникова, Николая Голубева и 15-летнего Ивана Порфиненко. Эти советские юноши были исколоты ножами и всем им бандиты перерезали горло.

Уцелевших узников финны угнали с собой. Жители Олонца рассказывают, что, уходя, заключенные кричали: «Передайте нашим, что мы еще живы, пусть торопятся».

Майор *А. Плющ*, капитан *Н. Клевин*

Газета «В бой за родину»
от 8 июля 1944 г.

ЛАГЕРНАЯ ПЕСНЯ

Финские злые солдаты
В лесу нас, несчастных, нашли,
Добро все у нас отобрали
И в плен нас сюда привели.

Раскинулся лагерь широко,
Кругом все бараки стоят,
А в доме, большом и высоком,
Засел белофинский отряд.

Ах, злые, жестокие финны,
Зачем привезли нас сюда,
Зачем нас в решетку закрыли,
И выхода нет никуда.

Не слышно по лагерю песен,
Но слышатся крики людей,—
По комнатам слышны страданья
Безвинных и малых детей.

И выйдут несчастные люди
На волю по кухням бродить,
Раз хоть вздохнуть на свободе
И ужин себе раздобыть.

И плачут безвинные люди
Под плетью лихих палачей,
За маленький каждый проступок
Учат их плеть и ремень.

А если который, несчастный,
Под плеть палача попадет —
Получит он 25 плеток,
Другой и домой не придет.

Бывали такие случаи
От плетки лихой палача:
Сейчас его в «будке» стегали,
А из «будки» несут мертвеца.

Ведь хлеба нам мало давали,
Воду и ту по часам,
А голод нас заставляет
Шататься, просить по домам.

Как дверь за водой открывают,
В дверях патрули все стоят,
В два строя и с красной нашивкой,
За мной, как за вором, следят.

Финские злые солдаты
В лесу нас, несчастных, нашли,
Все наше добро разорили
И нас сюда в плен привезли.
И если мы здесь не погибнем,
И сможем войну пережить,
В родные края возвратимся,
То каторгу нам не забыть.
Родным, и друзьям, и знакомым
Есть много о чем рассказать.
Будем мы с честью трудиться
И новую жизнь начинать.

Записано со слов *П. М. Кононовой*

Лагерь № 5

О, милая русская воля,
Как счастье мое далеко.
Свободы, свободы не видим,
У финнов в плену мы давно.
Придет еще, мамочка, время,
Письмо ты получишь мое,
Прочтешь ты и горько заплачешь,
И вспомнишь про дочку свою.
Вот слышим — этап назначают,
По лагерю крики и гам,
Ой, братцы, куда назначают?
Поедем, поедем на «бал».
Мы ехали, ехали долго,
Вдруг поезд, как вкопанный, стал,
Кругом только лес и болото,
Здесь будет страшный тот «бал».
Дорогу построили быстро,
Дорога длинна, широка,
Ой, сколько костей по дороге,
Вся кровью она залита.
И кровь эта ала, кипуча,
По рельсам стальным бежит,
За жизнь украинцев и русских
Останется счастье другим.
О, милая русская воля,
Как счастье мое далеко!
Свободы, свободы не видим,
У финнов в плену мы давно.

Записано со слов *Надежды Егоровой*

Деревня Святозеро

4. СОЖЖЕНИЕ И РАЗРУШЕНИЕ ГОРОДОВ И ДЕРЕВЕНЬ В ОККУПИРОВАННЫХ РАЙОНАХ КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР

РАЗРУШЕНИЯ В СТОЛИЦЕ КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР

АКТ

о разрушениях, причиненных промышленности, городскому хозяйству, культурным учреждениям, и о злодеяниях, совершенных немецко-финскими захватчиками в г. Петрозаводске Карело-Финской ССР

В результате разгрома Красной Армией немецко-финских оккупантов и освобождения от захватчиков г. Петрозаводска — столицы Карело-Финской ССР — выявились огромные разрушения, грабежи и злодеяния, причиненные немецко-финскими холопами Гитлера промышленности, городскому хозяйству, культурным учреждениям и населению г. Петрозаводска.

Основанный в 1703 г. Петром I на западном берегу Онежского озера красивейший северный русский город Петрозаводск разросся, стал неузнаваемым за годы Советской власти. В 1940 г. он был объявлен столицей союзной Карело-Финской ССР.

За 3 года оккупации г. Петрозаводск опустошен немецко-финскими захватчиками, превращен в город застенков и концентрационных лагерей.

Зная финских извергов по их кровавым злодеяниям еще в годы гражданской войны, население г. Петрозаводска, насчитывавшего к началу войны

свыше 75 тысяч человек, в июле — сентябре 1941 г. заблаговременно эвакуировалось в восточные области Союза ССР, и в городе осталось ко дню оккупации лишь несколько сот человек. Все имущество населения, предприятий и организаций, за исключением некоторой части оборудования и взятой с собой гражданами небольшой части одежды и обуви, осталось в городе.

Немецко-финские захватчики вторглись в г. Петрозаводск 2 октября 1941 г. и предали грабежу и разрушению все, что оставалось в городе. Вскоре в город было пригнано городское население, эвакуированное в Заонежский и Шелтозерский районы и попавшее там в руки финских варваров. Насильно также были перевезены в город десятки тысяч женщин, детей и стариков со Свири — из Вознесенского, Подпорожского и других районов. Все это население было размещено в шести концентрационных лагерях, за двумя рядами колючей проволоки. Советские люди были освобождены из лагерей только с приходом Красной Армии 28 июня 1944 г.

I. Разрушения промышленности, транспорта и связи на территории г. Петрозаводска

Фашистские мерзавцы за время оккупации г. Петрозаводска полностью уничтожили всю промышленность города, нанесли крупнейшие разрушения Петрозаводскому железнодорожному узлу, полностью уничтожили предприятия, сооружения и флот Беломорско-Онежского Госпароходства, разрушили до основания все предприятия связи.

Уходя из Петрозаводска под напором Красной Армии, финские холопы Гитлера взорвали, сожгли и разрушили все 7 электростанций города, три плотины, фидерную подстанцию, трансформаторные киоски, нанесли серьезные повреждения электросетевому хозяйству, ценное электрооборудование вывезли в Финляндию, а то, что не могли вывезти — разбили, взорвали и привели в полную негодность. Таким образом город фашистскими варварами на продолжительное время был оставлен без света.

Особенно большие разрушения финские захватчики

сделали на старейшем Онежском (б. Александровском) машиностроительном и металлургическом заводе. Все огромное хозяйство завода, создававшееся на протяжении нескольких веков и особенно за годы советской власти, уничтожено, взорвано, приведено в полную негодность: разрушены все цехи, электростанция, плотина, большинство жилого заводского фонда и другие подсобные предприятия.

Взорванные финнами корпуса лыжной фабрики в г. Петрозаводске.

Фашистские мерзавцы перед уходом из города эшелонами вывозили с завода в Финляндию металл, оборудование, металлические конструкции, материалы, разобрали мартеновские печи и вывезли огнеупорный кирпич.

Разрушена финскими захватчиками до основания крупнейшая в Союзе Петрозаводская лыжная фабрика, выпускавшая до войны свыше 500 тысяч первоклассного качества лыж, сожжены 6-рамный лесопильный завод с биржей пиломатериалов в селе Соломенном и 2-рамный лесозавод в городе, уничтожены ликерноводочный, пивоваренный заводы, холодильник,

типография им. Анохина, взорваны подводные сооружения и часть цехов нового судостроительного завода, разрушено большинство предприятий местной промышленности и промысловой кооперации. Из хлебозавода и других оставшихся предприятий финнами вывезено в Финляндию ценное оборудование и агрегаты.

Огромные разрушения нанесены финскими захватчиками Петрозаводскому железнодорожному узлу: уничтожены паровозное депо, водокачка, электростанция, взорваны все мосты, переходы, стрелки, разрушена значительная часть жилого фонда.

Полностью уничтожено все хозяйство Беломорско-Онежского Госпароходства: пристань, вокзал, склады, служебные и жилые здания, взорван и затоплен весь флот в составе 21 судна самоходного и 10 судов несамоходного флота, — все это финскими мерзавцами проделано в последние дни перед отступлением из г. Петрозаводска, на глазах у местных жителей.

Также полностью уничтожены все предприятия связи в городе: почта, телеграф, телефон, подземные сооружения и кабели. Подверглись значительному разрушению воздушная сеть и вводы в дома (повреждены на 50—70%).

II. Разрушения, причиненные городскому хозяйству

Немецко-финские захватчики, наряду с уничтожением промышленности города, причинили огромные разрушения городскому хозяйству Петрозаводска.

Сожжена до основания Северная гостиница на 100 номеров со всем оборудованием.

Жилой фонд города финскими оккупантами на протяжении 3-х лет систематически уничтожался: по предварительному подсчету в городе уничтожено свыше 485 домов, из них не менее 50 каменных, целые районы — Набережный, Центральный, Зарецкий — опустошены, десятки тысяч человек городского населения остались без крова. Ряд домов каменных и деревянных, незатронутых огнем, фашистские грабители разобрали и вывезли, например, разобран новый 4-этажный каменный дом Судостроительного завода, весь кирпич с него вывезен, разобраны и вывезены многие

Петрозаводск. Сожженное финнами здание городского Совета депутатов трудящихся.

деревянные дома и т. д. Жилой фонд на окраинах был превращен в лагери, уплотнен до крайней степени, не ремонтировался, изношен и поврежден; финские мерзавцы, располагая свободным жилфондом в городе, превратили ряд домов в гаражи, бани, разрушив тем самым дома граждан.

Имущество эвакуированного населения разграблено, повреждено или уничтожено.

Из коммунальных предприятий разрушены полностью две городские бани и разобрана недостроенная третья, уничтожена городская прачечная, взорваны все мосты в городе. Сожжен полностью Гостиный двор с 50 магазинами.

III. Разрушения культурных учреждений и памятников старины

Город Петрозаводск до Отечественной войны являлся крупным научным и культурным центром Карело-Финской ССР.

В городе были памятники Петру I, В. И. Ленину и С. М. Кирову, на пр. Карла Маркса стоял домик с мемориальной надписью: «Здесь жил поэт Г. Р. Державин».

Из научных и культурных учреждений в Петрозаводске находились Карело-Финский Государственный университет, Учительский институт, Научно-исследовательский институт культуры, Публичная библиотека, Государственный музей, два педагогических училища, техникумы: индустриальный, лесной, железнодорожный, кооперативный, медицинский, автодорожный; ремесленные училища, школы ФЗО, 22 средних, неполных средних и начальных школы, десятки детских садов, яслей, лечебных заведений, Дом народного творчества, Госфилармония, музыкальное училище, Дворец пионеров, Государственные финские и русские театры, несколько кинотеатров, клубов и других культурных учреждений.

Фашистские варвары разрушили до основания большинство этих учреждений и памятников.

Сожжены: Государственный университет, Институт культуры, Публичная библиотека, Государственная филармония, Дворец пионеров, финский театр, музыкальное училище, два здания педучилища, индустриальный

техникум, 5 средних и начальных школ, 9 детсадов, ряд детяслей, физиотерапевтическая лечебница, санпропускник, психоневрологический диспансер, кинотеатр, клуб Онегзавода. Сожжен домик, где жил поэт Державин, снесены памятники В. И. Ленину и С. М. Кирову, разграблен Государственный музей и все остальные культурные учреждения.

Финские грабители, оккупировав г. Петрозаводск, собрали со всей оккупированной территории Карело-

Разрушенное финнами здание 9-й средней школы в г. Петрозаводске.

Финской ССР литературу в здание Университета, отобрали лучшие произведения художественной и научной литературы и увезли их в Финляндию, остатки литературы свалили в сырые подвалы и привели в негодность. Когда вся ценная литература и богатое учебное оборудование были вывезены в Финляндию, 10 декабря 1942 г. Университет был финнами подожжен.

Финские наемники не только грабили и уничтожали культурные ценности — они в то же время издевались над культурным наследием карело-финского народа. Так, при осмотре Государственного музея были обна-

ружены манекены ободранными и разложенными в срамных позах.

Горе-завоеватели, стремясь увековечить свое недолговременное господство над Советской Карелией, переименовали большинство улиц и площадей города, присвоив им финские названия.

Они пошли еще дальше и имели наглость переименовать город, насчитывавший свыше двухсот сорока

Петрозаводск. На этом месте находился домик великого русского поэта Державина. Финны не оставили и следа от него.

лет своего существования, город, основанный преобразователем России Петром I и названный Петрозаводском, — они дали ему название «Энислинна» («Онежский замок»).

Председатель Петрозаводской Городской Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-финских захватчиков, депутат Верховного Совета Союза ССР

Н. Дильденкин

Члены комиссии: *В. Макаров, И. Данилов,*

Г. Степанов

5 июля 1944 г.
г. Петрозаводск

Петрозаводский Дворец пионеров, разрушенный финнами до основания.

АКТ

Мы, нижеподписавшиеся, заместитель председателя Госплана Карело-Финской ССР Данилов Иван Алексеевич, представитель Петрозаводского городского Совета депутатов трудящихся Завьялов Константин Константинович и представитель воинской части, полевая почта 48767, подполковник Чубук Иван Федорович, составили настоящий акт 2 июля 1944 г.

Нами осмотрен Онежский машиностроительный завод в г. Петрозаводске, причем обнаружено следующее:

Завод, построенный в 1774 г., реконструированный в годы сталинских пятилеток по последнему слову техники, крупнейшее промышленное предприятие Карело-Финской ССР общесоюзного значения, имевший до двадцати цехов, полностью разрушен финскими фашистскими оккупационными властями. Все цеха уничтожены, оборудование, механизмы, конструкции вывезены в Финляндию. Электростанция и плотина взорваны финнами при их бегстве из города. Жилому фонду Онежского завода нанесен огромный ущерб — сожжено до 50% заводских жилых построек. Имущество домов разграблено до основания. В чем и подписываемся.

(Подписи)

АКТ

7 июля 1944 г. мы, нижеподписавшиеся, Королев Вячеслав Константинович — Заместитель Народного комиссара лесной промышленности Карело-Финской ССР, Лаврентьев Степан Петрович — начальник центральной бухгалтерии Наркомлеса Карело-Финской ССР, Юшкевич Александра Федоровна — начальник административно-хозяйственного отдела Наркомлеса Карело-Финской ССР, составили настоящий акт об ущербе, причиненном немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками предприятиям и объединениям Народного Комиссариата лесной промышленности Карело-Финской ССР, находящимся в г. Петрозаводске и поселке Соломенном:

1. Петрозаводская лыжная фабрика полностью разрушена.

2. Жилой фонд Петрозаводской лыжной фабрики, состоящий из деревянных домов, разрушен на 50%.

3. Соломенский 6-рамный лесопильный завод полностью разрушен.

4. Склады сырья и готовой продукции Соломенского лесопильного завода уничтожены и расхищены полностью.

5. Жилой фонд Соломенского лесопильного завода, состоящий из деревянных домов, разрушен на 50%.

6. Жилой фонд треста «Южкареллес», находящийся в г. Петрозаводске, разрушен на 25%.

7. Жилой фонд треста «Карелдрев» разрушен на 80%.

8. Инвентарь и оборудование, находившиеся в жилых домах, полностью расхищены.

9. Материальные склады треста «Южкареллес» уничтожены полностью, вместе с находившимися в них техническими материалами.

(Подписи)

АКТ

1944 г., июля 6 дня. Мы, нижеподписавшиеся, комиссия в составе: начальника Управления полиграфической промышленности при СНК К-Ф ССР Яковлева Г. Ф., технического директора типографии имени Анохина Евсеева П. И., главного бухгалтера Тегозерской типографии Кириковой М. А., рабочей-печатницы типографии имени Анохина Акимовой К. и наборщицы Тегозерской типографии Павловой М. П., составили настоящий акт в том, что по прибытии в г. Петрозаводск после освобождения города от немецко-финских захватчиков нами выявлен следующий ущерб, причиненный немецко-финскими захватчиками полиграфической промышленности.

До начала военных действий типография имени Анохина в г. Петрозаводске имела: 1) основное здание типографии площадью 15 390 м², 2) здание цинкографии площадью 2006 м², 3) здание детсада и столовой общей площадью 1710 м², 4) проходную контору — 48 м², 5) склад для бумаги — 750 м², 6) бензохранилище, 7) жилой дом по улице Куйбышева.

Типография имела следующее полиграфическое оборудование: ротационных машин — 2, плоскопе-

чатных машин — 4, линотипов — 5, фальцевальную машину — 1, американок — 5, резальных машин — 2, прессов позолотных — 2, прессов обжимных — 3, биговку — 1, перфировку—1, проволокошвеек—2 и др., шрифта—20 160 кг, автомашин — 3, кроме того, много вспомогательных материалов, топлива, запасных частей и хозинвентаря.

Все вышеперечисленные здания, оборудование, шрифт, транспорт, хозинвентарь, материалы сожжены и разграблены немецко-финскими захватчиками.

(Подписи)

АКТ

Город Петрозаводск, Карело-Финской ССР. 1944 г., июля 7 дня. Мы, нижеподписавшиеся, начальник Петрозаводского районного энергетического управления ГЭУ при Совнаркоме К-Ф ССР Спиров М. Д., главный бухгалтер Харламова А. Н., старший электромонтер Соловьев К. А., электромонтер Антикайнен Т. В., слесарь Лысков К. Н., составили настоящий акт о разрушении финско-фашистскими захватчиками энергетического хозяйства г. Петрозаводска.

Энергетическое хозяйство г. Петрозаводска до момента временной оккупации финско-фашистскими захватчиками состояло из 3 гидроэлектростанций, 1 дизельной электростанции, 2 паротурбинных электростанций, 2 электромеханических мастерских, 2 энерголабораторий, 2 биржевых механизированных складов, электросетевого хозяйства, состоявшего из 2 фидерных подстанций, высоковольтных и низковольтных электролиний и трансформаторных киосков, с установленными силовыми понижающими трансформаторами, складскими сооружениями, гаражами и т. д.

Гидроэлектростанция № 1 взорвана и сожжена. Все оборудование уничтожено и может быть лишь частично использовано как металлический лом. Металлическая водонапорная труба изрешечена осколками и пулями, регулирующее щитовое устройство водосбрасывающего канала взорвано; 3 каркасных склада и красный уголок сожжены, насосная полностью демонтирована, насос и электромотор вывезены.

Гидроэлектростанция № 2 разрушена финнами. В двух местах взорваны плотина и водосброс,

генератор и возбудитель выведены совершенно из строя, пусковое и регулирующее устройство не имеет электроизмерительных приборов, рубильников и ошиновки. Восстановление электростанции требует больших капиталовложений.

По гидростанции, расположенной на территории Онегзавода, причинен следующий ущерб. У гидротурбин сняты и взорваны подшипники. Два генератора общей мощностью в 450 квт с возбудителями взорваны и выведены из строя, 2 силовых трансформатора, общей мощностью в 600 квт, выведены из строя. Электроизмерительные приборы главного распределительного устройства частично сняты и вывезены, а оставшиеся перебиты. Гидросооружение выведено из строя. Железобетонная приемная часть водонапорной трубы взорвана и требует капитального восстановления. Взорвано сооружение щитового регулирующего перекрытия на водосбрасывающем канале и т. д.

По дизельной электростанции. Один дизель мощностью в 100 квт, с генератором той же мощности, демонтирован и вывезен, один дизель в 100 квт находится в полуразобранном состоянии и не имеет отдельных ответственных частей. Генератор в 100 квт вывезен. Дизель 200 HP находится в нерабочем состоянии и требует восстановительного ремонта, генератор в 150 квт вывезен. Распредустройство полностью демонтировано и вывезено, электромоторы вывезены. Оборудование насосной полностью демонтировано и вывезено, воздушная линия полностью демонтирована. Станция выведена из строя, требует больших капиталовложений и нового оборудования.

По электростанции № 5. Все оборудование и сооружения взорваны и уничтожены огнем.

Соломенская ГЭС № 1 взорвана и уничтожена огнем, часть оборудования демонтирована и вывезена, часть приведена в полную негодность. Восстановление электростанции требует больших капиталовложений, оборудования, материалов.

Фидерная подстанция взорвана и уничтожена огнем. Бо́льшая часть оборудования и аппаратуры демонтирована и вывезена, оставшееся уничтожено так, что восстановление невозможно. Требуется новое строительство и монтаж.

Электросиловое хозяйство города во время оккупации на 50% демонтировано. Как оборудование, так и материалы вывезены. Сетевое хозяйство требует капитального восстановления, 17 трансформаторов взорваны и прострелены.

(Подписи)

АКТ

1944 г., июля 6 дня. Мы, нижеподписавшиеся: комиссия в составе начальника 2-го отделения движения Михайлова Н. М., начальника жилищного отдела Кировской железной дороги Климова И. И., начальника 2-го паровозного отделения Дмитриева А. И., начальника службы пути Харитонова С. Ф., зам. начальника ОРС-2 Бирюкова, прокурора 2-го участка Иванченко, представителя Петрозаводского горсовета Зимовой, составили настоящий акт о разрушениях, причиненных финско-фашистскими захватчиками железнодорожному узлу станции Петрозаводск.

По службе движения. Станционное здание разрушено на 50%, в пассажирском здании полностью выбиты стекла, поломаны оконные переплеты, нарушена внутренняя штукатурка; на станционных путях подорвано семь стрелочных переводов, два пути, деревянный перрон и металлический переходный мост.

По паровозной службе. Полностью разрушены: цех промывки паровозов на три стойла (6 паровозов) с пристроенной к нему автоматной мастерской, цех подъемки на два стойла (2 паровоза) и 2 стойла прилегающего к нему верхнего депо, с одной стороны, и, с другой, часть цеха металлического, помещение колеснотокарного станка, котельная с 2 паровыми котлами. Полуразрушены цех электросварки и карбидная. Поворотный круг взорван и в эксплоатацию непригоден.

По электросиловому хозяйству. Взорваны: котельная с 2 котлами, дизельная, машинное отделение, градерная для охлаждения конденсата отработанного пара; трансформаторная будка в депо разрушена.

По водоснабжению. Водокачка — каменное здание на двойное оборудование — взорвана. Вертикальный котел Шухова $H = 35$ м² подорван, насос Ва-

Разрушенные котельная и депо станции Петрозаводск.

ретингтона, производительностью $P = 110$ м³/час, разрушен полностью, горизонтальный котел $H = 100$ м² требует капитального ремонта со сменой всего комплекта труб. Водонапорные переключения в шахте, здания с арматурой разрушены. Каменное водоемное здание на 2 бака на 250 м³ разрушено полностью.

По службе пути. Взорван мост через реку Неглинку, уничтожено здание общежития путейских рабочих, повреждены дистанционные мастерские, помещение конторы дистанции пути, два путейских здания. Оборудование дистанционных мастерских уничтожено.

По связи. Уничтожена частично линия местной связи, выкопано и вывезено 4 км кабеля, разоборудованы зарядно-разрядные щиты, уничтожено 60% аккумуляторов, устройства сигнализации приведены в негодность.

По вагонному хозяйству полностью уничтожено кирпичное здание вагонного депо.

(Подписи)

АКТ

1 июля 1944 г., г. Петрозаводск, К-Ф ССР. Мы, нижеподписавшиеся, зам. начальника Беломорско-Онежского пароходства Миронов Леонид Николаевич, начальник пристани Петрозаводск Кутузов Михаил Филиппович, механик связи пароходства Беляев Николай Сергеевич, произвели предварительное расследование ущерба, нанесенного немецко-финскими захватчиками Беломорско-Онежскому пароходству, причем установили следующее:

Все хозяйство пароходства и пристани Петрозаводск уничтожено немецко-финскими захватчиками, за исключением одного жилого дома по улице Урицкого, который был превращен в тюрьму и вследствие этого приведен в антисанитарное состояние и требует капитального ремонта.

Уничтожены совершенно: двухэтажное здание Беломорско-Онежского пароходства, двухэтажное здание Управления пристани, пассажирский вокзал, пассажирский и грузовой причалы, один жилой дом и два об-

Руины оставили после себя финские захватчики в Петрозаводске. На снимке остатки разрушенных зданий — школы, Гостиного двора, больницы.

щежития грузчиков, один большой склад и все служебно-вспомогательные помещения.

Взорваны и потоплены 21 самоходное судно, сожжены и разломаны 10 судов несамоходного флота.

(Подписи)

АКТ

1944 г. 5 июля, Петрозаводск. Мы, нижеподписавшиеся, начальник УСО Республиканского Комитета по делам физкультуры и спорта при СНК К-Ф ССР Булыгин С. В., ответственный секретарь совета ДСО «Динамо» Урюпин А. А. и председатель городского Комитета физкультуры и спорта Ковчинская А. К., составили настоящий акт о следующем:

Финско-фашистскими захватчиками за время оккупации уничтожены: Дом республиканского комитета по делам физкультуры и спорта при СНК К-Ф ССР; водная станция ДСО «Динамо» с гребным, парусным и моторным флотом; два магазина «Динамо»; два гимнастических зала; стадион ДСО «Динамо» с инвентарем.

(Подписи)

АКТ

1944 г., 4 июля. Мы, нижеподписавшиеся, заведующий Петрозаводским горздравотделом Цаль Наум Давидович, главный врач хирургической лечебницы Баранов Василий Александрович, государственный санитарный инспектор Кухмала Анна Георгиевна, составили настоящий акт о том, что после освобождения города Петрозаводска от финских захватчиков установлены следующие разрушения финнами лечебно-санитарных учреждений, служебных и жилых домов Петрозаводского горздравотдела.

Разрушены полностью: физио-терапевтическая лечебница на 45 коек и физио-терапевтическая амбулатория с пропускной способностью 200 человек в день; механизированная прачечная на 2 тыс. кг белья в сутки; психоневрологический диспансер; санитарный пропускник с пропускной способностью 1 тысяча человек в сутки; пароформалиновая дезинфекционная

камера на 100 комплектов; автогараж на 4 машины.

Уничтожены здание центральной аптеки и два здания главного аптекоуправления; разрушены ясли на 170 коек.

Отделение городской больницы на 50 коек превращено в сапожную мастерскую, отделение городской больницы на 60 коек превращено в общежитие.

Разрушено здание Наркомата здравоохранения в 14 комнат, а также склад и гараж Наркомздрава на 2 машины.

(Подписи)

АКТ

1944 года, июля 6 дня, составлен настоящий акт главным инженером Управления Уполнаркомсвязи при СНК К-Ф ССР Андреевым Л. Я., начальником инспекторской группы Управления Уполнаркомсвязи Юшковым Ф. А., начальником Петрозаводской конторы связи Линник В. А. в нижеследующем:

Финские банды, ворвавшиеся в октябре 1941 года в столицу Карело-Финской Республики г. Петрозаводск и хозяйничавшие в городе по 28 июня 1944 года, произвели в городе громадные разрушения. Особенно сильным разрушениям подверглись сооружения связи.

Финны взорвали трехэтажное каменное здание дома связи, в котором размещались Главный почтамт, Центральный телеграф, ручная и автоматическая телефонные станции, междугородняя станция и радиокомитет.

Взорвали радиостанцию, мощностью 10 киловатт. Сожгли гараж связи на 10 машин, здание детского сада, двухэтажное здание Управления связи. Разобрали на кирпич двухэтажное здание склада Управления связи. Сожгли 10 жилых домов работников связи площадью в 5100 кв. метров. Взорвали все телефонные распределительные шкафы, колодцы и коробки. Повредили и вывели из строя 50% телефонной подземной линии. Сняли и увезли телефонный кабель, кабельные ящики, значительное число кабелей перерублено и приведено в негодность. Более 70% всей городской телефонной воздушной сети разрушено.

Разрушения носят характер тщательно продуманного и разработанного плана по полному уничтожению средств связи в городе.

(Подписи)

Взорванное и сожженное финскими оккупантами здание Центрального почтамта, радиокомитета и радиостудии в г. Петрозаводске.

АКТ

1944 года, 5 июля, мы, нижеподписавшиеся: член коллегии Наркомпроса К-Ф ССР Харлоев П. А., кандидат филологических наук профессор Карело-Финского Государственного университета Базанов В. Г., заведующий хозяйством Государственного университета Русанов И. И. и учительница 2-й средней школы г. Петрозаводска — бывшая студентка Карело-Финского Государственного университета — Менкина С. Н., составили настоящий акт о нижеследующем:

За время оккупации г. Петрозаводска финскими фашистскими властями нанесен серьезный ущерб культурным учреждениям столицы Карело-Финской республики. Прекрасное четырехэтажное каменное здание Государственного университета — гордость Карело-Финской республики — полностью разрушено (проспект Ленина, 89). Здание было построено в 1936 году, последние годы в Госуниверситете обучалось более двух тысяч студентов.

Госуниверситет имел факультеты: историко-фило-

логический, физико-математический, химико-биологический и геолого-географический. Университет проводил большую научную работу на территории Карело-Финской республики.

При Университете работал Учительский институт, была организована широкая система заочного образования.

С оккупацией города в Петрозаводск прибыли из Гельсингфорского университета доктора богословских наук Рейнвал и Сова и научный сотрудник Ниило Коуторо, которые собрали литературу с оккупированной территории Карело-Финской республики в здание Университета, отобрали лучшие произведения художественной и научной литературы и увезли в Финляндию, остатки литературы свалили в сырые подвалы, разбросали ее, топтали и тем самым привели в негодность. Когда вся ценная литература и богатое учебное оборудование были вывезены в Финляндию, 10 декабря 1942 года этими, с позволения сказать, представителями «западно-европейской» культуры Университет был подожжен.

Явными поджигателями Университета были господа Рейнвал, Сова и Ниило Коуторо, которые являются ответственными за разрушение и уничтожение культурных ценностей г. Петрозаводска. Остатки стен здания Университета были разобраны, и кирпич вывезен частью в Финляндию и значительной частью — на строительство оборонительных сооружений по реке Свирь. Финские погромщики полностью разрушили Научно-исследовательский институт культуры и Государственную публичную библиотеку (угол пр. Карла Маркса и Пушкинской ул.) с количеством более двухсот тысяч томов. Уничтожены многочисленные записи от сказителей народа Карело-Финской республики. Разграблен музей, отдельные экспонаты его валяются в различных частях города в поломанном виде. Полностью сожжен дом крупнейшего русского поэта XVIII века Г. Р. Державина, сожжены два здания Дошкольного педагогического училища, разграблено все оборудование Школьного педагогического училища, крупнейшего в республике, и многих техникумов города Петрозаводска: кооперативного, лесного, железнодорожного, индустриального и других.

Разграблено оборудование большинства школ го-

Финны варварски разрушили и разграбили крупнейший научный и культурный центр республики — Государственный университет.

рода и тридцати двух детских садов. Полностью сожжены и разрушены 3-я неполная средняя школа, 8-я и 11-я специальные, 15-я начальная и 9-я средняя школа. Финско-фашистские варвары нанесли огромный ущерб культурным учреждениям г. Петрозаводска.

(Подписи)

Финско-фашистские оккупанты ограбили и сожгли республиканский Научно-исследовательский институт культуры.

АКТ

6 июля 1944 г. Мы, нижеподписавшиеся, представитель Государственного Карело-Финского университета кандидат филологических наук Базанов В. Г., зав. хозяйством Университета Русанов И. И. и работники Университета, бывшие в Петрозаводске в Университете во время финской оккупации, — юрист Дубинин М. Ф., столяр Тимофеев И. Ф. — составили настоящий акт о нижеследующем:

С 1 октября 1941 года здание Государственного Карело-Финского университета с полным оборудованием на 1500 студентов было занято представителями Хельсинкского финского университета под контролем военных властей.

В 3 часа ночи с 9 на 10 декабря 1942 года здание Университета было подожжено финнами. Пожаром уничтожено, в основном, все здание, за исключением парадного входа с раздевальным залом и актового зала.

В 1943—44 гг. часть здания, объемом в 11 520 куб. метров, была разобрана военными властями, причем кирпич и железо вывезены частью в Финляндию, частью на р. Свирь. Часть здания объемом в 7488 куб. метров, хотя и не была разобрана, но настолько сильно пострадала от пожара, что к какому-либо использованию непригодна.

Таким образом финскими оккупационными властями причинен ущерб Государственному Карело-Финскому университету в следующем:

1. Стоимость сожженного и разрушенного здания в 19 008 куб. метров по 11 руб. 60 коп. за 1 куб. метр, что составляет — 2 121 292 руб. 80 коп.

2. Стоимость полного оборудования на 1500 студентов по 1600 руб. на каждого, что равно 2 400 000 руб.

А всего на сумму 4 521 292 руб. 80 коп.

О чем и составлен настоящий акт.

(Подписи)

ПОКАЗАНИЯ

Подтверждаю, что здание Государственного Карело-Финского университета в 1944 г. разбиралось финскими военными властями.

Кирпич и железо грузились в вагоны и отправлены, по сообщению финских солдат-железнодорожников, — частью в Финляндию, частью на р. Свирь для укрепления линии обороны.

Очевидец *И. Русанов*

6 июля 1944 г.

Подтверждаю, что здание Государственного Карело-Финского университета сгорело ночью 10 декабря 1942 г.

Я, рабочий Университета, был на пожаре и принимал участие в вытаскивании имущества из горящего здания Университета.

Очевидец *И. Тимофеев*

6 июля 1944 г.

Подтверждаю, что здание Государственного Карело-Финского университета сгорело в ночь на 10 декабря 1942 г.

Я лично был на пожаре и вытаскивал имущество из горящего здания.

Очевидец *Дубинин*

6 июля 1944 г.

ЗДАНИЯ РАЗРУШАЛИ, А СТРОИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ВЫВОЗИЛИ В ФИНЛЯНДИЮ

Гусаров Василий Иванович, 1893 г. рождения, уроженец Ленинградской области, Мгинского района, дер. Гансырь, проживающий в г. Петрозаводске, бывший заключенный в финском лагере № 2, рассказал:

«Мне известны факты разрушения государственного жилого фонда. Так, например, в 1943—1944 гг. по указаниям городских финских властей в районе бывшего 2 и 3 лагерей выведены из строя 4 кирпичных четырехэтажных жилых здания, причем одно из них разрушено и снесено до основания, а в трех домах сняты полностью: паровое отопление, канализация, водопровод, электросеть — и все это, в том числе кухонные плиты и котлы из котельной, вывезено в Финляндию.

В районе 2-го лагеря финская администрация концлагеря до основания разрушила и снесла 7 жилых одноэтажных домов и 7 тесовых надстроек, гараж и кузницу.

Эти разрушения производились по прямому указанию помощника коменданта концлагеря № 2 Вейкко Линдхольд.

«СКЛАД ВОЕННОЙ ДОБЫЧИ» В УНИВЕРСИТЕТЕ

...В городе Петрозаводске в здании Государственного университета оккупантами создан был так называемый «склад военной добычи», где концентрировалась и обрабатывалась вся литература и документы, свозившиеся сюда из захваченных городов и районов К-Ф ССР и Ленинградской области.

Работа «склада военной добычи» направлялась специально созданным Управлением, во главе которого стоял капитан Хуттунен. Управление состояло из следующих отделов:

1. Общий отдел — вся литература и документы, поступающие в «склад военной добычи» с оккупированной территории, первоначально направлялись в общий отдел, где она проходила сортировку и в последующем направлялась в другие отделы (по принадлежности) для дальнейшей обработки.

Финские громилы разграбили и сожгли Республиканскую публичную библиотеку.

2. Академический отдел — концентрировал и обрабатывал различные энциклопедии, словари, религиозную литературу и пр.

3. Сельскохозяйственный отдел — сосредоточивал и обрабатывал всю литературу, относящуюся к сельскому хозяйству.

4. Архивный отдел — здесь концентрировались и обрабатывались все архивные документы.

5. Отдел финской литературы — этот отдел разделялся на два подотдела: а) литература, изданная в Финляндии; б) литература, изданная в СССР.

6. Отдел художественной литературы.

7. Отдел педагогики.

8. Медицинский отдел.

9. Биологический отдел.

10. Газетный отдел.

Руины Медвежьегорска.

11. Отдел журналистики.
12. Рыбный отдел.
13. Лесной отдел.
14. Отдел торговли.
15. Отдел экономики и статистики.
16. Финансовый отдел.

Из сотрудников Управления «склада военной добычи» известны:

1. Начальник Управления капитан Хуттунен.
2. Военный чиновник Талдуман.
3. Доктор Хагман.
4. Сотрудник Управления Оя, финн, возраст около 30 л., бывш. офицер, в 1933 году разжалован за пьянство, в войну 1939—40 гг. находился в плену в Советском Союзе.
5. Делопроизводитель Управления прапорщик Клингер.
6. Зав. складом магистр Новакка.

Кроме перечисленных, в Управлении работало еще несколько офицеров и женщина — финка в должности секретаря.

Заведующим архивным отделом работал доктор Рейнвал, его помощником — магистр Маттила, кроме того, в архивном отделе работали магистр Хаммала и магистр Виднес.

Для работы в «складе военной добычи» было привлечено 8 человек советских граждан, которые использовались, главным образом, на разборке и сортировке литературы.

Начатая финнами работа по обработке архивов закончена не была, однако из «склада военной добычи» было отправлено в Финляндию 7—8 вагонов различной, самой ценной литературы и других документов.

Справка составлена по материалам расследования, произведенного в июле 1944 г. НКГБ К-Ф ССР.

В ГОРОДАХ И СЕЛАХ РЕСПУБЛИКИ

Разрушение г. Медвежьегорска

АКТ

7 июля 1944 года, мы, нижеподписавшиеся, члены комиссии в составе: председателя комиссии — председателя Медвежьегорского городского Совета депута-

тов трудящихся Гришина Федора Ивановича, членов комиссии: Ястребова Андрея Яковлевича — секретаря Медвежьегорского Райкома КП(б), учительницы Ивановой Антонины Николаевны, врача Жилкиной Парасковьи Григорьевны, представителя Кировской железной дороги Бугачева Владимира Степановича, представителей командования Красной Армии майора Кирьян Кузьмы Григорьевича и майора Федосеева Николая Петровича, капитана госбезопасности Вдовина Павла Семеновича, жителей города Медвежьегорска Кармановой Натальи Павловны и Бровина Федора Васильевича, представителей воинской части № 21 609 капитана Викторова Александра Александровича и красноармейца Григорьевского Василия Яковлевича, составили настоящий акт о разрушениях, причиненных городу Медвежьегорску Карело-Финской ССР немецко-финскими захватчиками в период временной оккупации его.

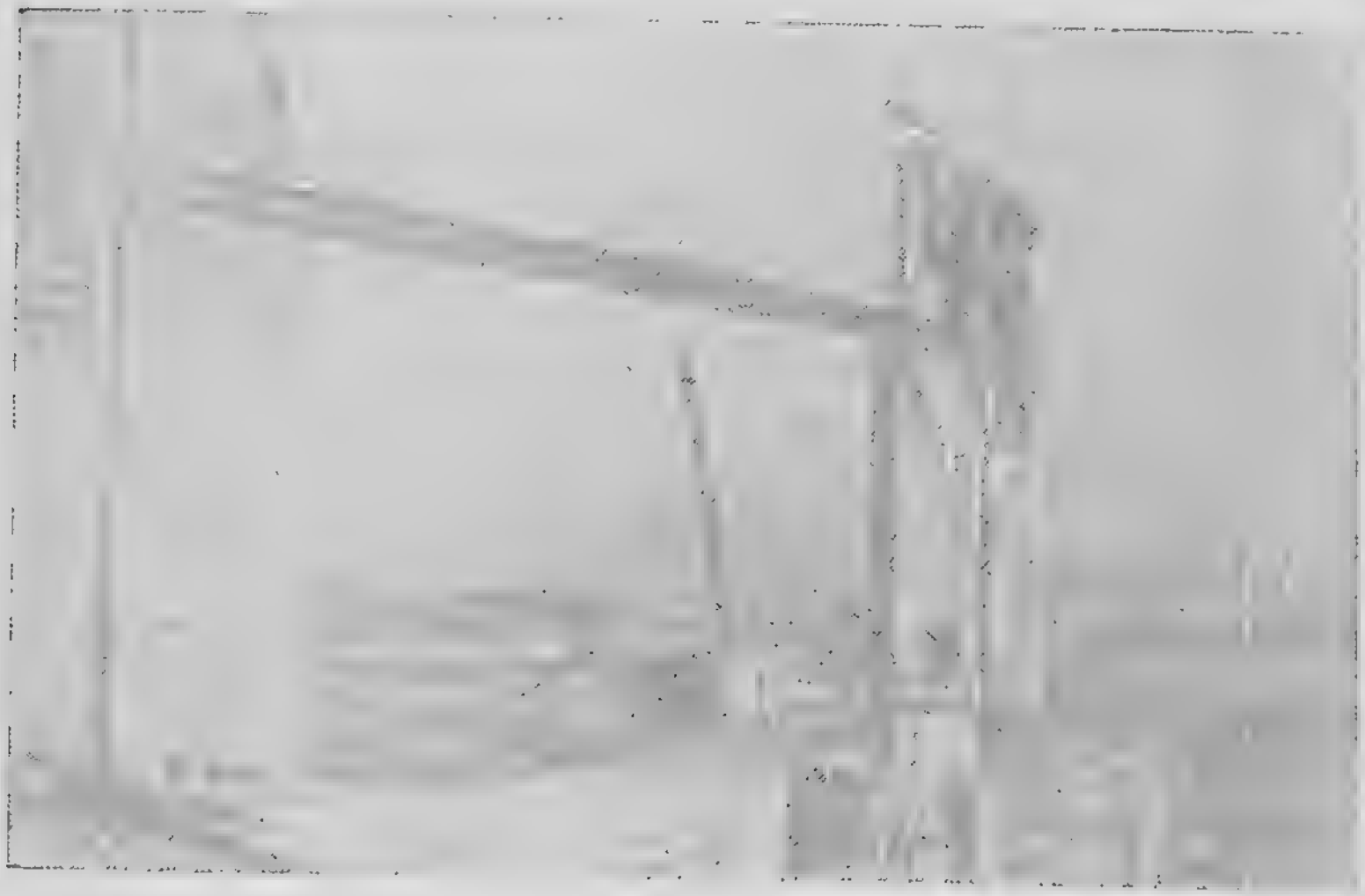
Медвежьегорск в предвоенные годы представлял собою крупный промышленный, культурный и благоустроенный город Карело-Финской ССР с населением в 13 тысяч человек. Жилой фонд города состоял из 812 новых каменных и деревянных зданий. Город был благоустроен, имелись водопровод, канализация, электроосвещение, радио, телефон, баня, прачечная и две гостиницы.

До оккупации в городе было много социально-культурных учреждений, в том числе: три новых каменных школы, клуб, театр, кино-театр, Дом обороны, шесть детских учреждений, две больницы, две поликлиники, два санатория — туберкулезный и детский. Город имел развитую промышленность, в том числе крупные предприятия: четырехрамный лесопильный завод, мясокомбинат, мебельную фабрику, центральные механические мастерские и четырнадцать других средних и мелких предприятий.

6 декабря 1941 года немецко-финские захватчики ворвались в город Медвежьегорск и на протяжении двух с половиной лет систематически разрушали жилые дома, промышленные предприятия и социально-культурные учреждения города.

Из промышленных предприятий, учреждений и предприятий транспорта сожжены и разрушены: лесопильный четырехрамный завод, мебельная фабрика,

выпускавшая до войны продукцию на 14 миллионов рублей в год, две электростанции, железнодорожное паровозное депо, центральные механические мастерские с оборудованием — 120 станками и литейным цехом. Разрушено хозяйство железнодорожного и водного транспорта: взорваны два больших железнодорожных моста, приведены в полную негодность



Лесопильный завод в Медвежьегорске был одним из крупнейших в республике. Финны полностью разрушили его.

путевое и стрелочное хозяйство, водоснабжение и связь. Сожжен водный вокзал, складское хозяйство водного транспорта, разрушена значительная часть причала.

Сожжены или взорваны 220 жилых домов, разрушены и приведены в негодное состояние 302 жилых дома. Сожжены: две школы, городской театр, Дом обороны, городской кино-театр, две поликлиники, детская больница, туберкулезный санаторий, аптека, детский сад, детские ясли и две библиотеки.

В военном городке взорваны и сожжены четыре каменных и четыре деревянных дома.

Разрушены: пожарное депо, три водонасосных станции, телефонная и телеграфная станции, радиоузел,

электросеть города. Сожжены: гостиница, рынок и 13 магазинов. Взорваны все пять мостов в черте города.

В совхозе «Вичка», расположенном в черте города, сожжены и разрушены три скотных двора на 350 голов скота, баня, три жилых дома на 64 квартиры, блочная теплица площадью в 0,5 га, парниковое хозяйство в 4000 рам, конюшня на 50 лошадей.

Немецко-финские захватчики планомерно и систематически на протяжении двух с половиной лет своего разбойничьего хозяйничанья разрушали город Медвежьегорск и превратили его в развалины.

(Подписи)

Разрушение деревни Остречье и ограбление колхозников

АКТ

28 июня 1944 г. Мы, нижеподписавшиеся, майор Макаров Н. Г., капитан Леонидов И. Н. и красноармеец Маккоев Ф. И., составили настоящий акт о зверствах и злодеяниях финских захватчиков в деревне Остречье, Медвежьегорского района, Карело-Финской ССР.

26 июня 1944 г. части Красной Армии освободили от финских захватчиков деревню Остречье. При этом установлено: до войны в деревне насчитывалось 18 жилых домов, в которых проживало 26 семей колхозников — колхоза «Медвежьегорский большевик». Колхоз имел 16 лошадей, 14 дойных коров и свыше 20 голов молодняка, 15 голов свиней, 100 штук кур, имелся сельскохозяйственный инвентарь. Кроме того, каждый колхозник имел корову, молодняк, по 3—4 овцы, свиней, кур и т. д. Колхоз и колхозники жили зажиточной жизнью. В деревне имелась сельская школа, в которой обучалось до 100 ребят деревень Остречье, Плакковары, Шарвары.

За время хозяйничания финские захватчики в деревне уничтожили 9 домов, разрушили школу. Оставшиеся дома полуразрушены и опустошены. Колхозное хозяйство финны полностью разграбили, а оставшихся в деревне Остречье колхозников угнали в Финляндию на каторгу.

Деревня представляет из себя пустырь. За чудовищные злодеяния, которые учинили в деревне Остречье финские мерзавцы, они должны понести суровую кару.

(Подписи)

Большая Сельга разрушена до основания

АКТ

30 июня 1944 года. Мы, нижеподписавшиеся, капитан Мелентьев Василий Иванович, рядовой Микшиев Василий Степанович и рядовой Ремшу Иван Федорович составили настоящий акт о разрушениях и уничтожениях, произведенных финскими захватчиками во временно оккупированной деревне Большая Сельга, Медвежьегорского района, Карело-Финской ССР.

До оккупации в деревне было 18 колхозных дворов, колхозный скотный двор и красный уголок.

Теперь советская колхозная деревня Большая Сельга перестала существовать, так как финские лахтари во время оккупации сожгли и уничтожили 12 дворов. Остальные 4 колхозных двора настолько разрушены, что непригодны к восстановлению.

(Подписи)

Город Повенец финнами превращен в развалины

АКТ

1944 года, 12 июля, мы, нижеподписавшиеся члены комиссии в составе: председателя комиссии — председателя Повенецкого поселкового Совета депутатов трудящихся Малашихиной Е. С., членов комиссии: секретаря Медвежьегорского райкома КП(б) К-Ф ССР Ястребова Андрея Яковлевича, председателя Медвежьегорского исполкома райсовета депутатов трудящихся Притчина Федора Матвеевича, представителей 155 полка: майора Никитина Василия, капитана Еремина Петра Павловича, бойца Амосова Ивана Кузьмича, представителей Управления Беломорско-Балтийского канала имени товарища Сталина: начальника техучастка Макарьева Евгения Ивановича, начальника 1-го шлюза Леонтьева Николая Кирилловича, начальника 2-го

шлюза Сидорова Дмитрия Михайловича, жителя рабочего поселка Повенец Романова Андрея Михайловича, уполномоченного РК Милиции Леонтьева Михаила Кирилловича, составили настоящий акт о разрушениях, причиненных немецко-финскими захватчиками рабочему поселку Повенец, Медвежьегорского района, К-Ф ССР.

Повенец в предвоенные годы представлял собою крупный промышленный, культурный и благоустроенный рабочий поселок с населением в 5000 человек. Жилой фонд рабочего поселка состоял из 322 деревянных и каменных домов.

Поселок был благоустроен: электроосвещен, радиофицирован, телефонизирован. Имелись: общественная баня, парикмахерская, дом для приезжающих, поселок утопал в зелени, только одних берез, тополей здесь насчитывалось до 1000 шт.; в поселке были 2 летних сада.

До оккупации в Повенце имелось много социально-культурных учреждений, в том числе три школы, одна из них — средняя школа, на 500 учащихся, районный Дом культуры с кино-театром на 300 человек, клуб речников с кино-театром на 250 человек, музей Беломорско-Балтийского канала, 7 детских учреждений, из них 3 детдома; 2 больницы, одна из них каменная на 100 коек, с оборудованными кабинетами (рентгеновский, зубоврачебный, солюкс, световые ванны, лаборатория и пр.), 2 поликлиники, 2 библиотеки с 50 000 книг.

В рабочем поселке Повенец имелись крупные предприятия: сооружения Беломорско-Балтийского канала им. Сталина с семью шлюзами, судоремонтно-судостроительный завод, электростанция, технический участок, пристань со складскими постройками и др.

В поселке находилась Повенецкая МТС со всеми постройками на усадьбе, колхоз «Искра» со всеми колхозными постройками и сельскохозяйственным инвентарем.

На территории Повенецкого поселкового Совета было расположено союзного значения хозяйство Пушсовхоз. При совхозе имелось большое тепличное и парниковое хозяйство.

На территории Повенца находился стационарный пионерский лагерь.

6 декабря 1941 года немецко-финские захватчики ворвались в рабочий поселок Повенец и на протяжении двух с половиной лет систематически разрушали жилые дома, промышленные предприятия, социально-культурные учреждения рабочего поселка.

В результате действий оккупантов рабочий поселок Повенец полностью разрушен:

а) полностью уничтожены семь шлюзов Беломорско-Балтийского канала имени товарища Сталина, судоремонтно-судостроительный завод, электростанция, пристаньское хозяйство, сожжено водно-складское хозяйство;

б) разрушены 307 жилых зданий, приведены в негодное состояние остальные 15 домов.

Сожжены и взорваны 3 школы, районный Дом культуры, клуб речников, 2 больницы, 2 поликлиники, 2 библиотеки, здания Московского пионерского лагеря, все детские учреждения, 2 аптеки;

в) сожжен и взорван полностью весь военный городок, в том числе 4 каменных здания;

г) разрушены полностью 2 пожарных депо, 2 телефонных станции, одна из них с центральными батареями, все торговые магазины, взорваны 4 деревянных моста в черте поселка;

д) полностью уничтожено хозяйство Пушсовхоза, разрушены все жилые дома, скотные дворы, тепличное и парниковое хозяйство, а также зверино-пушные постройки.

Полностью разрушено хозяйство МТС и колхоза «Искра».

(Подписи)

Руины на месте поселка Масельская

АКТ

20 июня 1944 года. Мы, нижеподписавшиеся, майор Ермолаев Яков Романович, майор Серобаба Иван Иванович, капитан Мелентьев Василий Иванович, капитан юстиции Исаев Иван Григорьевич и красноармеец Цветков Георгий Константинович, составили настоящий акт о разрушениях, причиненных финскими захватчиками поселку Масельская, Карело-Финской ССР.

Русская иконопись издавна ценится во всех странах мира; финны не постеснялись ободрать все церкви оккупированной Карело-Финской ССР.

Поселок Масельская, построенный в годы сталинских пятилеток, был одним из культурных рабочих поселков на Севере. До войны в нем проживало свыше 5 тысяч жителей. В поселке имелись: средняя школа, больница, со всем необходимым оборудованием, кинотеатр, городская баня, парикмахерская, парк культуры и отдыха с прекрасным сосновым бором, гостиница, универмаг, швейная мастерская, электростанция, водокачка, железнодорожный вокзал и депо, шпалопропиточный завод. В Масельской было свыше 115 жилых зданий для рабочих и служащих поселка.

В результате хозяйничания и систематического варварского артиллерийского обстрела финнами, поселок Масельская представляет сплошные руины. В нем сожжены и разрушены: железнодорожный вокзал и депо, парк культуры и отдыха, школа, кино-театр, детские ясли, больница и баня, водокачка и электростанция, шпалопропиточный завод и универмаг, швейная мастерская и гостиница.

Таким образом культурный социалистический поселок полностью уничтожен финнами. За эти злодеяния финские мерзавцы должны понести суровое, справедливое наказание и материальную ответственность.

(Подписи)

Разрушение г. Кондопога

АКТ

7 июля 1944 года, город Кондопога, Карело-Финской ССР.

Комиссия в составе представителей: от Красной Армии майора Растабарова Г. Г., от Кондопожского райкома КП(б) тт. Калинина Н. П. и Пантелеевой А. П., от Кондопожского Райсовета депутатов трудящихся т. Афанасьева В. Ф., от райотдела НКВД — старшего лейтенанта Палкина М. Ф. и жителей города Кондопога: Ершовой Серафимы и Алехиной Зинаиды, составила настоящий акт о разрушениях в городе Кондопога, произведенных финскими захватчиками за время оккупации ими города и в период отступления.

Петрозаводск. Дом народного творчества, разрушенный финнами полностью.

Финские захватчики ворвались в Кондопогу в конце октября 1941 г. и принялись грабить город: вывезли все монтажное оборудование и щитовое хозяйство из Кондопожского целлюлозно-бумажного комбината, разграбили и вывезли имущество общественных организаций и мирных жителей, которое не было эвакуировано.

За время оккупации и в период отступления под ударами Красной Армии финские громилы уничтожили здания промышленных предприятий, учреждений и жилые дома.

Совершенно разрушен второй по мощности в Советском Союзе Кондопожский целлюлозно-бумажный комбинат. Разрушен пегматитовый завод, единственный в Советском Союзе. Уничтожены: хлебозавод, ГЭС, кирпичный завод, мебельная фабрика, райстройконтора, промышленные предприятия промсовета, шпаловый завод Леспромхоза со всем складским хозяйством. Финские оккупанты полностью уничтожили все культурные учреждения города — клуб бумажников, кинотеатр, детские ясли, детсад и т. д. Стерты с лица земли здания: исполкома, райсовета, РК КП(б), НКВД и НКГБ, гостиницы, Госбанка, сельмага, городской пожарной команды и неполной средней школы. Уничтожены скульптуры вождей В. И. Ленина и И. В. Сталина у Дома культуры, около здания РК КП(б) и Сунастроя. Сожжено до 250 жилых домов, принадлежащих бумкомбинату и населению.

При своем отступлении финские оккупанты взорвали все шоссейные и железнодорожные мосты через канал, мосты через реки Уницу, Лижму, Суну, канал ГЭС. Сожжены полностью с их рабочими поселками и биржевым хозяйством Сунские и Уницкие лесозаводы.

Огромный ущерб финские оккупанты нанесли колхозному хозяйству района. Они стерли с лица земли населенные пункты Тивдия, Лижма, Сопоха, ст. Лижма, ст. Кивач, дер. Яниш-поле, Андреев-Наволок и другие.

Ущерб, нанесенный финскими временщиками нашей республике и мирным жителям в городе Кондопога, исчисляется в сотнях миллионов рублей.

(Подписи)

Разрушения в Олонецком районе

АКТ

1944 года, 17 июля, гор. Олонец. Мы, нижеподписавшиеся, председатель Олонецкого исполкома Райсовета депутатов трудящихся Смирнов А. В., зам. председателя исполкома Герасимов Н. Ф., секретари райкома партии: Карахаев Н. Ф. и Бобков В. Н., составили настоящий акт об ущербе, нанесенном народному хозяйству Олонецкого района немецко-финскими захватчиками за время оккупации Олонецкого района.

Колхозы и колхозники ограблены финскими захватчиками. Только при отступлении из 6 колхозов района (им. Папанина, «Борьба», «Дружба», им. Егорова, им. Калинина, им. Крупской), угнано в Финляндию 147 лошадей, со сбруей и телегами, весь продуктивный скот, вывезены запасы овса, ржи, пшеницы, ячменя, гороха и т. д. По данным колхозников урожай колхозов в течение 3 лет на 80—85% вывозился в Финляндию.

Так например, в колхозе «Искра», Туксинского сельсовета, в 1943 г. был собран урожай зерновых в 440 тонн. Финны выдали колхозникам за год по карточкам 72 тонны зерна, или 18%, а остальное зерно вывезли в Финляндию. В колхозе им. Папанина, Олонецкого сельсовета, в 1943 г. собран урожай зерновых в 325 тонн. Выдано колхозникам в виде пайков за год 33 тонны зерна, остальное все вывезено в Финляндию.

Имущество МТС района (мастерские с оборудованием, тракторы, сельскохозяйственные орудия) в большинстве увезены или уничтожены финнами.

Мелиоративная сеть на Олонецкой равнине, в которую Советским государством вложены до войны миллионы рублей, запущена до крайности.

Во главе большинства колхозов, расположенных на Олонецкой равнине, в период оккупации финские власти поставили начальников из лейтенантов и сержантов финской армии. Эти начальники широко практиковали избиения и аресты колхозников. Остальные же колхозы района финнами были распущены, а имущество их разграблено.

Ущерб:

По предприятиям района. Ильинский четырехрамный лесозавод полностью разрушен. При отступлении финны все оборудование завода вывезли в Финляндию, а биржу пиломатериалов сожгли.

Запасы готовой продукции Олонецкого леспромхоза в количестве 400 тысяч плотных кубометров леса финны вывезли в Финляндию. Осталась в наличии в сплаве и на горе только 71 тысяча плотных кубометров леса, из них 57 тысяч кубометров дров и 14 тысяч кубометров деловой древесины. Предприятия Леспромхоза оккупанты разрушили. Уничтожен хлебозавод в г. Олонце. Разграблено и вывезено в Финляндию значительное количество орудий лова Ильинского рыбозавода и рыболовецких колхозов. Разрушены в значительной степени предприятия связи.

По социально-культурным учреждениям. В г. Олонце уничтожена средняя школа и детдом, клуб и школы в деревнях Видлице, Куйтежи, Тулоксе, Самбатуксе. Имущество районных учреждений и больниц финскими захватчиками разграблено.

Уничтожено большинство магазинов и базы райпотребсоюза в г. Олонце и в г. Лодейное Поле.

При отступлении из района финские мерзавцы уничтожили все мосты, переправы и трубы по дорогам государственного, республиканского и местного значения.

Большие разрушения финны нанесли жилому фонду. Так, только в селе Самбатукса уничтожено 173 здания, в Обжанском сельсовете — свыше 100 дворов со всем имуществом.

При отступлении из Обжи финны выделили специальных факельщиков, которые ходили и поджигали дома.

Значительному разрушению подверглись также деревни Видлица, Тулокса, Торос-озеро и другие.

(Подписи)

АКТ

3 июля 1944 года. Мы, нижеподписавшиеся, составили настоящий акт в том, что в карельской деревне Куйтежи, Олонецкого района, Карело-Финской ССР, финские захватчики перед уходом из деревни

сожгли школу, 48 жилых домов, разграбили имущество жителей. Сжечь остальные дома финским злодеям помешал стремительный удар Красной Армии. Финские изверги заминировали лесопильный завод и ряд жилых домов. Часть населения деревни угнали в Финляндию.

Настоящий акт подписали:

от местных жителей: *Петр Васильевич Исаев, Иван Андреевич Кондраков, Елизавета Васильевна Исаева*;

от Красной Армии: гвардии капитан *Караульник*, гвардии капитан *Федосеев*, гвардии старший лейтенант *Заяматкин*, гвардии капитан медслужбы *Гагарин*.

Поселок Великая Губа полностью уничтожен финскими громилами

АКТ

22 июня 1944 года. Мы, нижеподписавшиеся, майор Серобаба Иван Иванович, капитан Мелентьев Василий Иванович, старший лейтенант Степин Николай Афанасьевич, рядовой Микшеев Василий Степанович, рядовой Ремшу Иван Федорович, составили настоящий акт о разрушениях, произведенных финскими захватчиками в поселке Великая Губа Карело-Финской ССР в период временной его оккупации.

Поселок Великая Губа состоял из 40 жилых домов. В годы советской власти в этом поселке был построен шпалозавод, железнодорожный вокзал, хлебопекарня, водокачка и электростанция. Были также построены: клуб, школа, больница, библиотека, парикмахерская, изба-читальня и большое количество жилых домов для рабочих и служащих предприятий поселка. Поселок Великая Губа был связан веткой железной дороги с Кировской магистралью.

За период временного хозяйничания финские мерзавцы сожгли и уничтожили все жилые дома, предприятия и учреждения с их техникой и оборудованием.

Поселок Великая Губа перестал существовать.

(Подписи)

АКТ

27 июля 1944 года. Мы, нижеподписавшиеся, майор юстиции Шульман, капитан Васильковский, капитан Гнилошкур, составили настоящий акт о следующем:

Финские бандиты, отступая из села Устье, близ озера Долгое, сожгли все государственные и колхозные постройки. Сожжены здания сельсовета, кооператива, три колхозных конюшни, два склада для удобрений, взорваны деревянный мост и плотина через реку, длиной в 25—30 метров, колхозная скотоферма на 40 голов скота, — а скот угнан в Финляндию.

(Подписи)

Конкретными виновниками порабощения советских людей, организаторами грабежей, произвола и зверств на временно оккупированной территории К-Ф ССР являются:

1. Командующий Военным Управлением Восточной Карелией подполковник В. А. Котилайнен.
2. Его помощник подполковник Густав Рагнар Нордстрем.
3. Начальник штаба Военного Управления Восточной Карелией подполковник Эйно Куусела.
4. Председатель совета — директор Рахикайнен.
5. Его заместитель — капитан Паул Мартин.

Члены совета

6. Учитель В. Кейхяс (Вокнаволок).
7. Директор Янне Раямаа (Вокнаволок).
8. Капитан Вилхо Тимонен (Ухта).
9. Лейтенант Микко Карвонен (Кестеньга).
10. Прапорщик Симо Аскала (Мунозеро).
11. Редактор Лассе Кунтиярви (Оланга).
12. Пастор Пааво Сариокоски (Кестеньга).

13. Капитан Паули Ипатти (Реболы).
14. Директор Юхо Маттинен (Вокнаволок).
15. Прапорщик Ниило Киркки (Ругозеро).

Начальники округов

16. Полковник Урхо Койтто Сихвонен — Олонецкий округ.
17. Подполковник Вейкко Вясянен — Масельский округ (Реболы).
18. Подполковник Вильё Вейкко Палохеймо (Куусамо).
19. Комендант Заонежского округа Ронканен.

Служащие лагерей для военнопленных и гражданского населения

20. Комендант Петрозаводского концлагеря Валентин Микс.
21. Начальник лагеря Мустио Мармула.
22. Начальник Святозерского лагеря Ранталайнен.
23. Его помощник мл. сержант Полевой.
24. Пом. нач. Пряжинского лагеря — Ваалу.

Вся эта банда прислужников Гитлера в своих наглых действиях руководствовалась прямыми указаниями финской правящей клики.

За все зверства, издевательства и многочисленные факты злодеяний должны нести всю полноту ответственности следующие финские правители:

1. Начальник Военного Управления Восточной Карелией генерал-майор Араюри (который в июне 1942 г. сменил по этой должности полковника Котилайнен).
2. Начальник земельного отдела Военного Управления Восточной Карелией капитан Верис, в прошлом агроном.

3. Начальник штаба Военного Управления Северо-Восточной Карелией «Виена» — подполковник Палохеймо.

4. Начальник отдела кадров Военного Управления «Виена» лейтенант Пёсё.

5. Начальник земельного отдела Военного Управления «Виена» прапорщик Тийро.

6. Начальник отдела просвещения Военного Управления капитан Коскивирта.

7. Начальник Социального обеспечения майор Парвиайнен.

8. Начальник промышленного отдела лейтенант Койвистойнен.

9. Начальник ПВО Военного Управления Восточной Карелией капитан Ханкунен.

10. Редактор газеты «Вапаа Карьяла» — Тимонен.

11. Начальник Олонецкого округа полковник Урхо Сихвонен.

12. Комендант Заонежского округа Ронканен.

13. Начальник участка Ламбасручей Пернанен, агроном Арттула, десятник Паавolайнен, лейтенант полиции Иван Коверо и его помощник Август Пухакка.

II

ЗВЕРСТВА ФИНСКО-ФАШИСТСКИХ ПАЛАЧЕЙ НАД РАНЕНЫМИ И ПЛЕННЫМИ БОЙЦАМИ И ОФИЦЕРАМИ КРАСНОЙ АРМИИ

I. ЗВЕРСТВА ФИНСКИХ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ НА ФРОНТЕ

ИЗ СООБЩЕНИЙ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО

Около деревни В. на северо-западном направлении фронта немцы захватили в плен двух раненых красноармейцев. Одного из них фашисты расстреляли, а второго сожгли заживо на костре. На северном фронте белофинны захватили в плен раненного в обе ноги воентехника Ладонина. Шюцкоровцы изрезали ему бритвой лицо, выкололи глаза и нанесли много ножевых ран. Изуродованный труп тов. Ладонина красноармейцы нашли в чулане дома, в котором помещалась канцелярия белофинского батальона.

Из вечернего сообщения 5 августа 1941 г.

Мародерство в финской армии всемерно поощряется и входит в обязанности финских солдат. В секретной инструкции штаба 7 финской пехотной дивизии за № 511 говорится: «При всех обстоятельствах, как только позволяет обстановка, надо снимать с убитых солдат противника все о б м у н д и р о в а н и е и с н а р я ж е н и е. В случае надобности к этой работе можно привлекать военнопленных. (Основание: телеграфное распоряжение штаба Карельской армии)».

Из вечернего сообщения 3 января 1942 г.

Вырвавшийся из белофинского плена красноармеец Терентьев Сергей Павлович рассказал о невыносимых страданиях советских военнопленных, томящихся в ла-

гере близ города Питкяранта. «В этом лагере, — сообщил Терентьев, — содержатся раненые красноармейцы. Им не оказывают никакой медицинской помощи. Всех заключенных принуждают работать по 14—16 часов в сутки. Пленных впрягали в плуги и заставляли пахать землю. В сутки нам выдавали по кружке мучной похлебки. Финские палачи придумали для нас ужасную пытку. Они опоясывали пленного колючей проволокой и волочили по земле. Ежедневно из лагеря вывозят трупы замученных советских бойцов».

Из вечернего сообщения 7 октября 1942 г.

Группа бойцов Н-ской части, действующей на Карельском фронте, обнаружила в отбитом окопе трупы 11 советских бойцов, зверски замученных белофиннами. Красноармейцы Бачинов Г. М., Углов В. В. и Богданов И. С. были ранены в бою и захвачены в плен. Белофинны долго пытали их и вырезали на груди пятиконечные звезды. Личность остальных замученных бойцов установить не удалось, так как бандиты до неузнаваемости изуродовали их.

Из утреннего сообщения 9 октября 1942 г.

ИЗ НОТЫ НАРОДНОГО КОМИССАРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ТОВ. В. М. МОЛОТОВА ОТ 27 АПРЕЛЯ 1942 Г.

«Такие же зверства творят на Крайнем Севере и финские пособники германских фашистов. На Карельском фронте при наступлении частей Красной Армии были обнаружены десятки трупов израненных красноармейцев, замученных финскими фашистами. Так, у красноармейца Сатаева финны выкололи глаза, отрезали губы, вырвали язык. У красноармейца Гребенникова они отрезали ухо, выкололи глаза и вставили в них пустые гильзы. Красноармейцу Лазаренко после долгих пыток финны раздробили череп и набили туда сухарей, в ноздри вогнали патроны, а на груди раскаленным металлом выжгли пятиконечную звезду».

АКТ

26 октября 1941 года. Мы, нижеподписавшиеся, военнослужащие 26 СП: военфельдшер 2 батальона Каратаев Федор Федосеевич, старшина Карабанин Па-

вел Михайлович, красноармейцы: Коновалов Виктор Иванович и Королев Николай Зиновьевич, сего числа составили настоящий акт о нижеследующем:

При вступлении нашей части в дер. Столбовая Гора, Медвежьегорского района, Карело-Финской ССР, которая была отбита у финнов, мы нашли в одном из крестьянских дворов труп красноармейца 7-й роты 24 СП Зубехина Николая, зверски замученного и ограбленного финскими живодерами. У красноармейца были выколоты глаза, вырезаны губы. Обувь Зубехина сняли финны. Они же забрали все документы. Труп нами похоронен в дер. Столбовая Гора, Медвежьегорского района К-Ф ССР. Правильность вышеизложенного подтверждаем подписями.

(Подписи)

АКТ

20 ноября 1941 года. Мы, нижеподписавшиеся, подтверждаем, что в бою 13 ноября 1941 года был тяжело ранен красноармеец Сатаев. Эвакуировать его в тыл не успели. Озверевшие финские фашисты изуродовали тяжело раненного красноармейца. При личном осмотре трупа Сатаева мы обнаружили, что у него были выколоты глаза, отрезаны губы, вырван язык, грудь изрезана ножами.

В чем и составлен настоящий акт.

Командир 9-й стрелковой роты лейтенант *Федоркович*, политрук роты *Данилочкин*, командир 2-го взвода 9-й роты младший лейтенант *Пантютин*, красноармеец *Борисенко*

АКТ

20 ноября 1941 года. Мы, нижеподписавшиеся, командир 9-й стрелковой роты лейтенант Федоркович, политрук 9-й роты Данилочкин и санинструктор 9-й роты Спиркин, составили настоящий акт в том, что во время боя 13 ноября 1941 года красноармеец Гребенников был тяжело ранен в ногу. Эвакуировать Гребенникова в тыл не удалось. Финские изверги решили выместить свою звериную злобу на захваченном красноармейце. Финны пытали бойца.

Так, у него отрезано ухо, выколоты глаза, отрезаны пальцы на правой руке, перерезано горло и нанесено несколько тяжелых ран в грудь.

(Подписи)

Трупы зверски замученных финнами раненых бойцов и офицеров Красной Армии.

АКТ

Мы, нижеподписавшиеся, политрук Зекцер, инструктор Сокко Р. А. и В. А. Улитовский, составили настоящий акт о том, что 25 ноября 1941 года на 48 километре на Кестеньгском направлении при отступлении противника нами был обнаружен труп красноармейца, облитый какой-то жидкостью, разъевшей всю кожу и одежду красноармейца. Лицо бойца превращено в сплошную массу мяса. Труп запечатлен на фотографии.

29 ноября 1941 г.

(Подписи)

АКТ

2 декабря 1941 года. Мы, нижеподписавшиеся, военврач 993 СП Шмуклерман И. Я., военфельдшер Бровин Н. И., в присутствии дежурного старшего лейтенанта Глотова Н. А. и коменданта старшего лейтенанта Хабарова В. С., произвели осмотр трупов: начальника штаба 993 СП капитана Зуева М. И., старшего врача того же полка Осокина В. Е., командира конной разведки Черткова и бойцов Баранова и Дурягина, найденных в районе 14-го разъезда Кировской железной дороги и доставленных на станцию Масельская. При этом нами обнаружено следующее:

1. Труп капитана Зуева М. И. имеет огнестрельное сквозное ранение правого плеча в верхней трети с раздроблением плечевой кости, ножевое ранение в области правой лопатки, идущее от верхнего угла лопатки вниз длиной в 10—12 см, глубиной до 1 см, сквозное пулевое ранение головы в области виска, входное слева, выходное справа. Как видно, выстрел в висок произведен на близком расстоянии.

2. Труп врача Осокина В. Е. имеет огнестрельное сквозное ранение правого бедра с раздроблением бедренной кости. Проломлена черепная коробка в области лобной и теменных костей, удар произведен тупым оружием, очевидно прикладом винтовки.

3. Труп командира конной разведки Черткова имеет пулевое сквозное ранение головы с входным отверстием во лбу и выходным в области затылка.

4. Труп красноармейца Баранова имеет сквозное пулевое ранение грудной клетки, входное в области 11-го ребра слева и выходное в области 6-го ребра справа подмышечной линии.

5. У трупа красноармейца Дурягина рана нанесена в брюшную полость справа внизу, отрублена левая кисть на уровне лучезапястного сустава, имеется поруб левого локтевого сустава с разрушением костей, произведенный топором, второй неглубокий поруб в области левого предплечья в средней трети, проникающий до кости.

(Подписи)

АКТ

1 февраля 1942 года. Мы, нижеподписавшиеся, обследовав трупы зверски замученных финнами бойцов тт. Малькова и Точилина, констатируем следующее:

На черепе тов. Точилина в области затылочной кости имеется резаная рана. В области обоих сосцевидных отростков имеются обширные резаные ранения. В области левой ключицы имеется рваная ножевая рана. На верхней одной трети плеча имеется также рваная рана.

Череп трупа тов. Малькова раздроблен тупым орудием. На надглазничной и подглазничной областях имеются резкие кровоизлияния и ссадины, как результат ударов тупым орудием. Справа в области грудной клетки рваная, с развороченными краями, рана. Тело трупа обожжено до обугливания. На различных участках тела кожа вырезана полосами различной величины.

В чем и составлен настоящий акт.

Начальник санслужбы военврач *Хаймович*, техник-интендант I ранга *Микей*, военврач *Макиенко*, красноармеец *Чилеев*, красноармеец *Чарков*

АКТ

4 февраля 1942 года. Мы, нижеподписавшиеся, красноармеец Скурихин Илларион Никитич, старший политрук Малыгин Евгений Ильич и начальник команды погребения Коршунов Федор Иванович, составили настоящий акт о том, что 4 февраля 1942 года нами обнаружены на разъезде 9-й километр Кировской железной дороги 2 трупа красноармейцев, зверски замученных финнами.

По найденному документу установлена личность одного красноармейца: Моисеев Борис Дмитриевич, год рождения 1923, житель Карело-Финской ССР, проживавший в селе Соломенное, русский. Паспорт выдан 1 отделением РК милиции города Петрозаводска. Согласно удостоверению, вложенному в паспорт, установлено, что Моисеев являлся бойцом 2-го истребительного батальона г. Петрозаводска. Тело Моисеева до пояса обожжено огнем. Прожжены брюки и кальсоны до тела. Боец расстрелян в лоб навылет.

Личность второго красноармейца не установлена. Как показал осмотр второго трупа, красноармеец захвачен финнами раненым, осталась повязка на груди. Перед расстрелом финны его раздели, сняли сапоги верхнее белье и расстреляли в лоб навылет.

(Подписи)

АКТ

20 февраля 1942 г. Мы, нижеподписавшиеся, военврачи 3-го ранга Голынский и Падарян, младший политрук Бестолов, старшина Бочкарев, санитар Жуков, красноармеец Босенко, военфельдшер Рябов, обследовав трупы зверски замученных финскими бандитами краснофлотцев тт. Зива и Кулешова и красноармейцев Баранова и Кривулина, констатируем следующее:

1. У краснофлотца Кулешова обрезано правое ухо, в области лица следы ударов прикладом и ряд штыковых ран, правая нога вывернута в коленном и тазобедренном суставах, имеются штыковые раны.

2. У краснофлотца Зива обожжены кожные покровы лица, обожжены усы и борода, в области правого глаза больших размеров кровоподтек, на левом виске имеется рана, нанесенная холодным оружием, в области грудной клетки рана с вырезанным куском ребра в 3—4 см.

3. У красноармейца Кривулина в области сонной артерии рана, нанесенная холодным оружием, вскрыта сонная артерия, справа в области ключицы также рана, нанесенная холодным оружием, имеется повреждение крупных кровеносных сосудов и перелом ключицы, ряд ран на правом плече, верхнее веко левого глаза вырезано, поврежден глаз.

4. Красноармейцу Баранову в грудь нанесено 6 штыковых ран, на обеих пятках крестообразные раны.

(Подписи)

АКТ

14 марта 1942 года. Военный следователь военной прокуратуры 10 ГСП младший военюрист Степаченко, военком 35 ГСП батальонный комиссар Баньковский, представитель Политотдела старший батальонный комиссар Пегоев, старший политрук Сердюков, военврач Кравчук, гвардии красноармеец Филин, сего числа со-

ставили настоящий акт в том, что в районе 35 гвардейского СП, 8-й стрелковой роты, на восточном берегу реки Западная Лица обнаружен труп красноармейца, зверски замученного фашистскими бандитами из 6-й горно-егерской немецкой дивизии. Фамилию красноармейца установить не удалось, ввиду отсутствия каких-либо документов.

Труп лежал в землянке на нарах заминированным. При осмотре трупа красноармейца установлено, что красноармеец был захвачен в плен раненным в правое плечо и правый голенный сустав. Следов оказания медицинской помощи нет. Раненый красноармеец подвергся чудовищным, зверским пыткам; у красноармейца глаза выколоты штыком, на лице имеются 3 штыковых ранения, ожоги тела накаленным железом в области подбородка, в области грудной клетки имеются 4 проникающих штыковых ранения, грудная клетка помята, ребра переломаны, имеется громадное кровоизлияние под кожу, в области живота нанесены 3 штыковых проникающих ранения, большое кровоизлияние в мышцы и подкожный жировой слой. На всем теле следы избиения тупым предметом. Левый плечевой сустав перерублен острым предметом, кисти обеих рук обожжены, левая кисть перерублена, половой член отрублен, левое бедро изрезано и коленный сустав перерублен, левая голень также изрезана и перерублена. Труп зверски замученного немецкими бандитами красноармейца нами сфотографирован.

(Подписи)

АКТ

о зверствах фашистов над ранеными бойцами и командирами Красной Армии, совершенных с 28 по 30 марта 1942 г.

Комиссия в составе старшего политрука Пичугина Д. С., красноармейцев Акулина И. А. и Шадура М. М., сержанта Товарковского и ефрейтора Иванова установила:

1. У убитого младшего сержанта Веселкова Дмитрия Ивановича фашисты выкололи глаза.

2. У красноармейца Ковалева Василия Сергеевича отрезали нос.

3. Красноармейцу Уляшеву Тимофею Ивановичу перерезали ножом горло.

(Подписи)

АКТ

14 мая 1942 года в районе расположения 8-й роты 3-го ОСБ нами обнаружен труп командира РККА (фамилия не выяснена), зверски замученного фашистами. Изверги отрезали командиру уши, нос, губы, половой орган, выкололи глаза, изрезали лицо ножами.

Капитан *Власенко*, военком ст. политрук *Дворцов*, зам. комбата ст. лейтенант *Гацула*, красноармейцы: *Бражкин*, *Тюрин*, *Юдин*

Расстрелянные финнами пленные красноармейцы.

АКТ

18 мая 1942 года. Мы, нижеподписавшиеся, составили настоящий акт в нижеследующем:

Сего числа нами был осмотрен труп, найденный на территории, отбитой у противника. Фамилию, за отсутствием каких-либо документов, установить не удалось. Человек среднего роста, примерно 25—27 лет. Одет в полушубок, гимнастерка с петлицами артиллериста, со знаками ефрейтора.

При тщательном медицинском осмотре установлено:

1. Живот и половые органы имеют ожоги до сте-

пени обугливания, такой же ожог имеется на обоих боках, шее и левой руке. На правой руке сохранился обгоревший рукав шубы.

2. Грудная клетка ожога не имеет. На левой ноге в верхней трети бедра сзади имеется штыковая рана диаметром 3—4 см. На верхней трети голени той же ноги имеется сквозное пулевое ранение.

3. На черепе в области теменной кости имеется рана с рваными краями, диаметром 12—15 см. Рана нанесена тупым орудием.

Заключение. Видимо, ефрейтор Красной Армии был захвачен финнами в плен раненым, затем подвергнут нечеловеческим пыткам и зверским издевательствам и сожжен на костре. За это говорят следующие факты: имеющиеся брюки и кальсоны сняты до колен и артиллерист еще живой голым был положен на костер. Поэтому часть живота и половых органов, предплечья, шея и бока подверглись большому обугливанию. Отсутствие ожога на части грудной клетки объясняется тем, что ефрейтор лежал на животе, грудью касаясь снега. Нанесенная штыком рана и пролом черепа также говорят о зверских издевательствах над военнопленным.

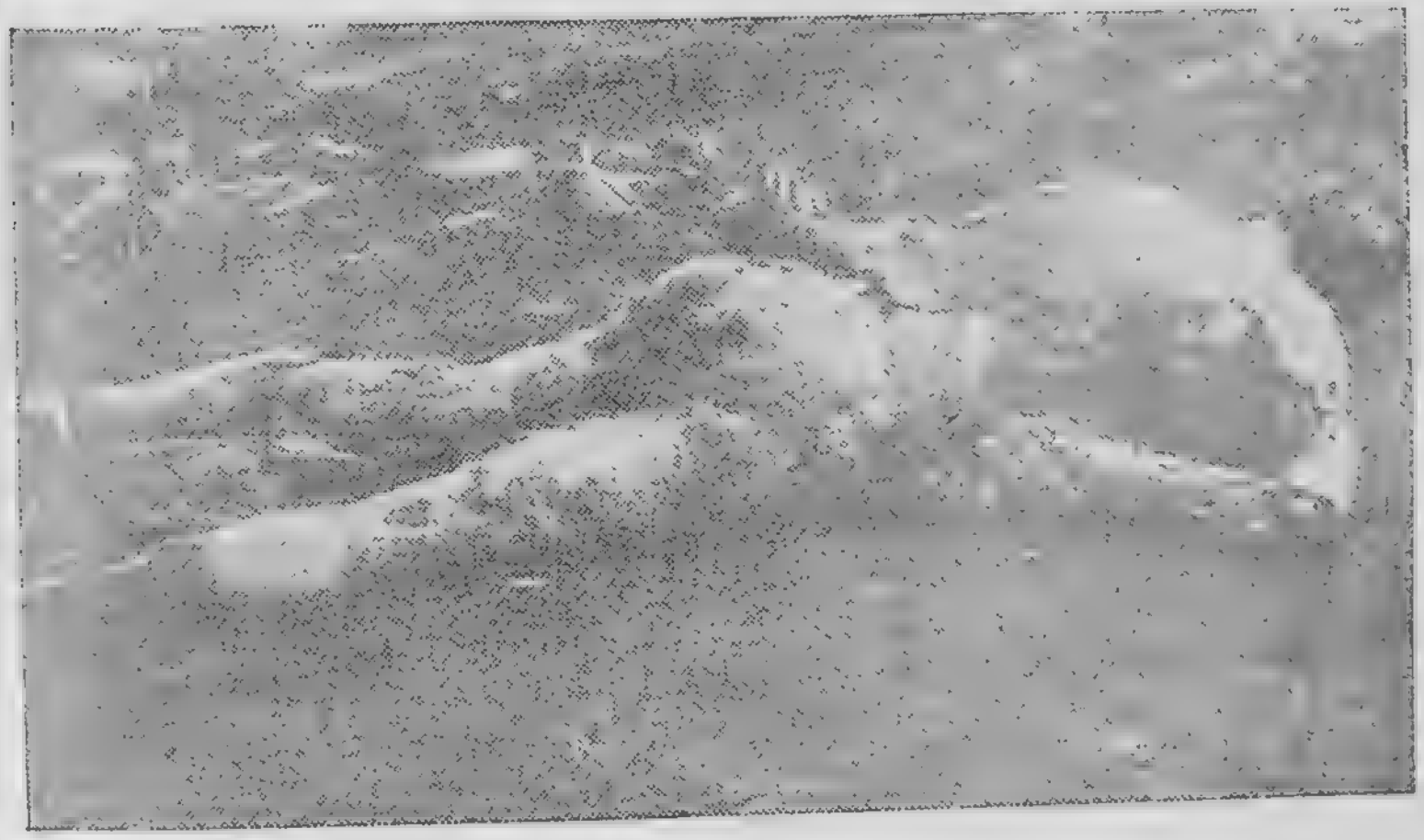
Военврач 2 ранга *Ермаков Григорий Поликарпович*, военврач 2 ранга *Неизвестный Борис Петрович*, майор *Гуров Виктор Афанасьевич*, секретарь партбюро старший политрук *Сердюков Александр Константинович*, гвардии красноармеец *Павлов Федор Павлович*

АКТ

28 мая 1942 года. Мы, нижеподписавшиеся, составили настоящий акт в том, что сего числа на высоте «Пила» Полярного района, Мурманской области обнаружен труп краснофлотца, зверски замученного немецко-фашистскими извергами.

При обследовании трупа установлено: краснофлотец лежал на спине голый. На правой половине грудной клетки имеется сеченое осколочное ранение. Труп — среднего роста, повидимому, человека лет 21—23. Фамилии установить не удалось.

Левое предплечье выломано из локтевого сустава. На внутренней и наружной поверхности предплечья имеются большие кровоподтеки и ссадины. Первые и вторые фаланги всех пальцев левой кисти вырезаны и лежат рядом, мягкие ткани пальцев обрезаны. На правом плече посредине ключицы имеется глубокая рана. Правая кисть обожжена. 4 пальца вырезаны, большой палец сломан, отрезанные пальцы лежат ря-



Труп неопознанного советского воина, сожженного белофиннами на костре.

дом с трупом. Глаза выколоты, живот вспорот, желудок, тонкий кишечник и сальник извлечены наружу и обожжены. Лицо, голова, шея, грудь, живот, поясница, бедра, половые органы сильно обожжены.

Вывод: краснофлотец был захвачен немецко-фашистскими извергами раненым и подвергнут жестоким и мучительным пыткам; после чего еще живой был облит горючей смесью и подожжен.

Батальонный комиссар *Калинин*, военврач 2 ранга *Гезунтерман*, капитан *Казьмин*, старший политрук *Желифанов*, красноармейцы *Виноградов* и *Ходаз*

АКТ

3 июня 1942 года. Мы, нижеподписавшиеся, военнослужащие 35 Гвардейского стрелкового полка, составили настоящий акт в том, что сего числа в районе Безымянной высоты нами обнаружен труп замученного и сожженного красноармейца, фамилии которого за отсутствием каких-либо документов установить не удалось.

При осмотре обнаружено, что красноармеец имел сильное пулевое ранение в правое бедро. От седьмого шейного позвонка и до голенно-бедренных суставов имеются сплошные ожоги до степени обугливания. Поверхность живота порвана до грудной клетки. Левый глаз налит кровью, очевидно от удара твердым предметом.

Вывод: раненый красноармеец был захвачен в плен фашистскими извергами, которые подвергли его зверским пыткам, после чего заживо сожгли на костре.

Гвардии младший политрук *Кратин Федор*, гвардии старший лейтенант *Алексеев Василий*, гвардии санинструктор *Плотников Василий*, гвардии красноармеец *Моисеев Захар*

АКТ

1 августа 1942 года. Мы, нижеподписавшиеся, произвели наружный осмотр трупа краснофлотца 3-го батальона тов. Александрова П. П., погибшего при выполнении боевого задания на поле боя. При осмотре трупа обнаружено: в области шеи и лица множество сквозных пулевых ранений со следами копоти, размозжены кости черепа и лица, размозжены верхняя и нижняя челюсти и выбиты зубы, нанесена колотая рана в правую глазницу; верхняя губа и левое крыло носа разорваны от выстрела в упор из револьвера, левая щека в скуловой области разорвана пулевым ходом, идущим в левую глазницу.

На основании вышеизложенного приходим к заключению, что краснофлотец Александров, будучи ранен, был взят финнами живым и подвергался пыткам.

Военврач III ранга *Самойлов*, старший политрук *Александров*, военврачи III ранга *Леденев* и *Селиваненко*, красноармейцы *Пугач*, *Павлов*

Финский палач созерцает свои жертвы. Снимок обнаружен у убитого финского солдата.

АКТ

11 августа 1942 года. Мы, нижеподписавшиеся, составили настоящий акт в том, что в 5 километрах юго-западнее места расположения нашего подразделения обнаружены 12 трупов красноармейцев, зверски замученных фашистскими бандитами.

Расправа с бойцами происходила в лесу на маленькой полянке, где до сего времени сохранились следы чудовищных злодеяний немецко-финских бандитов. Все трупы сложены в одно место и сожжены. На сохранившихся остатках трупов обнаружено следующее:

У одного из трупов на черепе имеются следы ударов прикладом или каким-либо другим твердым предметом (левая теменная кость и нижняя челюсть раздроблены).

Другой труп имеет следы чудовищных издевательств, кисти обеих рук вывернуты из суставов, кости черепа имеют 6 пулевых пробоин. Очевидно, после издевательств боец был расстрелян.

На голове третьего трупа сохранилась повязка, сделанная индивидуальным пакетом. Кисть правой руки вывернута из сустава, на ладонях имеются следы ожогов. Остальные трупы детально обследовать не удалось ввиду давности и обезображивания.

Совершенно бесспорно, что бойцы подверглись вначале издевательствам, а затем были расстреляны. Чтобы скрыть следы своих преступлений, гитлеровцы сожгли замученных красноармейцев.

Документов при трупах не обнаружено, а поэтому опознать их и часть, к которой принадлежат эти красноармейцы, невозможно.

Старший политрук *Юсов*, политрук роты *Удаков*, военврач III ранга *Виноградов*, старший лейтенант *Бровкин*, фотокорреспондент *Тихомиров*, красноармейцы: *Попов, Огнев, Никитичев*

АКТ

26 сентября 1942 года. Мы, нижеподписавшиеся, составили настоящий акт в нижеследующем:

26 сентября с. г. группа красноармейцев из 5 человек в 13.30 вышла на ремонт телефонной линии и наскочила на засаду противника. В результате перестрелки были ранены, а затем издевательски умерщвлены 4 бойца: Володин Михаил Федорович, Богомолов Александр Николаевич, Помельцев Иван Борисович и сержант Пономарев Василий Александрович.

При осмотре трупов нами обнаружено, что раненые красноармейцы были зверски добиты финнами. Ножами изрезаны лица и обрезаны уши у красноармейцев Богомолова Александра Николаевича и Володина Михаила Федоровича.

Командир 8-й стрелковой роты *С. Авдеев*, политрук 8-й стрелковой роты *К. Партальян*, лейтенант *М. Калинин*, политрук взвода разведки *Ф. Гордеев*

АКТ

Настоящий акт составлен командиром батальона капитаном В. И. Сугробовым, капитаном И. П. Нятьтиевым, воентехником 2 ранга А. Н. Петровым, военфельдшером П. Н. Самушченко и красноармейцем П. Е. Курбатовым в том, что 22 ноября 1942 года около населенного пункта З. наши бойцы выбили белофиннов из их траншей, и нами были обнаружены в траншеях два трупа красноармейцев. Как было установлено специальным осмотром, раненые красноармейцы попали в руки финнов и подверглись пыткам. Фамилии красноармейцев установить не удалось. У обоих красноармейцев распороты животы, выломаны руки, выколоты глаза. Трупы были облиты горючей жидкостью и подожжены. Чтобы скрыть следы своих зверств, финны бросили трупы в нишу и вход в нее засыпали землей.

(Подписи)

АКТ

14 января 1943 года. Мы, нижеподписавшиеся, политрук Белицкий Игнатий Антонович, заместитель политрука Горбунов Андрей Петрович, заместитель командира роты Выродов Павел Сергеевич, санинструктор Воронов Владимир Герасимович и красноармеец Малков Николай Евдокимович, составили настоящий акт в следующем:

Сего числа с левой стороны фигурной сопки по направлению к железной дороге нами обнаружены три трупа наших красноармейцев. При осмотре трупов у одного красноармейца найден документ, подтверждающий его фамилию и место рождения: Курилов

Василий Дмитриевич, год рождения 1916, уроженец Ленинградской области. У других бойцов документов не оказалось, все карманы вывернуты, видимо, они ограблены немецко-финскими разбойниками. Все три красноармейца ранены во время ноябрьских боев и попали в руки немецко-финских солдат, которые зверски замучили указанных бойцов.

У Курилова имеются ожоги тела, штыковые уколы в лицо, выколот глаз и переломлена левая рука.

Второй красноармеец лежал совершенно раздетым, сняты гимнастерка и нательная рубашка. У красноармейца сорвана плечевая повязка, сильно сожжено тело, разбита левая сторона лица. Финскими ремнями были связаны ноги, и ремень привязан к дереву. У обоих указанных бойцов снята обувь.

У третьего красноармейца обнаружены сильные ожоги тела.

На основании всего сказанного мы делаем вывод, что красноармейцы после зверских издевательств были подорваны гранатой.

О чем и составлен настоящий акт.

(Подписи)

АКТ

15 апреля 1943 года комиссия под председательством военврача 2 ранга Селезнева М. В. в составе капитана Куртанидзе К. Е., старшего лейтенанта Шустера У. А., лейтенанта Зайцева Л. А., младшего сержанта Свалова С. Ф. и красноармейца Плакса В. Е. составила настоящий акт о зверствах финских захватчиков над ранеными бойцами:

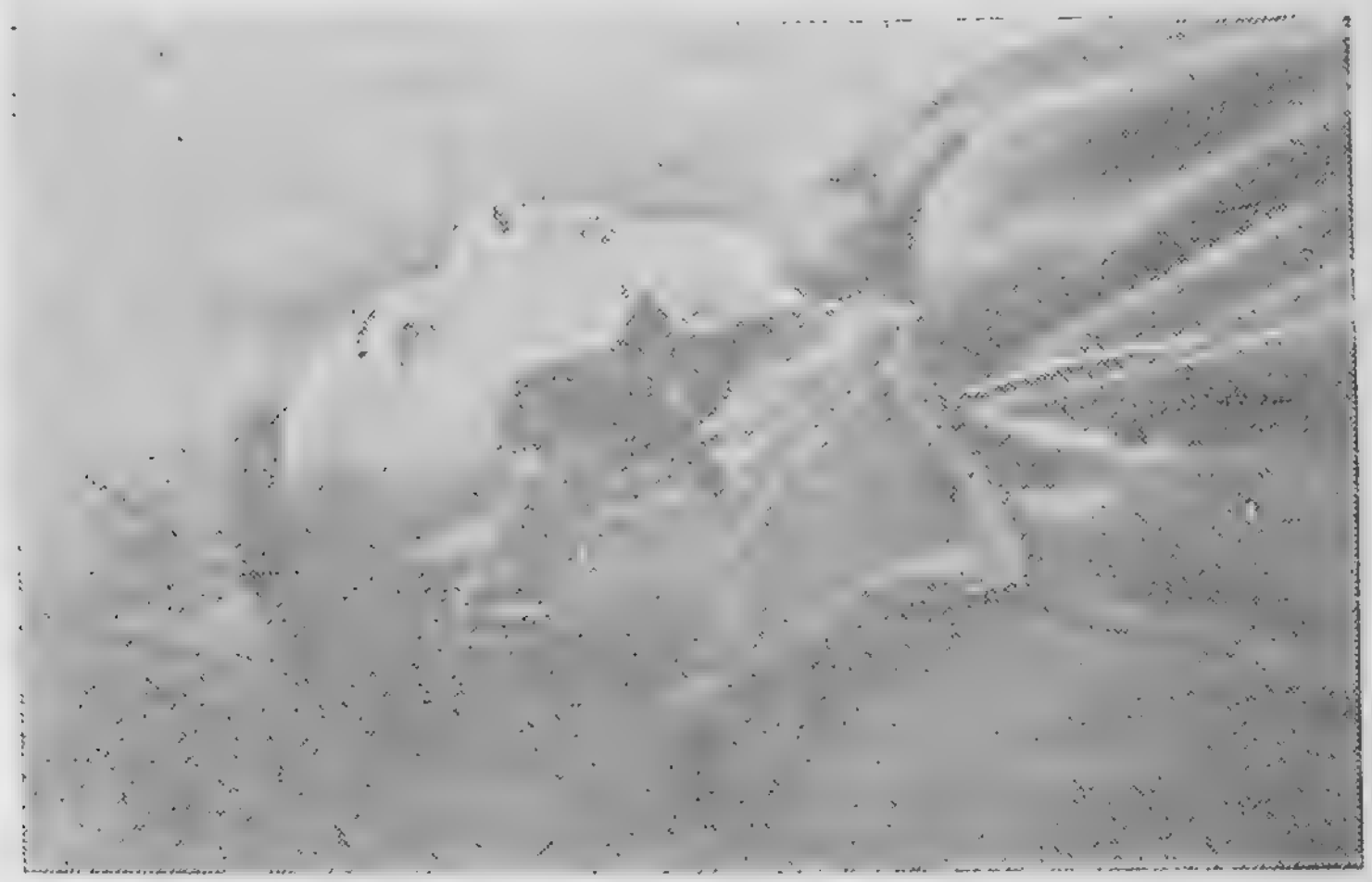
1. Красноармеец Козлов Роман Петрович, захваченный раненым, был подвергнут истязаниям на поле боя: средний палец левой кисти у него выкручен, на левом боку ножевая рана, под левым соском колотая штыковая рана. Раненого Козлова финны положили на зажженные термитные шашки и прижали к костру бревном. Труп найден в полусожженном виде.

2. У красноармейца Фатеева Якова Игнатьевича вырезан левый глаз, на правой половине грудной клетки три штыковых раны.

(Подписи)

АКТ

1943 года, 15 апреля, комиссия в составе председателя военврача 3 ранга Вольф Ю. Н. и членов: старшего сержанта медслужбы Липецкер Ж. Д., старшего сержанта Лесновой Е. М. и красноармейцев Кривоногова В. У. и Генбачева В. В., составила настоящий акт о зверствах финских захватчиков над советскими ранеными бойцами:



На лице раненого красноармейца П. В. Кокорина финны вырезали пятиконечную звезду, а затем убили его.

1. Красноармеец Пуртов А. А. имеет на затылочной области головы колото-резаную рану в форме звезды, размером 15 × 10 см.

2. Красноармеец Никифоров Б., имеющий пулевое ранение в верхней трети левого бедра с повреждением тазовых костей, подвергнут истязанию на поле боя, ему нанесена штыковая рана в затылок и колото-резаная рана в форме звезды с проломом черепа в теменной области головы.

3. Гагарин Я. А., имевший отрыв левой стопы, получил 6 колотых ран головы, удары прикладом по голове с повреждением черепа.

(Подписи)

АКТ

17 августа 1943 года. Мы, нижеподписавшиеся, командир группы политрук Спиридонов П. И., бойцы Ильин П. Н., Смирнов В. А. и Дайненко Ф. Т., составили настоящий акт в нижеследующем:

Согласно приказу командира отряда капитана Копара, выйдя в разведку и придя в координат 8682, мы вышли на место боя советских партизан с финнами, на котором осталось два трупа партизан, зверски изуродованных. Обследованием установлено:

1. Как у первого, так и у второго партизана руки вывернуты.

2. Глаза выколоты у обоих.

3. У второго трупа вдоль щек нанесены ножевые раны и от удара прикладом свернута челюсть.

4. Животы вспороты и в раны наложены обоймы немецких патронов.

5. Верхняя одежда, фуфайки, ботинки сняты, оставлены на месте и заминированы.

О чем и составлен настоящий акт.

(Подписи)

АКТ

Мы, нижеподписавшиеся, составили настоящий акт о следующем: 18 января 1944 года наши подразделения вели бой с финнами. На следующий день, 19 января, мы прибыли на место боя и обнаружили обезглавленный труп красноармейца.

При осмотре трупа обнаружены следы диких издевательств, совершенных фашистскими палачами.

Голова у красноармейца отрезана ножом и унесена с собой финнами. Никаких документов у убитого не оказалось, карманы вывернуты и вырваны. Фуфайка и гимнастерка на трупе задраны кверху, и на правой стороне груди кожа вместе с мышцами вырезана до самых ребер. Как видно, финны долго издевались над красноармейцем.

Лейтенант *А. А. Благовещенский*, красноармейцы: *В. Я. Зуев, В. М. Лизенко*

АКТ

27 марта 1944 года. Мы, нижеподписавшиеся, обследовав труп младшего сержанта Дерябова Алексея Васильевича, констатируем следующее:

Труп имеет пулевые ранения. Первое — слепое, проникающее в правой височной области, второе — слепое, проникающее в левой теменной области и третье ранение в верхней части левого бедра. Два пулевых ранения свидетельствуют о том, что фашисты в упор расстреляли раненого советского воина. Труп бойца истерзан и носит следы диких зверств фашистских бандитов. В правой височной области имеются две глубоких резаных ножевых раны, под левой надбровной дугой также ножевая рана.

Капитан медицинской службы *Хаймович*, старший лейтенант *Егоров*, лейтенант медицинской службы *Сусаев*, красноармейцы *Балакин*, *Атяшев*

АКТ

20 июня 1944 года. Мы, нижеподписавшиеся, зам. командира по политической части 3 стр. батальона 1046 СП капитан Тарасюк, парторг 7 стр. роты ефрейтор Яцунов А. Н., пом. командира автоматного взвода старшина Виноградов В. М., автоматчик красноармеец Сурин Н. И., составили настоящий акт в следующем: при занятии 7-й ротой обороны финнов была обнаружена в траншее финнов, перед входом в землянку командного пункта, голова неизвестного советского бойца, надетая на кол, вбитый перед дверью заминированной землянки.

(Подписи)

АКТ

25 июня 1944 года. Мы, нижеподписавшиеся, майор Третьяков, старший лейтенант медицинской службы Подгорная, сержант Важнов и красноармеец Иванов, составили настоящий акт в следующем:

После разгрома финского опорного пункта на берегу Ладожского озера, в 2-х километрах севернее

реки Тулокса нами обнаружено в железной бочке тело красноармейца, фамилию которого установить не представилось возможным. Комиссией установлено, что этого красноармейца финны пытали кипятком. Неизвестный боец был помещен финнами в бочку с водой, которую палачи кипятили на костре. Возле бочки у костра найдена красноармейская пилотка со звездой.

(Подписи)

АКТ

25 июня 1944 года. Мы, нижеподписавшиеся, составили настоящий акт о зверствах финских захватчиков над 14 ранеными красноармейцами и сержантами, которые были найдены у огневой точки противника под номером 431. Тщательный осмотр трупов говорит о хладнокровном издевательстве и умерщвлении раненых воинов финскими солдатами и офицерами. Старшему сержанту Семенову Ф. Ф. и сержанту Бондину М. Д. нанесены ножевые раны в грудную клетку. Сержанту Дорофешину Ф. Д. финны отрезали два пальца на левой руке и после этого размозжили голову. У красноармейца Румянцева В. И. оторван половой орган. Остальным десяти бойцам и сержантам нанесены пулевые ранения в череп, живот, в область таза, в грудную клетку. Рваные раны свидетельствуют о том, что финны стреляли в советских воинов разрывными пулями.

Майор *Есипов*, майор *Здановский*, младший лейтенант мед. службы *Каргопольцев*, ефрейтор *Курашов*, красноармеец *Борисков*

АКТ

25 июня 1944 года. Мы, нижеподписавшиеся, председатель комиссии майор Рабинович, члены комиссии капитан Овчаренко, капитан юстиции Исаев, капитан медицинской службы Иванов и красноармеец Бурлак, составили настоящий акт о зверствах финских захватчиков над советскими воинами.

1. В районе переправы у Остер-озера в сгоревшем доме обнаружен труп сожженного воина Красной Ар-

мии, личность которого опознать и установить невозможно. Около сожженного трупа обнаружены вещественные доказательства: пуговицы, клинок от винтовки СВТ, пряжка с ремня, саперная лопата и топор. В 10 метрах от трупа обнаружена обгоревшая голова.

2. За этой же переправой обнаружен труп капитана Лузгина, у которого разбита нижняя челюсть, рассечен язык и выбиты зубы. Сержанту Цыганкову, легко раненному, нанесен удар острым тяжелым предметом в череп и размозжена черепная коробка.

(Подписи)

АКТ

25 июня 1944 года. Мы, нижеподписавшиеся, майор Ковалев Н. Г., майор Шагин И. Н., старший лейтенант Волков И. В., санинструктор Мишкин А. Г., старший сержант Гайдин А. И., красноармейцы Малков К. Д. и Смирнов И. Н., составили настоящий акт о нижеследующем:

После боев за Безымянную высоту на подступах в дер. Шарвары, Медвежьегорского района, Карело-Финской ССР, нами обнаружен труп советского воина; установить его личность не представлялось возможным, так как труп был сильно обуглившийся — обгорели голова, грудь, руки и ноги. Лежавшая рядом каска с остатками горючей смеси свидетельствовала о том, что красноармеец был облит горючей смесью и сожжен.

(Подписи)

АКТ

28 июня 1944 года, деревня Тоску-Сельга, Олонецкого района.

Настоящий акт составлен комиссией в составе: гвардии капитана Васильева, гвардии лейтенанта Меджибовского, гвардии старших лейтенантов Савиных и Васькова, гвардии капитана медицинской службы Туманова о зверствах финнов над ранеными красноармейцами.

28 июня 1944 года у деревни Тоску-Сельга на группу раненых красноармейцев напали финны. Они зверски издевались над ранеными красноармейцами, нано-

сили им удары ножом по лицу, голове, разбивали головы прикладами и топорами и умертвили таким образом 71 раненого красноармейца. Так, у гвардии лейтенанта Сыч череп расколот надвое и выколоты глаза, у гвардии рядового Князева пять штыковых ран на лице, у гвардии сержанта Артемова изрезано лицо бритвой, вывернуты руки назад, один раненый облит бензином и обожжен (труп опознать нельзя) и т. п.

(Подписи)

Труп замученного финнами красноармейца с вырезанным на груди гвардейским значком.

АКТ

28 июня 1944 года. Мы, нижеподписавшиеся, капитан Похлебаев В. Я., капитан Рогозец, старшие сержанты Харыкин П. И., Шахматов Г. И., сержант Харитонов П. П., младший сержант Тепленко, ефрейтор Денисов Г. И., составили настоящий акт о чудовищных зверствах финских захватчиков над воинами Красной Армии.

28 июня 1944 года на освобожденной Красной Армией территории в районе деревни Вторая Кумса, Медвежьегорского района К-Ф ССР, нами обнаружены

близ дороги шесть изуродованных трупов красноармейцев, попавших к финнам в плен. Все красноармейцы перенесли неимоверные пытки: у них переломаны руки, пробиты грудные клетки, все они разуты и раздеты, тела окровавлены. После пыток пятерых красноармейцев финны расстреляли в голову, а шестого — как удалось установить по сохранившейся красноармейской книжке — красноармейца Кулишева Алексея Ивановича, 1921 года рождения, жителя пос. Новый Путь, Старожиловского района, Рязанской области, — замучили. После неимоверных пыток (отрублена правая рука, размозжена голова, левая рука разрублена в двух местах) финны положили его на облитый горючей жидкостью костер и сожгли ему всю шею и грудь.

(Подписи)

АКТ

29 июня 1944 года. Составлен комиссией в составе: майора Ефремова А. В., майора Скунева В. И., капитана Чернявского И. А., капитана Норинского М. И., старшего лейтенанта медицинской службы Воронина П. Ф., красноармейцев Гнездилова М. К. и Горлова В. Н. в том, что в 2 километрах от поселка Медвежья Гора, Карело-Финской ССР, в стороне от шоссейной дороги нами обнаружен труп зверски замученного советского воина. Следы зверств показывают, что финские изверги привязали советского человека к дереву на специально прикрепленную подставку, около которой имелось 7 глубоких разрезов финским ножом. Тут же обнаружен изрезанный окровавленный красноармейский ботинок, на дереве три пулевые пробоины, что свидетельствует о стрельбе в советского воина. Труп был брошен в развалины окопа, на шее трупа имелась веревка. В том же окопе обнаружен череп и две берцовых кости, две малых берцовых и две бедренные. В основании черепа имеется веревка, свидетельствующая об удушении.

На основании детального осмотра места убийства нами сделан вывод, что советский военнопленный был подвергнут тяжелым пыткам и после убийства был брошен в развалины окопа.

(Подписи)

АКТ

29 июня 1944 года, дер. Степаново-Наволок (колхоз им. Ворошилова).

Мы, нижеподписавшиеся, майор юстиции Шульман, майор медслужбы Вальков, капитан Васильковский, лейтенант разведки Шульгин, сего числа осмотрели труп зверски замученного финнами красноармейца, найденный нами у ручья, впадающего в озеро. Труп имеет на себе следы побоев, на лице и голове видны две ножевых раны. Шея и горло перерезаны ножом до позвонка. Карманы вывернуты, документов не обнаружено, опознать пострадавшего не удалось.

(Подписи)

АКТ

1 июля 1944 г., действующая армия.

Комиссия в составе: майора Фадеева А. С., старшего лейтенанта Малова М. В., старшего лейтенанта Коваль Н. Ф., лейтенанта медицинской службы Шмакова В. Г. и рядового Горшкова М. В., составила настоящий акт в следующем:

30 июня в районе боевых действий, западнее Топозера найдены пять трупов красноармейцев, зверски замученных финскими бандитами.

Проверкой установлено, что эти красноармейцы были захвачены в плен финнами в момент обороны отвоеванных позиций. Финны учинили жестокие пытки над пленными, подвергли их мучительной смерти. У красноармейца Кныша Ивана Васильевича обнаружены три пулевых прохода в области переносицы, размозжена голова. Лицо рядового Тихова Ивана Николаевича зверски обезображено при помощи тупого холодного оружия, на теле имеется до двадцати пулевых ранений. У рядовых Тильваева Худайберди, Третьякова Петра Степановича и Секерева Павла Ивановича обнаружено по 2—3 пулевых прохода в области лба.

На основании вышеизложенного комиссия пришла к выводу, что финские изверги, захватив в плен советских бойцов, подвергли их мучительным издевательствам, после чего застрелили.

(Подписи)

АКТ

Действующая армия. 1 июля 1944 года.

Мы, нижеподписавшиеся, старший лейтенант Щедрин, капитан Угрюмов, сержант Гришанин, ефрейтор Цветков, составили настоящий акт в следующем:

1 июля с. г. в районе озера Кудриярви после боя обнаружен труп бойца Красной Армии, заминированный финнами. При взятии трупа подорвались на мине бойцы Михартов, Павлуев, Автушенко, Дубасов, Овсянников.

(Подписи)

АКТ

2 июля 1944 года. В поселке Мансила в закрытом сарае нами были обнаружены четыре трупа. Около них валялся окровавленный серп. При осмотре трупов обнаружено:

1. Старший сержант имел вывернутую руку и раздробленную кисть правой руки, вывернутую бедренную кость левой ноги.

2. У младшего сержанта серпом отрезаны пальцы правой руки, имеются следы удушения.

3. У красноармейца Шмакова (фамилию его удалось установить по красноармейской книжке) вывернута левая рука.

4. У 2-го красноармейца оторвано ухо, разбит левый висок.

Фамилии остальных, кроме Шмакова, установить не удалось. Как видно из медицинского обследования, все бойцы были ранены в бою и перевязаны, но потом захвачены финнами еще живыми в плен и подвергнуты зверским пыткам.

Подполковник *Цепов*, старший лейтенант *Рудковский*, шофер старший сержант *Шалычев*, сержант *Брилкин*, сержант *Харакезов*, рядовой *Рвачев*

АКТ

Мы, нижеподписавшиеся, младший лейтенант Тишунин В. Н., сержант Целиков Н. В. и сержант Артурмесов И. Г., 4 июля 1944 года составили настоящий акт

в следующем. На участке обороны, отбитом нашими бойцами у противника, нами обнаружены следы кровавых издевательств фашистских бандитов над советскими бойцами.

Рядом с окопом лежал труп старшего сержанта. Фашисты вырезали у него горло. Орудие своего зверства — большой финский нож — они оставили тут же, воткнутым в грудь советского воина. Руки старшего сержанта были выпачканы в крови, а положение трупа доказывало, что бандиты засовывали руки старшего сержанта в его перерезанное горло. По найденной красноармейской книжке установлено, что это был старший сержант Бойко.

Недалеко от Бойко находились трупы других бойцов. Все они были изуродованы до неузнаваемости. У одного бойца финны отрезали ухо, у другого продолбили во лбу огромную дыру, у третьего выкололи глаза.

Как показали следы на трупах, фашистские людоеды стремились изувечить автоматной очередью или лезвием финского ножа прежде всего голову бойца.

(Подписи)

АКТ

5 июля 1944 года. Комиссия в составе председателя майора Объедкова Г. И. и членов: лейтенанта медслужбы Чередниченко В. А. и лейтенанта Мильшина Н. П., составила настоящий акт о нижеследующем:

В районе озера Верандукское нашей наступающей частью после боя был обнаружен труп старшего лейтенанта Захаренко Александра Леонтьевича. При медицинском осмотре установлено, что старший лейтенант Захаренко был ранен в нижние конечности в области живота. Финские бандиты захватили раненого Захаренко в плен и зверски над ним издевались, изрезали его финским ножом в области живота и грудной клетки.

После пыток финские бандиты зарезали пленного Захаренко, нанеся ему глубокую рану ножом в область сердца.

(Подписи)

Финские солдаты издеваются над трупом убитого ими красноармейца. Снимок найден у убитого финского солдата.

АКТ

6 июля 1944 года. Мы, нижеподписавшиеся, майор Тамаркин, старший лейтенант Шлемис, лейтенант Сидоров, ефрейтор Логинова, рядовой Точилин, лейтенант Бородин, составили настоящий акт в следующем:

6 июля 1944 года после боя в лесу в районе Мустокайло нами обнаружены тела двух красноармейцев, зверски замученных финскими захватчиками.

Проверкой установлено, что один из них красноармеец 7 СР 3 СБ 60 СП Поляков Петр Алексеевич, личность второго установить не удалось.

По заявлению очевидцев — красноармейцев Улыбина и Кузина — Поляков убит во время боя в лесу в 150—200 метрах от дороги. Трупы же обнаружены нами на самой дороге. У трупов бойцов топором отрублены черепные коробки и вывороченны мозги. На лице неизвестного бойца, фамилия которого не установлена, имеются следы мучительных страданий, показывающих, что над ними совершались гнуснейшие злодеяния, в результате которых он и скончался.

(Подписи)

АКТ

7 июля 1944 года. Мы, нижеподписавшиеся, майор Валыков, майор юстиции Шульман, капитан Васильковский, сержант Мужинов составили настоящий акт в следующем: сего числа нами обнаружены в кустах в 150 метрах от деревни Колат-Сельга два обугленных трупа советских военнослужащих.

Удалось установить, что финны заживо сожгли пехотинцев Красной Армии. Уцелевшие остатки обмундирования доказывают, что один из сожженных — рядовой красноармеец, а второй — старшина. У рядового все тело и обмундирование обуглилось, у старшины обгорело обмундирование и тело на левой ноге и груди, имеется штыковая рана в левом боку. Лица у обоих бойцов обезображены.

Опознать сожженных не удалось, документов при них не обнаружено.

(Подписи)

АКТ

7 июля 1944 года, дер. Колат-Сельга. Мы, нижеподписавшиеся, майор Черков Григорий Сергеевич, майор Быков Федор Александрович, майор Михайлов Василий Михайлович, капитан Тукачев Владимир Ива-

нович, старшина Кузнецов Николай Гаврилович, красноармеец Федоров И. А. и гражданка дер. Колат-Сельга Федорова Анастасия Мироновна, составили настоящий акт о нижеследующем: финские захватчики при отступлении из дер. Колат-Сельга, Ведлозерского района Карело-Финской ССР, вымещая злобу на мирном населении Советской Карелии, сожгли в деревне 20 домов, электростанцию и большой мост. В этой же дер. Колат-Сельга обнаружены трупы красноармейца и старшины, зверски замученных и сожженных финнами. При осмотре трупов опознать их не удалось. На трупах имеются пулевые ранения в грудь, руки вывернуты.

(Подписи)

АКТ

Мы, нижеподписавшиеся, майор Сенчуков Василий Андреевич, парторг Предтеченский А. А., офицер разведки капитан Майоров, старший сержант Сухарев П. Я., старший сержант Исаев Н. И., красноармейцы Грико И. М. и Трубин В. М. в присутствии капитана медицинской службы Сивинова А. И., 10 июля 1944 года составили настоящий акт в том, что обнаружили труп командира 1 СБ 1224 СП капитана Жерносекова Василия Васильевича в районе дер. Кива.

Нами установлено наличие на трупе множества ножевых ран. В правой паховой области 2 раны проникают до костей, та же область слева имеет 1 ножевую рану, грудная область вся исколота ножом, на спине имеются 4 ножевых раны, на левой руке переломлено предплечье с раздроблением костей.

Все перечисленные раны нанесены командиру Жерносекову еще живому. Помимо этих ран, на трупе имеются посмертные ножевые раны в области шеи, лица и в правый глаз. В большом количестве остались ссадины от ударов по телу тупым орудием. Это злодейское преступление совершено финскими бандитами в момент их бегства от ударов наступающей Красной Армии.

(Подписи)

АКТ

Мы, нижеподписавшиеся, составили настоящий акт в следующем:

10 июля 1944 года наше подразделение вышло в тыл врага в районе озера Суоярви. У обочины дороги нами обнаружен труп красноармейца. Финские захватчики изуродовали тело бойца до неузнаваемости. Кисть правой руки отрублена и валялась около трупа. Верхняя часть лица и затылок разбиты тяжелым предметом. На грудной клетке, животе, боках видны многочисленные ножевые ранения.

Факты доказывают, что фашисты, захватив бойца в плен раненым, пытали его.

Документов при трупе не обнаружено и установить его личность не удалось.

Труп советского бойца похоронен нами. На могиле погибшего товарищи поклялись жестоко отомстить финским лахтарям за зверства над красноармейцем.

Капитан медицинской службы *Щукин*, младший сержант *Гришин*, красноармейцы *Смирнов* и *Степанов*

АКТ

о зверствах финских лахтарей, замучивших красноармейцев **Лященко Н. И. и Кусаинова Ж.**

13 июля рота гвардии старшего лейтенанта Кобеля вышла на выполнение боевого задания. При достижении указанного рубежа Кобелем была послана разведка. При выполнении этой задачи финны тяжело ранили кандидата партии гвардии старшего сержанта Лященко Николая Ивановича и комсомольца Кусаинова Жанобоя. Разведку возглавлял гвардии старший сержант Лященко. Он с донесением отослал красноармейца Нечитайло, а сам вдвоем с Кусаиновым остался на месте. Финны тяжело раненных Лященко и Кусаинова захватили и зверски замучили.

Когда рота выбила финнов с высоты, мы нашли трупы товарищей. Лященко имел две пулевых раны в живот и одну в руку, три ножевых раны зияли в горле. У красноармейца Кусаинова финны раздробили пулями череп и нанесли две ножевых раны в грудь.

Документы зверски замученных советских воинов финны забрали, но под ударами нашей роты они бросили и эти документы, и свои вещи, и вооружение. Документы и гвардейские значки найдены в полевой сумке убитого финна.

Трупы убитых советских воинов были похоронены на месте боя, а документы переданы парторгу батальона.

Командир роты гвардии старший лейтенант *Кобель*; командир 1-го взвода гвардии лейтенант *Решетиловский*; командир 3-го взвода гвардии лейтенант *Давыдкин*; старшие сержанты: *Кусакин, Гаркуша, Сидоров, Карташаев, Лошкарев*; младший сержант *Ратушняк*; красноармейцы: *Нечитайло, Тимошенко, Радченко, Патрахин, Серяков, Кадимиров, Бурков, Миловидов, Швашенцев* и другие

АКТ

Составлен 17 июля 1944 года о нижеследующем:

16 июля 1944 года в руки финских солдат и офицеров попала группа тяжело раненных бойцов и командиров воинской части (полевая почта 77612).

После изгнания с участка противника 17 июля 1944 года нами обнаружено 16 трупов, которые оказались в следующем состоянии:

1. У лейтенанта Агапова финны штыком выкололи глаза, ударами штыка череп пронзен насквозь.

2. У старшего сержанта Сергеева финны перерезали горло.

3. Старшему сержанту Быкову размозжили череп, а затем стреляли в него из автомата.

4. У красноармейца Шепилова ножом распорот живот, вывернуты наружу внутренности.

5. У красноармейца — разведчика Трубникова — имеются 6 штыковых ран в грудь и живот, сломана и вывернута правая нога, выколоты ножом глаза.

6. У красноармейца Миронова 7 ножевых ран.

7. У красноармейца Курет ножом перерезано горло, изрешечены пулями из автомата грудь, живот и голова.

8. Красноармейцу Локтионову финны выкололи левый глаз, после чего его добили несколькими очередями из автомата.

9. Тяжело раненных младшего сержанта Эсабуа, красноармейцев Дробышева, Овчинникова и Гусейнова после издевательств финны бросили в воронку от снаряда и забросали гранатами, в результате чего их тела изуродованы до неузнаваемости.

10. Легко раненных младшего сержанта Гуревич, красноармейцев Аксенова и Тимашева, которые после перевязки себе ран продолжали сопротивление, финны схватили и зверски замучили.

11. Красноармеец Бочкарев также был подвергнут издевательствам, после чего финские бандиты ему перерезали ножом горло.

12. У лейтенанта Агапова, старшего сержанта Сергеева, сержанта Быкова и красноармейца Трубникова финские вандалы сорвали с ран перевязки, открыли им раны, а затем учинили над ними зверскую расправу.

Майор *Чертков*, старший лейтенант медицинской службы *Пех*, старший лейтенант *Швенов*, старшина *Дудкин*, сержант *Зубков*, младший сержант *Ананьев*, сержант *Кудинов*, младший сержант *Большихин*, красноармейцы *Мальгин* и *Воробьев*

АКТ

Мы, нижеподписавшиеся, майор Дагаев, гвардии майор Рябков, капитан Чернявский и старший лейтенант медицинской службы Воронин, 17 июля 1944 года составили настоящий акт в том, что в районе боев нами обнаружены трупы лейтенанта Ершова и рядового Луценко, истерзанные финскими мерзавцами.

Лейтенанту Ершову нанесены три ножевых раны в области грудной клетки. У красноармейца Луценко раздроблен топором череп.

На основании детального осмотра трупов советских воинов мы заключаем, что финские бандиты зверски издевались над ранеными советскими военнослужащими, а затем убили их.

(Подписи)

АКТ

17 июля 1944 года, мы, нижеподписавшиеся, гвардии майор Рябков А. Н., капитан Норинский М. И., сержант Лозовик В. О., сержант Синцов Н. О., стар-

шина Шарапов Ю. П. и гвардии красноармеец Рябков А. Н., составили настоящий акт в том, что на подступах к деревне Гинденвара, Карело-Финской ССР, нами обнаружены зверски изуродованные трупы советских бойцов и офицеров. Как установлено, финские изверги издевались над младшим лейтенантом Щукиным, старшим лейтенантом Русских и красноармейцем Немковым.

У красноармейца Немкова разбит череп, отрезаны руки и ноги. Следы дикой расправы видны и на других трупах, у которых тоже отрезаны конечности и изуродованы лица.

(Подписи)

Финны у трупов замученных ими красноармейцев.
Снимок изъят у убитого финского офицера 25 июня 1944 г.

АКТ

19 июля 1944 года. Мы, нижеподписавшиеся, инструкторы политотдела 69 Краснознаменной Морской стрелковой бригады майор Фениев, младший лейтенант Злобин, зам. командира 3 ОСБ по политчасти майор Чебыкин и военфельдшер того же батальона младший лейтенант медицинской службы Конченко, составили настоящий акт о том, что, осмотрев трупы

красноармейцев Кузнецова Федора Ивановича и Рыжова Константина Павловича, мы установили:

Красноармейцы Кузнецов и Рыжов, захваченные финнами, зверски замучены.

Красноармеец Рыжов сильно избит каким-то тупым предметом, о чем свидетельствуют многочисленные следы ударов на трупе. У Рыжова обнаружена ножевая рана в области живота.

На трупе красноармейца Кузнецова обнаружено свыше 10 пулевых ран, расположенных близко друг от друга.

(Подписи)

АКТ

20 июля 1944 года. Мы, нижеподписавшиеся, майор Тухватуллин К. М., старший лейтенант Андриейкович Т. П., капитан Хаккарайнен Т. А., старший сержант Иванов В. И. и младший сержант Березин Ф. Н., составили настоящий акт в следующем:

В районе Коллан-Йоки нами обследованы братские могилы бойцов и командиров Красной Армии, павших в боях с белофиннами в 1939—1940 гг.

За годы оккупации финские варвары разрушили и осквернили дорогие советскому народу могилы советских воинов.

Установлено:

1. На всех могилах сняты, разбросаны и частью сожжены ограды.

2. Гранитные обелиски с надписями повалены на землю и разбиты, а шлифованные гранитные плиты увезены.

3. На могилах финны пасли коней.

4. Уничтожив кладбище бойцов и командиров Красной Армии, финны устроили за этой территорией свое кладбище, причем проделали дорогу к нему прямо по могилам наших воинов.

(Подписи)

АКТ

21 июля 1944 г. Настоящий акт составлен майором Петраш Н. А., майором Быковым Ф. А., старшим лейтенантом Прах В. А., сержантом Жиряковым И. Р. и рядовым Калебаровым А. Г. о том, что, проходя по лесной дороге, идущей от озера Карпи-ярви через реч-

ку Валкоа-оя к железной дороге между станциями Лоймола и Питжеки и проверяя братские могилы погибших наших героев войны 1939—1940 г., мы установили, что двенадцать братских могил взорваны финскими захватчиками. Взрывы произведены путем закладки в могилы взрывчатых веществ. Деревянные памятники с надписями разломаны, деревянные ограды могил также сломаны и разбросаны в стороны.

Взрывчатка закладывалась в землю на глубину 120—150 см. Силой взрыва выброшены скелеты трупов и одежда погребенных советских воинов наружу. Некоторые могилы заминированы с целью воспрепятствовать их восстановлению.

Установлено, что братские могилы погибших красноармейцев и командиров Красной Армии взорваны финнами в июне — июле 1944 г. организованным порядком.

(Подписи)

ПЯТЬ ФАКТОВ

1. О зверствах фашистов над ранеными бойцами рассказали раненые бойцы, прибывшие в госпиталь. Один из бойцов 205 КСП был найден на поле боя изуродованным. Будучи еще в сознании, боец рассказал: «Наша рота была вынуждена отойти, а я, тяжело раненный, остался. Ко мне подошел немецкий офицер и по-русски спросил: «Что, тебе тяжело двигаться? Вот я тебе сейчас помогу», — и, выхватив нож, ударил меня по горлу. Нож прошел около подбородка и горла мне не перерезал». Когда наша рота заняла вторично этот участок, боец истекал кровью. Умирая, он успел рассказать, как над ним издевался немецкий офицер.

2. С 12 на 13 сентября 1941 года без вести пропал красноармеец Щупушкин. 14 сентября труп Щупушкина был найден сержантом Приваловым в 200 метрах от переднего края обороны. При осмотре трупа бойца обнаружено: горло изрезано, грудь сожжена, все тело изуродовано.

3. На Кандалакшском направлении у убитого солдата 324 ПП немецкой армии (фамилия не указана) найден дневник, начатый 26 июня и законченный 27 июля. В дневнике говорится о зверствах над пленными красноармейцами. Например: 19 июля записано:

«Финны распределены между нашими подразделениями для ведения разведки. С оружием и ножами они рыщут по лесам. Никого финны в плен не берут. У каждого русского, которого они поймают, вырезают горло для показа».

4. Пленный Вашанг и другие пленные показывают, что немецкие солдаты имеют приказ — политработников в плен не брать, а расстреливать на месте. Солдат Койвула показал, что он видел русских пленных, из них двух офицеров. Один офицер на допросе в штабе полка отказался отвечать на вопросы. Его отвели от штаба на 200 метров и расстреляли. Второй офицер — лейтенант — был тяжело ранен в ногу и на допросе вообще ничего не отвечал: его отправили пешком в штаб дивизии за 10 км. Койвула слыхал, что он и там ничего не говорил.

5. 6 августа санитарный самолет «Дуглас» поднялся с советского аэродрома в воздух. На борту самолета находилось 16 раненых, которых эвакуировали в г. Архангельск. Спустя некоторое время фашистский истребитель, скрывавшийся за облаками, напал на «Дуглас» и обстрелял его. В результате обстрела был убит красноармеец Крылов и получили тяжелые ранения 2 уже раненных красноармейца: Фомин и Верзин. Также повторно ранены бойцы: Авакуров, Прохоров, Стольников и Мосиков.

Начальник политотдела 14 армии *Григорович*

28 ноября 1941 г.

ТРАГЕДИЯ В ПУСКУ-СЕЛЬГЕ

Это было близ Пуску-Сельги — маленькой деревушки на живописном холме у широкого озера. Здесь разгорелся жестокий бой и наши гвардейцы выбили финских захватчиков.

И у этой деревни разыгралась жуткая трагедия, от которой стынет кровь в жилах.

Возле Пуску-Сельги лежали наши раненые бойцы, они ожидали санитарной машины. Из леса неожиданно выскочило несколько финнов. Это были остатки разгромленного в Пуску-Сельге вражеского батальона. Потерпев жестокое поражение в бою, они решили отыграться на раненых бойцах.

Лахтари учинили жестокую расправу. Изверги глумились над ранеными советскими воинами. Они добивали раненых. Они сожгли санитара Русина. Они распарывали ножами животы у наших бойцов. Они вырезали на груди у гвардейца Гришкина гвардейский знак. Маннергеймовцы зверски умертвили 41 раненого бойца. У гвардии лейтенанта Сыч расколот череп, выколоты глаза. Они нанесли гвардии красноармейцу Князеву пять штыковых ран. Он умер мучительной смертью. У гвардии сержанта Артемова они изрезали лицо ножом. Изверги размозжили многим раненым бойцам головы прикладами, распороли животы финками.

7 августа 1944 г.

Из красноармейской газеты
«В бой за Родину»

РАССКАЗ

гвардии сержанта И. Щучка

В бою за деревню Пуску-Сельга я был ранен в ногу и лежал близ дороги под кустом. Вдруг из-за деревни выбежала группа лахтарей. Ко мне подскочил финский офицер и дал из автомата очередь. Пули впились в руки. Одна пуля оцарапала висок и щеку. Я был ранен. Лахтарь решил, видимо, что я убит, и стал шарить у меня в карманах и вещевом мешке.

Рядом со мной лежал боец Гришкин. Забрав, что было в моих карманах и мешке, финский офицер побежал к Гришкину. Я видел, как он выхватил из ножен финку и стал что-то вырезать у бойца на груди. Боец мучительно кричал, — я до сих пор слышу его голос, — а финский офицер, смеясь, говорил на ломаном русском языке: «Вот будет у тебя гвардейский знак...»

Я догадался, что проклятый лахтарь вырезал гвардейский знак на груди у нашего раненого бойца. Затем фашист финкой распорол ему живот.

Чуть подальше в кустах лежал тяжело раненный боец Ермошин. Злодей услыхал его хрип, подскочил к нему и два раза полоснул его по животу своей окровавленной финкой.

РАССКАЗ

гвардии сержанта И. Маркова

У меня нехватает слов, чтобы описать вам, что я видел во время расправы финнов с нашими бойцами. Как разъяренные звери, они носились от одного раненого к другому и резали, рубили, стреляли, грабили. Долговязый лахтарь схватил за ствол ручной пулемет и с размаху ударил им в грудь младшего лейтенанта Чеснокова, у которого не было сил защищаться. Я закрыл глаза от ужаса. В это время ко мне подбежал рыжий детина, перевернул меня и стащил с плеч вещевой мешок. К счастью, тут послышались разрывы наших мин, и финны бросились бежать. Меня подобрали прибежавшие к месту кровавой расправы бойцы.

РАССКАЗ

гвардии старшего сержанта В. Крючкова

Когда финны выскочили из деревни, я лежал, раненный в руку, на открытом месте. Увидев финнов, я стал отползать в сторону, чтобы спрятаться. Но лахтари открыли огонь, и я был вторично ранен в ногу. Все же мне удалось отползти в канаву. Здесь лежали еще пять раненых бойцов. Финны подбежали сюда и началась кровавая расправа. Одному бойцу они всадили из автомата четыре пули в глаза. А всех остальных, в том числе и меня, били и топтали ногами. Они выворачивали у нас карманы и забирали все, что там было. Закончив истязания и грабеж, лахтари стали стрелять в нас в упор. Пуля поцарапала мне бок, и я притворился мертвым.

Неподалеку от меня находился раненый санитар, гвардии красноармеец Русин. Финны облили Русина горючей жидкостью и сожгли его.

Июль 1944 г.

ОЧЕВИДЦЫ СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ

Капитан В. Чебыкин рассказал:

«Мы осторожно продвигались по лесу, постепенно приближаясь к окраинам деревни, и вдруг из кустов послышался слабый стон. Немедленно был дан приказ

осмотреть кусты. Минуту спустя кусты раздвинулись, бойцы осторожно вынесли человека в красноармейской шинели. «Раненый», — подумал я и подошел поближе. Я посмотрел раненому в лицо, но вместо лица увидел страшную черную маску, из которой выступали огромные пузыри. На голове раненого не было волос, на лице половина бровей сгорела. Несчастный пытался что-то сказать, но язык плохо повиновался ему. С трудом мы разобрали несколько слов: «Финны сожгли... в деревне раненые»...

Над деревней поднимались языки пламени. Каждый из нас подумал о том, что в этот момент в подожженных врагом домах заживо сгорают советские люди. Это придало нам новые силы. Бойцы, утомленные длительным боем, снова поднялись в атаку и стремительным ударом выбили финнов из деревни. На окраине ее догорали два дома. Мы бросились к ним, стали разрывать бревна. Рядом с полуобгорелыми балками, почерневшими от огня, почерневшими металлическими предметами — котелками, противогазами, мы обнаружили обгоревшие тела товарищей, которых мы не успели спасти.

Через несколько дней раненый, которого мы спасли, немного оправился и рассказал о страшном злодеянии финских извергов в деревне И. Заняв эту деревню, финны захватили перевязочный пункт одного из наших подразделений, где находились раненые. Услышав шум приближающегося боя, наши бойцы воспрянули духом. Им казалось, что спасение близко, это понимали и финские гады. Они решили сорвать свою злобу на беззащитных раненых, облили керосином оба дома, где помещался перевязочный пункт, и подожгли его. Чтобы никто из раненых не мог спастись, финские автоматчики окружили дом и расстреливали всех, пытавшихся выброситься из окна. Избежать мучительной смерти удалось только одному раненому. В момент, когда финны подожгли дом, он находился в коридоре и сумел незамеченным выползти во двор и скрыться в кустах».

Группа финнов захватила раненого красноармейца Янко. Фашистские мерзавцы учинили над ним чудовищную расправу. Отбив у врага труп Янко, наши бойцы привезли его в санчасть.

«Моим глазам, — рассказывает осматривавший труп

капитан медицинской службы Степанов, — представилась страшная картина. Спина красноармейца Янко была вдоль и поперек исполосована ножами. Трудно было даже подсчитать количество ножевых ран, так как все тело советского воина представляло кровавый кусок мяса».

«Я своими глазами видел кровавые дела финнов», — сказал на красноармейском собрании Н-ской части ефрейтор Петров, награжденный орденом Красного Знамени. Он рассказал следующее: «В 1941 году я со своими товарищами был в разведке во вражеском тылу. Однажды мы пробрались на сопку, которую недавно заняли финны. Переползая, я наткнулся на труп неизвестного мне красноармейца. У него были отрублены руки. Это финны замучили нашего пленного красноармейца. В другом месте, недалеко от пути, в канаве мы увидели сваленные в кучу трупы красноармейцев. Они были изуродованы до неузнаваемости. У многих были отрублены руки, ноги, некоторые были без голов».

Ефрейтор Григорий Никитин рассказал: «Я видел собственными глазами, как финские мерзавцы издевались над пленными красноармейцами. Будучи в разведке в тылу врага, мы обнаружили следы неслыханных злодеяний финнов. Одному красноармейцу бандиты отрубили голову, второго привязали к дереву и долго издевались над ним, отрезали ему уши, выкололи глаза, а затем расстреляли из автомата. В золе костра были найдены человеческие кости и металлические части советской винтовки».

«Я был очевидцем зверств финских изуверов. Наши бойцы отогнали финнов и нашли в их траншеях трупы советских бойцов, зверски замученных фашистами. У многих бойцов губы были прошиты ржавой проволокой, были вырезаны глаза. На лбу и на груди советских бойцов вырезаны звезды».

Из выступления на красноармейском митинге офицера А. Федорова

Очищая район Н. от финнов, бойцы наткнулись на жуткую картину.

Трупы зверски замученных раненых красноармейцев лежали неубранными на земле.

Невозможно было установить, кто они, эти зверски умерщвленные воины Красной Армии. У убитых были отрезаны уши, выколоты глаза, лица обезображены штыками. У одного бойца финские живодеры отрезали половой орган. Только гитлеровские и финско-фашистские бандиты, выродки рода человеческого способны на такие гнусные преступления.

Недавно боец одного подразделения Артем Якимович Чабак подвергся нападению финнов. Захватив его в плен, бандиты хотели заставить воина Красной Армии рассказать им о численности наших войск, о количестве вооружения и т. д.

Тов. Чабак — верный сын родины — не выдал врагу военной тайны. Обозленные фашисты, как указывает акт, составленный на медицинском пункте, «искололи ему руки и ноги острым режущим инструментом, отрезали уши».

Крики и стоны истязуемого товарища услышали красноармейцы и поспешили на выручку товарища. Окровавленный боец был доставлен на медпункт, где ему оказали помощь.

Л. Генин

Январь 1942 г.

«Ворвавшись на высоту, мы увидели страшную картину финских издевательств над ранеными красноармейцами. Лицо Кузьмина до неузнаваемости было исполосовано ножом. Карышев лежал с перерезанным горлом. Табачникову фашисты вспороли живот. С болью в сердце мы смотрели на истерзанные трупы товарищей».

Старшина *Ф. Парфенов*

Газета «Знамя победы»
от 14 августа 1944 г.

«Зимой 1942 г. я был в разведке в тылу у противника. В районе Кимасозера мы обнаружили в лесу избушку, а в ней увидели трупы, привязанные за руки к потолку. Ноги людей обгорели, внизу виднелись следы костра. По остаткам одежды нам удалось установить, что это были трупы красноармейцев.

В 1942 г. в одном из неравных боев с финнами, в тылу их обороны был тяжело ранен пулеметчик Петелин. Потом мы нашли его труп изуродованным, нос и уши были отрезаны».

Красноармеец *Майоров*

«Это было в дни, когда на нашем участке фронта шли бои. Два взвода финнов, переодевшись в красноармейскую форму, проникли к нам в тыл и напали на одно наше подразделение.

Я своими глазами увидел тогда впервые, на что способны финские бандиты. Они учинили зверскую расправу над нашими воинами и надругались над их трупами: выкололи глаза, отрезали уши, изуродовали лица глубокими ножевыми ранами».

Ст. сержант *Н. Яволайнен*

«На одной из шоссейных дорог в южной части Карелии я однажды увидел две советских грузовых автомашины. Они были вполне исправны, чем-то нагружены, но не двигались. Я подошел поближе и мне представилось страшное зрелище. Оба шофера-красноармейца валялись полуголые возле своих машин. У того и другого кинжалом были изрезаны спины, выколоты глаза.

Холодный пот выступил на моем теле, и сердце облилось кровью при виде замученных и зверски растерзанных товарищей. Своими глазами я убедился тогда, на что способны финские холопы Гитлера в своих хищнических стремлениях захватить Советскую Карелию».

Рядовой *А. Белоконев*

БАНДИТСКИЙ НАЛЕТ НА ГОСПИТАЛЬ В ПЕТРОВСКОМ ЯМЕ

«В ту памятную ночь, когда финско-фашистские двуногие звери совершили это кровавое злодеяние, я находился на излечении в госпитале в прифронтовом населенном пункте.

Примерно до часа ночи я лежал в палате и читал книгу. Стало клонить ко сну. Вдруг мне показалось, что я нахожусь на передовой и что кругом стреляют. Это была страшная действительность. Я очнулся. Вокруг шла стрельба. Я успел лишь крикнуть, призывая кого-нибудь на помощь, как в палате разорвалась граната. Осколками этой гранаты ранило меня.

То, что происходило тогда в госпитале, не поддается описанию. Финны облили бензином все входные двери и подожгли здание. Внутри все заволокло ды-

мом. Отовсюду доносились душераздирающие крики, стоны, вопли. Больные и раненые выползали через окна, делали все, пытаясь выбраться из этого кромешного ада. Но спастись не удавалось. Многие мои товарищи-красноармейцы погибли. Финские изверги в упор расстреливали тех, кому удавалось выбраться из горящего здания.

Чудом мне удалось уцелеть. Медицинская сестра Шура Ларионова, рискуя своей жизнью, вынесла меня из палаты, охваченной пламенем».

Мл. сержант *В. Бархатов*

«С тех пор, как это свершилось, прошло уже два года. Но я помню все до мельчайших подробностей. Я не могла ничего забыть, ибо такое никогда не забывается.

...Ночную тишину вдруг нарушили зловещие разрывы гранат и треск автоматов. Я выскочила из помещения. На дворе было светло. Горели госпитальные постройки, столовая, караульное помещение. Слышались крики и стоны раненых и больных красноармейцев, в снегу лежали убитые медицинские сестры и санитарки.

«Надо спасать раненых», — подумала я и бросилась в горящее здание. Когда я выводила из палаты бойца, навстречу выбежал финн и выстрелом в упор ранил меня. Следующим выстрелом он убил бойца. Превозмогая боль, я снова бросилась в горящий коридор. Из огневого пекла навстречу мне бежала медсестра Гуляева. Изо рта у нее лилась кровь. В тот момент, когда она пыталась вынести из огня красноармейца, финские бандиты прострелили ей грудь и лицо...

Страшная была эта ночь. Финны расстреляли и сожгли 25 раненых бойцов и медицинских работников госпиталя».

Капитан медицинской службы *Н. Липская*

ФАШИСТСКИЕ КАННИБАЛЫ — ЛЮБИТЕЛИ ЧЕРЕПОВ И СКАЛЬПОВ

Письмо старшего лейтенанта В. Андреева в газету «Комсомольская правда» 11 августа 1944 г.

«Дорогой товарищ редактор! Взгляните вот на это фото, которое я вам посылаю. На нем снят лейтенант

финской армии Олкинуора. В руках у него череп замученного и убитого им красноармейца. Как показали пленные, этот зверь в мундире решил сохранить «на память» череп своей жертвы и приказал солдатам выварить его в котле и очистить. Но этого финскому садисту показалось мало. Он решил сфотографироваться с черепом, чтобы отправить этот снимок к себе домой.

Финским мерзавцам мало совершать чудовищные преступления. Они хотят еще наслаждаться воспоми-

Финско-фашистские бандиты вываривали себе „на память“ черепа из голов убитых красноармейцев. На снимке финский лейтенант Олкинуора с черепом красноармейца.

наниями о них, глядя на такие снимки. Вот и в чемодане у взятого в плен финна Саари мы нашли фотоснимки вроде этого. Саари истязал пленных, отрубал им руки и ноги, вспарывал животы. Он даже установил систему: сначала отрубал ступни, кисти рук, потом голени, предплечья и только потом отсекал голову. На снимках, найденных у Саари, — страшные виды: отрубленные головы, отсеченные ноги и т. д. . .»

(Подпись)

Взятый в плен капрал медицинской службы 8-й роты, 9-го пехотного полка, 7-й финской пехотной дивизии Тууре Контканен показал:

«В начале весны, в феврале — марте 1943 г., в землянке зашел разговор о гибели капрала Тойво Пухакка, и здесь же вспомнили, что осенью 1941 г., в ноябре — декабре, после окончания наступательных действий, лейтенант Имму Сихвонен отрубил голову у трупа одного красноармейца и путем вываривания головы в котле отделил от головы череп, который потом взял

Отрезанные голова, кисти рук и ступни ног советского воина. Снимок найден в чемодане захваченного в плен финского солдата Саари в районе поселка Масельская (1944 г.).

себе как память о войне. Сихвонен был тогда временно командиром 8-й роты. Об этом случае я слышал в вышеуказанное время. Рассказывал об этом младший сержант Хейкки Пийтулайнен. Во время разговора присутствовали и разговор слышали солдат Алпо Мякинен, солдат Тансканен и я.

Среди солдат в землянке был потом разговор, что этот череп Сихвонен использовал в качестве пепельницы.»

Пленный капрал 4-й роты 25-го отдельного батальона 15-й финской пехотной дивизии Кауко Иоганнес Ханкисуо 6 июля 1944 г. показал:

«Во время поездки в отпуск я слышал от солдата Маркус Койвунен о таком случае. Один взвод глубокой разведки бронедивизии Лагуса поймал весной 1943 г. где-то в Карелии красноармейца. Финские разведчики скальпировали красноармейца, повесили скальп на сук, а затем убили пленного. Из этого вы можете заключить, как у нас относятся к русским военнопленным».

Август Лаппетеляйнен, младший сержант медицинской службы 7-й роты 30 ПП, 7 ПД финской армии сделал следующее заявление командованию Красной Армии:

«25 апреля 1943 г. я и командир 2-го взвода фельдфебель Эско Саволайнен отправились на КП 7-й роты для того, чтобы по просьбе командира взвода предложить командиру роты выпить. Командир роты Сеппо Русанен обратился ко мне: «Послушайте, младший сержант Лаппетеляйнен. У меня есть для вас задание, а именно: мне нужно достать человеческий череп, и вам, как медицинскому работнику, нужно будет вываривать голову, чтобы достать череп». Я ответил: «Да, господин лейтенант, значит надо варить». Затем он сказал: «Об этом деле я сообщу вам позднее».

26 апреля, т. е. через день после этого, командир роты позвонил мне и приказал явиться к нему, захватив с собой топор. Я явился к нему. Затем командир роты, я и ездовой солдат Ханнес Саволайнен отправились на лошади по направлению на север — по участку нашего батальона. Проехали около 2 километров. Там был расположен опорный пункт Калле, куда зимой делали нападение русские разведчики на жилую землянку. Здесь, около этой землянки, были убиты три красноармейца; их трупы валялись неубранными.

Командир роты сказал мне, что нужно эти трупы осмотреть и проверить головы, установив, у кого из них имеются целые и здоровые зубы. И когда мы с командиром роты осмотрели эти трупы, то он нашел подходящую голову и сказал мне, чтобы я отделил голову от туловища. Я находящимся при мне топором отрубил голову. Затем лейтенант сказал мне: «Возь-

мите эту голову на лопату, а я ее сфотографирую». Голову он сфотографировал своим аппаратом. Затем лейтенант Русанен сказал мне, что я ее должен буду выварить как можно быстрее, чтобы она не испортилась.

До того, как я положил голову в котел, пришел лейтенант и еще раз сфотографировал ее.

Закончив всю эту работу, я отнес череп командиру роты лейтенанту Русанен.

После этого я видел этот череп на его рабочем столе. А затем в первых числах августа Русанен поехал в отпуск и взял череп с собой. По рассказам солдат отделения управления Лиявала и Рясянен, Русанен отвез череп в подарок своей невесте.

Военнопленный младший сержант медицинской службы *Август Лаппетеляйнен».*

(Перевод с финского)

2. В КОНЦЕНТРАЦИОННЫХ ЛАГЕРЯХ ДЛЯ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

В ТОМИЦКОМ ЛАГЕРЕ № 5

Котов Иван Иванович, уроженец деревни Плахтино, Серебрянского района, Смоленской области, показал:

«В финских лагерях для советских военнопленных я находился с 4 ноября 1941 г. по 5 сентября 1942 г. За это время я побывал в Петрозаводском и Томицком лагерях для военнопленных. Условия жизни советских людей в этих лагерях невыносимы. Военнопленные содержались в жутких антисанитарных условиях. В баню нас почти не водили, белье не меняли. Спали мы по 10 человек в комнате, имеющей площадь в 8 квадратных метров. Вследствие этих жутких жилищных условий у военнопленных было множество вшей. В сутки военнопленным выдавалось по 150 граммов недоброкачественного хлеба. Питание было таким, что военнопленным приходилось летом тайком от администрации лагерей ловить лягушек и этим поддерживать себе жизнь. Люди питались травою и отбросами из помойных ям. Однако за срыв травы, ловлю лягушек и сбор отбросов из помойных ям военнопленные жестоко наказывались.

На работу выгонялись все — и раненые и босые военнопленные. В лагерях был введен рабский труд. Зимой военнопленных запрягали в сани и возили на них дрова. И когда обессилевшие люди не могли тянуть воза, то финские солдаты нещадно избивали их палками, пинали ногами. Все это пришлось испытать

мне лично в Петрозаводском лагере, когда я работал на погрузке дров в вагоны.

На военнопленных финны также возили воду и другие тяжести. Ежедневно мы работали по 18 часов в сутки. Военнопленные в этих лагерях не имели никаких прав, кто из финнов хотел, тот их и избивал. Без всякого суда и следствия в лагерях расстреливали ни в чем неповинных людей. Живых, но обессилевших, выбрасывали на снег. Я был очевидцем таких фактов:

1. В январе 1942 г. красноармейца Чистякова перед строем избили за то, что он нашел где-то рваный сапог и принес в расположение лагеря. По распоряжению начальника лагеря Чистяков был раздет и избит прутьями до бессознательного состояния. Начальник лагеря и исполнители-солдаты после каждого удара посматривали друг на друга и улыбались. Удары делались строго по времени. В каждую минуту наносился один удар.

2. 29 апреля 1942 г. в Томицком лагере № 5 военнопленный Бородин был забит финскими живодерами до смерти.

3. В первых числах февраля 1942 г. в Петрозаводском лагере одного из военнопленных расстреляли на глазах у всех военнопленных за то, что он, будучи в уборной по естественным надобностям, задержался, как показалось начальнику лагеря, слишком долго. После расстрела труп военнопленного отвезли на свалку и бросили его там.

4. В первой половине февраля 1942 г. я работал на погрузке дров на станции Петрозаводск. В это время мимо дровяного склада из Деревянского лагеря провозили двух обессилевших красноармейцев. Не доезжая до склада, этих военнопленных, еще живыми, финский солдат выбросил с саней на снег и оставил их замерзать.

5. В июле 1942 г. на сенокосе в Томицком лагере № 5 за срыв щавеля финский солдат натравил собаку на военнопленного Суворова, которая изгрызла Суворова до неузнаваемости.

6. В конце июля 1942 г. в этом же лагере военнопленный Морозов во время сенокоса солил сено и взял щепотку соли. За это его финский солдат жестоко избил.

7. В первых числах августа 1942 г. по распоряже-

нию начальника Томицкого лагеря № 5 на двух военнопленных (фамилии последних не знаю) натравили стаю собак, которые сильно искусали советских людей. Бандиты затем расстреляли военнопленных и трупы их бросили на территорию лагеря для всеобщего обозрения военнопленных. За что эти люди были подвергнуты таким чудовищным пыткам и расстрелу — никому неизвестно.

8. В этом же лагере военнопленного Чума в июле 1942 г. так избили, что он не мог подняться. Били Чума, как объявил начальник лагеря, за то, что он взял из помойной ямы шелуху от картофеля.

9. В апреле 1942 г. привели в баню больных военнопленных и посадили на полок. Финский солдат зачерпнул из бочки кипятку и стал вместо каменки поливать кипятком военнопленных, в результате чего многие из них были ошпарены.

Все эти зверства над красноармейцами чинились по распоряжению начальников лагерей».

В ЛАГЕРЕ № 8062 В ДЕРЕВНЕ КОНДОПОГА

Федосова Валентина Петровна, из дер. Лисицино, Заонежского района К-Ф ССР, рассказала:

«Я хорошо помню, что в феврале 1942 г. в дер. Кондопога финны доставили русских военнопленных в количестве до 300 человек. Дом, в котором мы жили, они заняли для размещения русских военнопленных. В последующем в лагерь прибыло еще несколько партий. Лагерь числился под № 8062.

Я лично знала военнопленных: Валентина (фамилии не знаю, ранее работал в г. Медвежьегорске), Андрея (фамилии не знаю, по национальности эстонец), которые в первое время часто посещали нашу квартиру, а в последующем мылись в нашей бане. От этих лиц мне стало известно, что в лагере военнопленных существовал очень тяжелый режим. Русских военнопленных финны морили голодом, избивали и расстреливали за самые малозначительные проступки, в частности, за невыход на работу. Я лично видела много военнопленных, которые от голода и слабости не могли двигаться и на работе, шатаясь, падали. Их потом отвозили на лошадях в лагерь и там избивали, отчего вскоре они умирали.

В лагере был голод. Работая на бирже, зимой 1942 г. я видела лично, как русские военнопленные, греясь у огня, ели дохлых кошек, или ходили по помойкам, ямам и брали помои, вернее всякую грязь и употребляли ее в пищу. Летом 1942 г. военнопленные собирали траву и ели. Они находили на улице разные остатки мяса убитых или дохлых животных, от которых сильно воняло, и ели. Помню еще, что ле-

Советские военнопленные в лагере в Финляндии. Все пленные ходят босиком. Зимой они также оставались без обуви.

том 1942 г. советские военнопленные на двух лошадях возили в лагерь дохлое мясо павших лошадей. Я шла тогда в магазин и видела это мясо. Мне не только тогда, но и сейчас становится страшно, когда вспомнишь о том, как могли люди есть гнилое и сильно пахнущее мясо. Я спросила у военнопленных, что они везут; военнопленные ответили, что везут падаль и будут ее кушать.

Мясо советские военнопленные везли в сопровождении охранников лагеря, которые дорогой смеялись над тем, что русские военнопленные везут дохлое и страшное мясо для пищи. Охранники говорили: «Русские все съедят».

Я видела много раз, как на бирже финские охранники Лайне и Алатало, сержант и другие систематически избивали до смерти советских военнопленных.

Однажды у лагеря лежал советский военнопленный, который сам не мог дойти до лагеря. Когда я спросила у охранника Кусти Раутавуори, то он ответил, что военнопленный подстрелен. Это было зимой 1942 г. Через некоторое время я лично видела, как трупы трех расстрелянных советских военнопленных на лошади везли по дороге на дер. Новинка.

Массовым уничтожением советских военнопленных занималась финская администрация лагеря: младший сержант Ристо Миккола, лейтенант Вирранкоски, старший сержант Яакко Алатало, старший сержант Саариcто и другие».

Копылов Яков Григорьевич, уроженец дер. Анфантово, Пришекснинского района Вологодской области, рассказал, что он 5 декабря 1941 г. с разрешения финских властей поселился в деревне Старая Кондопога. К этому времени в деревне уже существовал лагерь № 8062, в котором помещались советские военнопленные.

«Как мне стало известно от военнопленных, — говорит Копылов, — в указанном лагере находилось 750 человек. Второй небольшой лагерь военнопленных, примерно в 50 человек заключенных, существовал с 1941 г. в городе Кондопога, в доме Сунастроя, по Коммунальной улице. Военнопленные из лагеря № 8062 финскими властями использовались на самых тяжелых работах: на выкатке, разделке, погрузке и отправке древесины и дров в Финляндию. Военнопленные из лагеря по ул. Коммунальной финскими властями использовались только на ремонте полотна железной дороги.

В течение существования лагеря № 8062 я был знаком с военнопленными за № 22 и 596 (фамилий и имен их не знаю). От этих лиц мне стало известно, что в лагере № 8062 властями был установлен режим террора и истребления советских военнопленных. Кормили в лагере людей кусочками галет и водой, а работать заставляли много. Советские военнопленные с каждым днем теряли силы и не могли работать, большинство их ходило с помощью палок. Много, очень много советских людей умирало от голода, а тех, кто пытался есть дохлых собак, кошек и павших лошадей, финские фашисты расстреливали. Я своими глазами видел сотни истощенных советских военнопленных,

которые падали на ходу. Тех, кто лежал и не мог подняться, финские фашисты убивали. После долгих мучений умерли от голода: Борькин Александр Васильевич, бывший председатель Кондопожской артели

Советские военнопленные в Финляндии
В пересыльном лагере.

«Игрушка», Лапин Василий (отчество не знаю), уроженец дер. Устьяндома, Заонежского района; фамилий и номеров других умерших военнопленных я не знаю. К июню 1942 г. из 750 человек в лагере всего осталось 194 военнопленных, остальные все умерли от голода или были расстреляны.

Расстрелы советских военнопленных производились внутри лагеря. Умерших вывозили за 1,5—2 километра от дер. Кондопога по дороге на Мянсельгу, или хоронили около кладбища. Когда зимой 1941-42 гг.

производилось массовое истребление советских людей, то мертвых вообще не хоронили, а вывозили и бросали в снег. И только весной 1942 г., когда от мертвых стал распространяться трупный запах, финны убрали трупы в окопы и засыпали землей. Из многих окопов торчали руки и ноги мертвецов. В 1943-44 гг. всех мертвых финны хоронили на кладбище дер. Кондопога.

Военнопленные Борискин, Лапин, Орехов Александр, за № 22 и 596 и многие другие у меня лично много раз просили не только хлеба или картошки, но и дохлых кошек, собак и т. д. Я лично поймал собаку и две кошки военнопленному за № 596, Борькину Александру нашел и дал голову павшей лошади. В мае 1942 г. я нашел павшую лошадь около кладбища деревни Кондопога. От этой лошади пахло падалью, по мясу ползали черви, но все же я решил о находке сказать военнопленным, которые в то время буквально умирали с голоду. Военнопленные № 22 и 596, вместе со своими товарищами, всего до 15 человек, вынесли мясо и потроха дохлой лошади и ели их.

Осенью 1941 г. жители деревни Кондопога забивали скот, а потроха от животных закапывали в землю. Весной 1942 г. (примерно в мае) я лично видел, как группа советских военнопленных откапывала эти потроха из земли, размывала и ела. Должен сказать, что потроха были совсем гнилые и от них разило падалью. Таких случаев было много. Дело доходило до того, что военнопленные шарили по помойным ямам и ели отбросы без всякого мытья и варки.

От военнопленных за № 22 и 596 мне известно, что старшина лагеря и старший переводчик лагеря избили до смерти 30 человек военнопленных, которые утром не могли подняться с досчатых нар на работу. Каждого, кто не поднимался, финны брали и бросали на пол, а потом добивали. Хорошо помню, как каждое утро военнопленные шли на работу; все они еле двигались, а вечером, держась друг за друга, возвращались обратно. Зимой большинство военнопленных выходило на работу с санями, чтобы подтащить друг друга. Много людей умирало на дороге. Их финны отвозили за деревню и бросали. Почти каждый вечер ходили три лошади по вывозке мертвых военнопленных. Военнопленных нередко финские фашисты при-

стреливали или избивали до смерти. Однажды один из военнопленных попытался бежать, но его задержали. Этого человека били резиновой палкой так, что вся кожа у него лопнула, и он через короткое время умер. Военнопленного Сафонова Ивана в декабре 1942 г. мы обнаружили мертвым голого в цементном складе. Его убили фашисты, так как он не мог ходить на работу.

Виновниками массового истребления советских военнопленных являются: начальник лагеря сержант Тикканен, который часто лично расстреливал, избивал и мучил военнопленных, мастер леса по имени Вирта и др.

Все эти палачи выехали в Финляндию и насильно угнали остатки военнопленных с собой».

21 июля 1944 г.

В ПЯЖИЕВОЙ СЕЛЬГЕ

В деревне Пяжиевой Сельге, освобожденной нашими подразделениями, находился лагерь советских военнопленных. В одном из бараков было обнаружено такое письмо бойцам Красной Армии, которое переслал в редакцию старший сержант Коробейников:

«Здравствуйте, дорогие товарищи! Пишут вам страдальцы Пяжиевой Сельги. Вот уже третий год, как вокруг нас враги. Хотелось бы кровью описать все, что пришлось нам пережить. Снова проходят перед нами ужасные сцены расстрелов и избиений. Все это было здесь в лагере!

Для человека, испытавшего муки плена в проклятой Суоми, не страшен ад со всеми его мучениями. Финны ставили людей на горячую плиту, равняли строй обессиленных людей при помощи очереди из автомата.

Рана на руке или на ноге считается у нас величайшим счастьем, она дает иногда избавление от непосильной работы, за которую, кроме избиения, ничего не получишь. Но беда, если болезнь внутренняя. Таких больных за руки и за ноги вытаскивали из барака на мороз и ударами гнали в лес. Были случаи, когда несчастные больше не вставали с земли.

Приходится кончать письмо, чтобы не вызвать подозрений у финнов. Товарищи, милые, дорогие, выручайте немногих, оставшихся в живых. Мы не мо-

жем бежать из плена. Все попытки бегства, которые были до сих пор, кончились расстрелом. А с тех пор, как фронт двинулся, мы сидим безвыходно за проволокой, под усиленной охраной. Надеемся на вас и ждем вас, дорогие товарищи!»

Красноармейская газета «Во славу Родины» за 2 августа 1944 г.

Раненный в ногу Силантьев попал в плен к финнам. После удачного побега он рассказал:

«В холодные, дождливые дни ноября пленных держали под открытым небом. Так мучительно тянулась неделя. Затем одну группу перегнали в лагерь для военнопленных на реке Шуя. Здесь всех разместили в полуразрушенных сараях.

Рано утром, когда полупьяный финский капрал с двумя солдатами явился в сарай, всех пленных подняли ударами прикладов с земли и велели построиться. Тех, кто подняться не мог, вытащили из сарая и под хохот и крики толпившихся снаружи солдат-конвоиров прикончили штыками.

С оставшихся сняли красноармейское обмундирование, отобрали сапоги и все вещи. Взамен выдали ветхую рвань и погнали на работу прокладывать дорогу, рыть канавы, таскать огромные камни. По пояс в холодной воде, в грязи заставляли работать по пятнадцать часов в день. Питание состояло из одной черной сухой лепешки финской галеты весом в 100 граммов, и нескольких ложек тепленькой бурды.

Каторжный режим — 15 часов изнуряющего труда в невыносимых условиях — соблюдается ежедневно. Когда заканчивался рабочий день и пленных пригоняли в бараки, конвоиры устраивали себе перед сном «развлечение». У входа в барак становился капрал и производил перекличку. Каждый, кого выкликали, обязан был подойти к дверям. Обратно на свое место он должен был ползти на четвереньках. Тех, кто не подчинялся, избивали прикладами и прутьями. Ругань и крики конвоиров, побои и другие издевательства сопровождали каждый шаг русских пленных.

Наступила зима. В сорокаградусные морозы и пургу пленных гнали на работу в ветхой одежонке, которая была выдана в ноябре. Питание оставалось прежним, с той только разницей, что часто вместо

лепешек давали горсть муки с отрубями и кружку горячей воды. Спали на земляном полу, на прогнившей соломе, в грязи и тесноте.

За всю зиму нас ни разу не водили в баню. Не было дня, чтобы в лагере не погибал кто-нибудь из пленных. Гибли от болезней, от побоев надсмотрщика, от удара штыком какого-нибудь шюцкоровца, которому не понравилось выражение лица пленного. Гибли от истощения и издевательств фашистских палачей.

Однажды пленный Беликов обратился к офицеру с жалобой на одного из конвоиров. Тот в лютый мороз отобрал у него тряпку, которой Беликов обматывал себе руки вместо рукавиц. Офицер подозвал солдата, рассказал ему о жалобе и велел тут же «извиниться» перед пленным. Все это заставили переводчика перевести всей группе пленных. Они слушали, не веря ушам своим. Когда ухмылявшийся офицер закончил это очередное глумление, он повторил приказание солдату «извиниться», и солдат, размахнувшись, так ударил Беликова прикладом в висок, что тот свалился замертво.

Среди военнопленных были и карелы. Финские бандиты на первых порах пытались с ними заигрывать. Назначали старостами, требуя, чтобы они выполняли роль надсмотрщиков и шпионов. Но ни один карел не захотел быть предателем, и вскоре их постигла участь остальных пленных. С ними обращались с такой же звериной жестокостью, как и с русскими, так же издевались над ними, так же избивали.

С группой других пленных нас перегнали в лагерь Пяжиева Сельга. Здесь работа оказалась еще тяжелей, конвоиры еще более злобными. За каждое медленное движение — удар железным прутом, за каждое слово, сказанное товарищу, — побои, за малейшее невыполнение заданного «урока» — лишение пищи. Здесь «развлекались» повара, выдававшие раз в день жидкую вонючую похлебку. Каждый, подходивший с кружкой к кухне, получал удар ложкой по лбу».

ЛАГЕРЬ СМЕРТИ В МЕДВЕЖЬЕГОРСКЕ

Окраина Медвежьегорска. На противоположной стороне города в районе санатория и военного городка еще идет бой. А здесь уже тихо. Перед нами

раскинулся громадный лагерь — здесь томились русские военнопленные, здесь убивали и пытали советских людей.

Два высоких, густо переплетенных колючей проволокой забора отделяли военнопленных от внешнего мира. Много, очень много тонн проволоки израсходовали финны на этот лагерь.

Вот отдельный барак. Вокруг него на два человеческих роста забор, оплетенный колючей проволокой. За забором еще несколько рядов проволоки. Это лагерь в самом лагере. В бараке — маленькие темницы. Здесь пытали и убивали советских людей.

Колючая проволока на каждом шагу. Ею оплетены бараки и камеры, дорожки и уборные. Проволока и массивные железные решетки на окнах. Проволока на кухне, в «столовой», где кормили гнилой картофельной шелухой. Проволока везде!

Из бараков несет вонью. Длинные ряды совершенно голых и грязных нар. Здесь, в невероятной тесноте и мучительных условиях, томились советские люди. Но сейчас никого нет. Мы ищем свидетельств об этой страшной жизни. Не может быть, чтобы наши люди ничего не сообщили о себе. И находим.

Вот на грязных нарах, в щели между досками, торчит маленькая бумажка. Она написана кровью и слезами:

«Дорогие братья русские! Нас угоняют из Медвежки под конвоем в неизвестном направлении.

Русские пленные...»

Переворачиваем листок. Продолжение записки. Удается разобрать: «Мстите, родные, за нас: Орлов, Алексеев, Никитин, Юнов, Кулнускин.

Ленинград, Моховая, дом 45, кв. 13».

Это, очевидно, адрес одного из тех, кто угнан в рабство.

В другой камере, где нет ни луча света, находим старый конверт. На нем написано:

«Петрозаводская область, Медвежьегорск. Здесь проживал в плену русский военнопленный Попов Федор Иванович, 1942 г., 16 декабря».

В темнице, где, видимо, ожидали своей страшной участи смертники, на дверях сохранилась такая надпись:

«Я не вынес мук и убил фельдфебеля. Финны пы-

тали. Вот здесь жил и приговорен к смерти за убийство фельдфебеля. Николай Каширин».

Обходим камеру за камерой. Вот одна из них в полуподвале. В нее не проникает луч света. Потолок и стены оплетены колючей проволокой. Это карцер-одиночка.

Мучения и страдания русских военнопленных не знали границ. Финны заковывали «непослушных» в цепи. Вот они лежат — кандалы для сковывания рук и ног.

Медвежьегорск. Лагерь для военнопленных и мирных граждан.

Маннергеймовские мерзавцы убивали и вешали русских военнопленных. Они построили для этого передвижную виселицу. Она появлялась то в одном, то в другом пункте в районе Медвежьегорска. Наши офицеры капитан А. М. Крыласов, капитан Л. И. Мелентьев, лейтенант В. А. Лукин обнаружили эту виселицу в рабочем поселке Пиндуши.

Мы не видели ни одного мученика этого лагеря. Все угнаны. Только вещи, документы и обстановка рассказывают о том, как томились наши братья в финском плену.

Майор *Л. Саксонов*

Из красноармейской газеты
«В бой за Родину».

АКТ

13 июля 1944 года. Мы, нижеподписавшиеся, зам. командира 63 отд. штурмового инженерно-саперного батальона по политчасти майор Тарасов И. Г., парторг батальона старший лейтенант Захаров Н. Г., врач батальона капитан медслужбы Ижбирдиева З. А., оперуполномоченный старший лейтенант Моргунов В. П., санинструктор ефрейтор Гасанов К. С., рядовой Адаменко Г. Ф., составили настоящий акт о нижеследующем:

Сего числа при размещении батальона в районе концлагеря для военнопленных нами был обнаружен сожженный финнами при отступлении дом, в пепле которого валялись обгоревшие человеческие кости: позвоночники, копчиковые кости, ребра, бедренные кости, надколенная чашечка и другие.

Кроме этого, в концлагере обнаружена связка розг, видимо служившая для истязания военнопленных.

В одном из помещений лагеря на стенах имеются надписи: «Мы ждем вас, воины Красной Армии. Гоните быстрее финнов, выручайте нас. Нам тошно, просим мы — ваши братья военнопленные. 22.6.44 г.», и другие — «Привет нашим освободителям, которые в ближайшее время освободят нас от фашистско-финского ига».

Лагерь военнопленных обнесен колючей проволокой в два кола, высотой 2 метра. На окнах помещений — решетки из колючей проволоки.

Финские захватчики, отступая под ударами наших войск, в бессильной злобе творят кровавые злодеяния на нашей земле, зверски расправляются с военнопленными.

(Подписи)

ЧЕЛОВЕК ПОД НОМЕРОМ

О жизни в лагерях, за проволокой, рассказал вырвавшийся из фашистского плена красноармеец Сафронов:

«В лагере человек должен забыть свое имя. На каждом — номер. Мой номер был 15-й. Для финских фашистов мы не люди — порядковые номера. Когда кого-либо расстреливали, комендант так и говорил:

«Зачеркните номер». И это происходило часто... Зимой гонят на лесозаготовки полураздетых, в худой обуви, без рукавиц. Обморожение, голод делали свое дело — люди сваливались на дороге обессиленные. После в лагере их уже не видали — эти номера вычеркивали. Убежать из лагеря трудно. Но все же наши убегали. При мне двое совершили побег. После этого финны особенно лютовали. Соседей бежавших военнопленных, тех, что спали рядом, расстреляли перед всем лагерем. Приказали им — «бегите!» — и открыли огонь по бегущим».

ДЕСЯТЬ МЕСЯЦЕВ В ФАШИСТСКОМ ЗАСТЕНКЕ

Вырвавшийся из финского плена красноармеец В. рассказал о пытках и надругательствах над советскими военнопленными, находившимися в лагере № 74:

«В лагере все пленные имеют клеймо. Я и мои товарищи не имели права снять железный номер, который мы носили на груди.

На плечах краской были намазаны косые полосы, а на спине буква «В», что означает — военнопленный. На шароварах также были намазаны белые полосы. Ходили разутые. Кормили очень плохо. В сутки выдавали три галетки и кружку похлебки. Иногда доставалось по кусочку гнилой конины. Зловонная похлебка — и то не всегда доставалась. Если не успел сразу сказать по-фински «кийтос», что означает «спасибо», то повар выливает похлебку на голову.

Над нами издевались все. Били начальники, распорядители работ, кухарки, переводчики, старшина, полицейские. Существовала система плеток и розог.

Нет того дня, чтобы перед строем не отстегали 10—20 пленных. Начальник лагеря Пюккяля — настоящий зверь. Советский пленный, когда его подвергают мучительным пыткам, не издает ни единого звука. Это приводит в бешенство и ярость Пюккяля. Он бросается на свою жертву, топчет ногами, избивает кулаками. Если он услышит голос пленного, крик о помощи, тогда Пюккяля доволен. Он хохочет во всю.

Обычно финские полицейские строй наш выравнивали при помощи автомата. Если кто-нибудь выдвинулся, то финны дают очередь. На моих глазах были

расстреляны многие. Фамилии помню лишь некоторых. Был у нас в лагере украинец по фамилии Бернада. Его застрелили за то, что он попросил у финна закурить. Поводом для расстрела красноармейца Ивана Михайловича Крячкова послужило то, что он осмелился попросить на кухне чего-нибудь поесть. Перед строем по приказу военного коменданта Медвежьегорска расстреляли Симонова и Шишкова. Они в каком-то доме попросили кусок хлеба.

Однажды мы работали на сплаве леса. Шюцкоровец выстрелил и убил одного пленного. Все солдаты рассмеялись, будто стреляли в животных.

В лагере был старшина по фамилии Суомалайнен. Помню, как-то однажды он крикнул направляющему: «Шире шаг!» Обессиленный красноармеец не мог исполнить его приказание. Суомалайнен подошел и пустил в него очередь из автомата.

Жили мы в бараках. Они обнесены вокруг колючей проволокой. Охрана сильная. По ночам выпускают собак. Двери закрывают на замок. Пленные испражняются тут же в бараке. Теснота, зловоние, голод и изнурительный 14—16-часовой труд приводит к массовым заболеваниям. Пленным не оказывают никакой медицинской помощи. Ежедневно умирают несколько пленных.

За время плена я хлебнул много горя, побывал в нескольких лагерях. Десять месяцев я был в фашистском плену. Сейчас я вырвался из этого ада».

Газета «Боевой путь»
от 12 октября 1942 г.

В ЛАПАХ ВРАГА

Красноармеец Тараканов Павел Васильевич был в лапах врага. Тараканов рассказал:

«Пленных поселили в шалашах. Постелью им служит мерзлая земля. Утром им дают кружку кипятку и 200 граммов хлеба. Хлеб на целый день. Вечером приносят жидкий суп: ложка крупы в миске воды.

Они работают 14—15 часов в сутки. Каждый день одно и то же: расчищают немецкое солдатское кладбище, таскают тяжелые камни, выравнивают дорогу.

Недалеко от кладбища сохранились какие-то землянки. Несколько человек, улучив момент, бегут туда

пошарить, нет ли чего съедобного. Их выволакивают из землянки и избивают. Один из пленных — рослый, широкоплечий артиллерист, забрался в канаву, где лежала убитая лошадь и пытался отрезать кусок мяса. Часовой ударил его прикладом. Артиллерист упал, потом поднялся и, шатаясь, пошел. Его догнал унтер-офицер, столкнул в овраг и застрелил.

Пленным говорят, что всех немцев и финнов они должны называть господами: господин офицер, господин унтер-офицер, господин конвоир, господин переводчик. Перед ними нужно вставать во фронт, им запрещено задавать вопросы.

Господин переводчик — это русский белогвардеец. Он вызывает к себе пленных и разбивает их на группы: отдельно евреев, отдельно украинцев, русских, карел. Каждого он спрашивает: где «замполиты», кто коммунист, кто комсомолец. И если господину переводчику покажется, что кто-либо из пленных коммунист или «замполит», — этот человек вскоре исчезает из лагеря.

Русские, евреи, украинцы, белоруссы, карелы помещаются порознь. Сразу же, как только появляются пленные, немцы спешат их разъединить, друг с другом поссорить. Их загоняют группами в клетки. Украинцам и белоруссам они говорят: «Мы освобождаем вас от русских». Русских они «освобождают» от евреев. Карел «освобождают» от тех и других.

Бывают в лагере кровавые дни, дни диких расправ. Когда над местечком Н. проносятся советские самолеты, идущие на бомбежку складов с боеприпасами, пленных подвергают наказаниям. На них вымещают злобу. Недавно прилетело 12 самолетов. Бомбы попали в большой склад. Всю ночь полыхал пожар. Всех пленных избивали палками и прикладами и показывали при этом на зарево: «Ваша, рюсс!».

К кладбищу, на котором день-деньской таскают невольники пни и глыбы камня, привозят иногда особенно много новых трупов. Все понимают, что идет бой и еще один немецкий полк разгромлен. Немцы со злобой обрушиваются на пленных: «Это ваша, рюсс!».

Финский техник, работающий на дорожном строительстве, подошел как-то тайком к красноармейцам и шопотом сказал: «Они негодуют, когда прибывает

много новых трупов. Они никогда еще так не восвали...»

Послышались шаги и финский техник замолчал, отвернулся, сделав вид, что занят своим делом.

Каждый день выносят по пять, по шесть трупов умерших. Десятки больных и измученных лежат в изнеможении в шалашах. Полуживых, их поднимают с земли и гонят на работу. К умирающему подбегает «господин переводчик» и кричит, чтобы он шел работать. Но человек лежит пластом. Тогда его добивают, чтобы сэкономить продукты питания»...

ЛАГЕРЬ В ЭЛЬВАРЕСЕ

Алексей Рябухин, бежавший из Эльваресского лагеря, рассказал:

«Пленных погрузили в закрытую машину и отправили в Паркина. Здесь, на небольшой площадке, обнесенной проволочными заграждениями, размещались военнопленные. На подстилке из веток, устроенной товарищами, несколько раненых тщетно ожидали медицинской помощи. Трое не выдержали каторжного режима и скончались.

Погода в Заполярье была еще относительно сносной, однако, ночи были уже холодными, и к мукам голода присоединялись мучения от холода. Согреваться было нечем. Огонь разводить запрещали. Побои и окрики сопровождали каждый шаг пленных. С раннего утра до позднего вечера всех, даже больных, у которых была высокая температура, заставляли работать, переносить тяжелые ящики, строить дорогу, очищать от камней большие площадки.

Через несколько дней военнопленных перегнали в Эльварес. Здесь у больших ворот стоял немецкий солдат с ведерком в руках. Когда пленных по одному впускали в калитку, гитлеровец обмакивал кисть в ведерко с краской и проводил по груди и спине каждого проходящего широкую белую полосу. Вот таким «меченым» становился каждый пленный. Такого меченого каждый из солдат мог безнаказанно избивать, мог и застрелить.

Попав в лагерь в Эльваресе, человек терял имя, право называться человеком и приобретал номер. По номерам выкликали, когда отправляли на работу, по

номерам вызывали к унтеру, когда подвергали наказаниям, номером обозначали труп, выносимый из зловонного барака.

Барак — бывшая конюшня с дырявой крышей — служил жильем. Сюда обессиленные, после 17-часового каторжного дня, приходили пленные, чтобы опуститься на прогнившую солому и забыться в недолгом сне. Здесь их ранним утром поднимала плетка унтер-офицера.

В бесчеловечном отношении к пленным все немцы в Эльваресском лагере дошли до предела. Когда солдат на кухне выдавал миску вонючей похлебки, ему надо было низко кланяться и снимать шапку. Однажды один из пленных, протянув руку за миской, забыл снять шапку. Солдат прикрикнул и выплеснул похлебку в лицо пленному.

Весь режим питания был жестокостью. По утрам перед отправлением на работу давали «чай» — кипяток, настоянный на какой-то траве. Никакого обеда не полагалось. Только вечером выдавали миску похлебки.

Изголодавшиеся, истощенные люди иногда пытались, работая на переноске грузов, взять горсть муки или крупы. За это их нещадно били палками по установленной унтером процедуре. Сам унтер зажимал голову пленного между своих колен, а два солдата наносили удары палками по спине до тех пор, пока унтер их не останавливал. Крики истязуемых не трогали унтера, — он аккуратно отсчитывал положенное число ударов, разжимал колени и, повернувшись, уходил, даже не взглянув на пленного.

Именно от такого наказания и погиб Чибисов. Работая на складе по разгрузке машин, он подобрал несколько щепоток табака. Этот табак у него при обыске нашли. Унтер-офицер выстроил всех пленных на дворе и перед строем учинил расправу над Чибисовым. Когда отсчитали последний — 30-й удар, истязуемый уже был без чувств. На другой день, не приходя в сознание, он умер.

Это был не единственный случай смерти от наказания. И не единственный был пленный Дьяконов, которого расстреляли только за то, что он осмелился заявить унтер-офицеру, что он заболел.

Когда наступила зима, одежда на пленных износилась и висела клочьями. Однажды пришел в барак

солдат и швырнул на пол груду рваных мешков. Из этой мешковины заключенные сами сшили себе одежду. Делали заплаты. Рваных мешков нехватало и «сердобольный» унтер велел принести дополнительное «обмундирование». Это были солдатские штаны и куртки, изорванные, вымазанные в крови, снятые с убитых и раненых. На штанах проводили краской белую полосу, а на спинах курток вырезывали большой треугольник и взамен него вшивали большой кусок белой тряпки.

В Лахтинском пересыльном лагере финны ходили по баракам, и больных, которые не могли не только работать, а подняться, сбрасывали с нар вниз головой. Затем они приносили ведра с холодной водой и обливали свои жертвы.

В местечке Муустио майор Мармула превратил лагерь в застенок, где планомерно истребляются военнопленные. Заключенных красноармейцев, подавляющее большинство которых попало в плен ранеными, — морят голодом, избивают, а затем истощенных и обессиленных заставляют выполнять каторжные работы.

Как-то раз пленные красноармейцы Степан и Андрей не выполнили работу, так как они были истощены и больны. Майор Мармула выстроил всех обитателей лагеря, и перед строем два ни в чем неповинных советских человека были публично избиты. Один из них тут же скончался».

В ЛАГЕРЯХ ФИНЛЯНДИИ

Рожин Павел Александрович, уроженец Архангельской области, Вельского района, деревни Трофимовской, бежав из финского лагеря военнопленных, 3 декабря 1943 г. рассказал:

«...В пути следования из Германии в Финляндию с 14 по 17 ноября 1942 г. корабль, на котором нас везли, подорвался на мине. Во время катастрофы фашисты расстреляли около 20 военнопленных за то, что они пытались спастись. Сами же конвоиры пересели на соседние корабли и уехали, оставив одних военнопленных на тонувшем корабле.

Мы пробыли на тонувшем корабле целый день, ожидая ежесекундно смерти. Потом прибыл финский пароход с баржей, и всех пленных финны пересадили

на баржу и привезли 19 ноября 1942 г. в порт Турку. Через 2 дня прибыли немцы, некоторые с винтовками, некоторые с палками, и начали производить обыски. Как озверевшие псы, они избивали военнопленных прикладами и дубинками. Немцы заводили нас в барак и там при обыске зверски избивали. Военнопленным не давали есть 4 дня. В лагере Турку советские люди пробыли 7 дней, после чего всех нас направили в лагерь Хирвисальми. В этом лагере оставили 100 человек, остальных же военнопленных распределили по другим пунктам.

Двое русских военнопленных в больничной палате одного финского лагеря. Каторжными работами и голодом пленные доведены до крайней степени истощения.

Лагерь Хирвисальми расположен около железной дороги в лесу.

Нас поместили здесь в картонные палатки по 25 человек. Жизнь в лагере представляла сплошную муку: теснота, вшивость, 2 раза жидкий картофельный сул и 400 граммов черного хлеба в обед, чай (суррогат). Работали на разных работах. Обули нас в комбинированные ботинки на деревянной подошве.

При построении на работу провинившихся военнопленных подвешивали к сосне (руки и ноги привязывали веревкой). На морозе люди висели по нескольку часов.

В Хирвисальми мы жили несколько месяцев. Позднее нас отправили в лагерь «Корвуа». В этот лагерь меня пригнали в феврале 1943 г.

Здесь палатки из картона были временно поставлены прямо на снег. В них военнопленные валялись без нар вповалку на полу, который был сделан из щитов. Из-под них дул холодный ветер. Кормили отвратительно: 2 раза в день брюквенный суп и 400 граммов черного хлеба в обед, чай (суррогат). Работали военнопленные на постройке узкоколейной железной дороги. На работе военнопленных часто избивали палками. Били нередко за отдых

от тяжелой работы. Помню случай, когда, возвращаясь с работы, один военнопленный ослаб и не мог держаться наравне со всеми (отставал). Тогда один из часовых ударил его штыком в поясницу, после чего этот пленный лежал в санчасти. За малейшую оплошность пленных били по лицу до крови».

В ЛАХТИНСКОМ, КЕМСКОМ И ЛЕСНОМ ЛАГЕРЯХ

Дивнич Иван Федорович, уроженец села Ярославка, Северо-Казахстанской области, 21 апреля 1943 года рассказал:

«За шестимесячный период пребывания в финском плену я побывал в трех лагерях: Лахтинском пересыльном, Кемском и Лесном, расположенном в 300 километрах севернее гор. Рованиеми по Петсамской железной дороге.

В Лахтинском пересыльном лагере военнопленные были размещены в гараже для автомашин. Гараж этот совершенно не отоплялся, люди спали на сырой земле.

В баню военнопленных совершенно не водили, вследствие чего у нас было много вшей. В Кемском лагере военнопленные были размещены в холодном бараке и спали на голых нарах в три яруса.

Зимой финские солдаты, несмотря на то, что в помещении военнопленных было и так холодно, открывали настежь двери барака и держали их открытыми примерно два-три часа. В результате таких действий, больные военнопленные погибали, а здоровые заболевали и впоследствии также погибали. В бараке было настолько холодно, что военнопленные не имели никакой возможности просушить свои портянки.

В Лесном лагере военнопленные ютились в маленькой лесной избушке. Во всех названных мною лагерях помещения для военнопленных содержались в жутких антисанитарных условиях. Белье не менялось. Военнопленных морили голодом. На сутки выдавалось всего-навсего 250 граммов хлеба, да и те были с примесью древесных опилок.

Во всех этих лагерях существовал каторжный труд. Люди работали по 16 часов в сутки. На работу выгонялись все, в том числе обессилевшие и босые военно-

пленные. Не было ни одного дня, чтобы кого-нибудь из военнопленных не избивали. Военнопленных подвергали мучительным пыткам и расстреливали без всякой вины. Зимою обессилевших людей выбрасывали на снег, где они замерзали, а затем уже специальные похоронные бригады, созданные финнами при каждом лагере, раздевали их наголо и зарывали в траншею. Медицинской помощи военнопленным никакой не оказывалось.

Советские люди в финском плену были обречены на голодную смерть. Дело иногда доходило до того, что голодные люди скрытно от администрации лагерей ели трупы. Так было в ноябре 1941 г. в Кемском лагере для военнопленных.

В указанных мною лагерях шло массовое истребление советских военнопленных.

В ноябре 1941 г. в Кемском лагере в один из дней около кухни работала бригада военнопленных на распиловке дров. В состав этой бригады входил и я. Во время нашей работы из кухни вышла одна финская женщина, повидимому, работавшая на кухне, подошла к конвоиру и, взяв у него винтовку, прицелилась и выстрелила в работавших военнопленных. В результате один из военнопленных был убит, а второй тяжело ранен. Увидев результат выстрела, женщина рассмеялась, возвратила конвоиру обратно винтовку и ушла в то же помещение, из которого вышла.

В том же лагере в декабре 1941 г. военнопленного по имени Абрам финские солдаты, по распоряжению начальника лагеря, неизвестно за что вывели перед строем всех военнопленных, раздели наголо, положили вниз лицом на деревянный топчан, накрыли мокрой простыней, а затем распаренными прутьями нанесли двадцать ударов. При избиении начальник лагеря смотрел на часы. Удары наносились строго по времени. В каждую минуту наносился один удар. После побоев финский солдат ногой столкнул военнопленного с топчана и в бессознательном состоянии волоком потащил его в барак, где он через несколько часов скончался.

В первой половине января 1942 г. в Кемском же лагере военнопленного Тимофеева (жителя города Ленинграда) живым вынесли из барака и положили на снег, где он и замерз. Каждую ночь финны выносили

на снег до 10—15 обессилевших и больных военнопленных.

В январе за попытку побега были избиты перед строем два военнопленных, фамилий которых не знаю. После избиения финские солдаты бросили военнопленных на автомашину и вывезли за зону лагеря, где расстреляли. Но, однако, один из них был только тяжело ранен и привезен обратно в помещение, где жили военнопленные. Этот раненый красноармеец без всякой помощи мучился двое суток, а потом умер.

В конце января 1942 г. меня лично избили за то, что разутый я не мог итти на работу. После избиения финские солдаты предложили мне обмотать ноги тряпками и выйти немедленно на работу. Я вынужден был в таком виде выйти на распиловку дров.

В Кемском лагере, в конце января 1942 г. был расстрелян военнопленный Герзмала. Поводом к его расстрелу послужило то, что он из помойной ямы взял для себя шелуху от картофеля.

Начальник Лесного лагеря в пьяном виде входил в помещение, где жили военнопленные, и открывал по ним стрельбу из пистолета. В результате подобных упражнений он одного из военнопленных убил, а второго, по имени Семен, тяжело ранил.

В августе 1941 г. в Лахтинском пересыльном лагере финские солдаты, по распоряжению начальника лагеря, обошли бараки, и больных военнопленных сбрасывали с нар вниз лицом, а затем обливали водой, приговаривая при этом: «приводим в сознание».

Все эти зверства над военнопленными проводились с ведома и по распоряжению начальников лагерей».

В ЛАГЕРЕ БЛИЗ ГОРОДА ПИТКЯРАНТА

Вырвавшийся из финского плена красноармеец Терентьев Сергей Павлович рассказал о невыносимых страданиях советских военнопленных, томившихся в лагере близ города Питкяранта.

«В этом лагере, — сообщил Терентьев, — содержатся раненые красноармейцы. Им не оказывается никакой медицинской помощи. Всех заключенных принуждают работать по 14—16 часов в сутки. Пленных запрягали в плуги и заставляли пахать землю. В сутки нам выдавали по кружке мучной похлебки. Финские палачи

придумали для нас ужасную пытку. Они опоясывали пленного колючей проволокой и волочили по земле. Ежедневно из лагеря вывозят трупы замученных советских бойцов.

Три военнопленных, в силу крайнего истощения, не могли выйти на работу. Администрация лагеря выстроила всех военнопленных. Трех обессилевших красноармейцев принесли и положили перед всеми на доски. После этого каждому из них нанесли по 50 ударов прутьями и бросили в подвал. На следующий день их зарыли в землю».

ЛАГЕРЬ В СЕЛЕ СЕМЕН-НАВОЛОК

Житель села Семен-Наволок, Видлицкого сельсовета, Олонецкого района, Захаров И. Г. рассказал:

«В лагерь пригнали 200 человек военнопленных красноармейцев, некоторые из них были ранены.

Медпомощи раненым никакой не оказывалось, повязки были из грязных тряпок и кровоточили, кормили пленных нечищенной полумерзлой картошкой, по 300 граммов на человека, и галетами, причем в муку подмешивали 30% бумаги. Спали пленные на голых полах, пытали их каждый день.

За 2 года от пыток, непосильной работы, голода и холода умерло 125 человек из 200. Оставшихся 75 человек финны угнали с собой, кто пытался отдохнуть — финны избивали плетками, а тех, которые падали от истощения, финны пристреливали».

Жительница села Семен-Наволок Николаевская М. И. рассказала:

«В марте 1944 г. финны привезли в лагерную группу около 50 собак. На второй день финский солдат вывел 2-х военнопленных за проволочное заграждение, а второй финский солдат спустил пять штук собак, которые набросились на пленных красноармейцев и начали рвать на них одежду. Несчастным военнопленным нечем было обороняться, и помочь им было некому.

В это же время группа финских солдат стояла и

наблюдала за всем происходящим, и все смеялись над тем, как собаки терзали в клочья беспомощных бойцов.

Один красноармеец умер там же за проволокой от ран, нанесенных собаками.

Слезы выступают на глазах и кровь стынет в жилах при воспоминании о том, что творили проклятые лахтари».

Записал капитан *Деревяшев*

5 июля 1944 г.
село Семен-Наволок

В ОЛОНЕЦКОМ ЛАГЕРЕ

Рассказ 77-летнего Петра Евсеевича Доминова

«Много горя хлебнули мы от финнов. Но больше всего досталось красноармейцам, которые попались к финнам в плен. Своими глазами я видел, как финн ломом убил нескольких голодных красноармейцев за то, что те, ослабев, не могли работать.

В городе Олонец был лагерь для военнопленных. Там ежедневно умирали сотни пленных. Из каждых шести пленных пять умирало».

15 июля 1944 г.
г. Олонец

ЛАГЕРЬ № 17

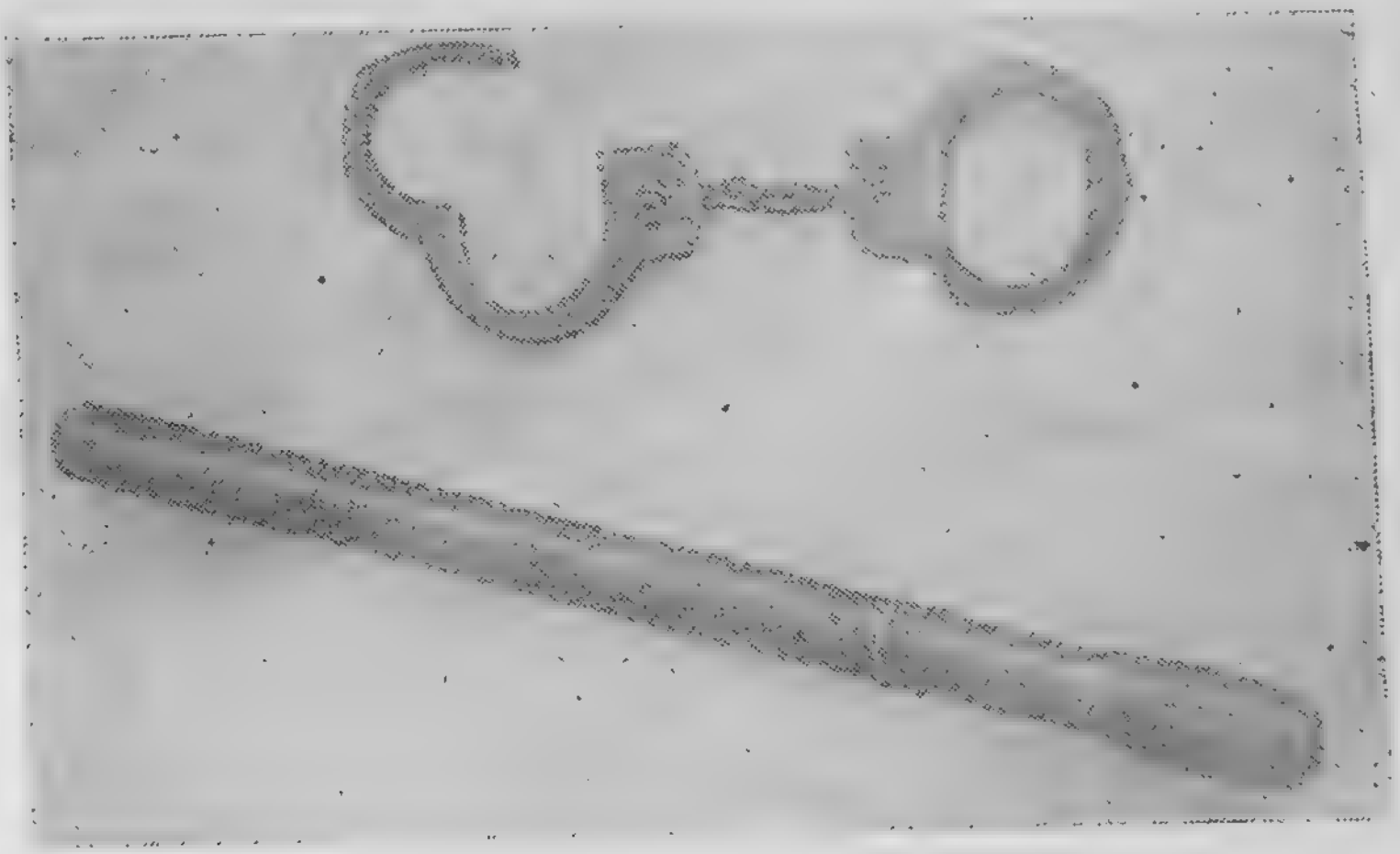
На подступах к деревне несколько бараков было обнесено высокой изгородью, опутанной колючей проволокой. Кроме того, колючей проволокой окружен каждый барак. В одном из бараков найдена записка: «Привет освободителям Карелии! — Русские военнопленные в количестве 100 человек увезены отсюда. Друг».

В этих бараках находился лагерь № 17 для русских военнопленных. Здесь томилось 100 человек. Наши бойцы нашли в бараках изношенные до последней степени лохмотья, в которые были одеты заключенные, шапки грязно-серого цвета с белым клеймом. Во дворе находится вышка, с которой тюремщики наблюдали за каждым движением своих жертв.

Между рядами колючей проволоки проходит тропа. По ней шагала день и ночь охрана лагеря. О зверском

режиме, установленном финнами для советских военнопленных, свидетельствуют следующие выдержки из правил лагеря № 17, найденные в бараках. Пункт 15 гласит: «Военнопленный не имеет права подходить ближе, чем на три метра к окружающему забору, если будут замечены такие случаи, то их будут считать как намерение к побегу, и виновники будут строго наказаны». Каждый пункт правил заканчивается угрозой строгого наказания.

Обнаруженный в лагере рацион питания свидетельствует о том, что финны заключенных морили голо-



В Олонецком концлагере обнаружены нашими бойцами металлические кандалы, которые надевались на руки советским людям, и резиновая палка (дубинка) длиной 45 см.

дом. Бурда, именуемая супом, и 100 граммов картофеля в день — таков рацион. А наименование работ рассказывает нам о тяжелом изнурительном труде, который финны заставляли выполнять военнопленных на строительстве оборонительных сооружений.

Работница Анна Барникова, пробывшая свыше двух лет в финском плену, рассказывает: «Всех русских финны согнали в лагери и держали за проволокой, но особенно они издевались над военнопленными. Посмотришь, как ведут в мороз голых, разутых, измученных русских людей, прямо сердце кровью обли-

вается. Каждый день пленные умирали от голода, от холода и болезней. Трупы финны вывозили ночью на автомашинах».

У входа в бараки можно прочесть имена и фамилии содержавшихся здесь людей: Федин А. Г., Сорокин А. А., Шаманин С. И., Петров В. С., Мастров, Бойков и др.

Лагерь № 17 — еще одно доказательство гнусных злодеяний финнов. Беспощадно мстить лахтарям! — вот наш девиз.

Капитан *С. Фельдман*

Газета «Ленинское знамя»
за 1 августа 1944 г.

АКТ

19 июля 1944 г. гор. Олонец. Комиссия под председательством тов. Карахаева Н. Ф. и членов: заместителя председателя Олонецкого Райисполкома т. Герасимова Н. И., врача-хирурга — орденоносца Студитова П. В., в присутствии представителя Чрезвычайной Государственной Комиссии тов. Макарова В. Н., с участием главного патолого-анатома Карельского фронта подполковника медицинской службы доктора медицинских наук — Ариель М. Б., главного судебно-медицинского эксперта — майора медицинской службы Петропавловского В. Н., помощника главного судебно-медицинского эксперта Карельского фронта ст. лейтенанта медицинской службы Борисова И. Н. и лейтенанта медицинской службы Комаровой В. Г., произвела обследование Олонецкого лагеря № 17, организованного финско-фашистским командованием для военнопленных советских бойцов и младших командиров, а также произвела эксгумацию и исследование трупов истребленных финско-фашистскими захватчиками советских бойцов и командиров.

Комиссия на основе показаний свидетелей, осмотра лагеря и материалов вскрытия и исследования трупов установила:

Финско-фашистское командование в сентябре 1941 г. организовало в гор. Олонце пересыльный лагерь № 17, в котором содержались бойцы и младшие командиры Красной Армии, попавшие в плен на Свирском участке фронта.

Лагерь расположен в полукилометре от гор. Олонца, на территории военного городка в деревянных казармах. Территория лагеря обнесена двумя рядами колючей проволоки, высотой до 2 м. Все здания лагеря изолированы друг от друга колючей проволокой.

Лагерь охранялся финскими солдатами. Администрация лагеря состояла из финских военнослужащих.

Количество содержащихся в лагере военнопленных колебалось от 600 до 1000 человек единовременно.

Русские военнопленные в Финляндии. Тяжелая водянка живота вследствие истощения.

После полуторамесячного содержания в лагере № 17 — эти пленные направлялись в тыл и на лесозаготовки в лесные лагери, расположенные на оккупированной территории Карело-Финской ССР.

Каждый русский военнопленный на спине на верхней одежде должен был носить нашитую или написанную букву «V», что означало «Ванки» — пленный.

Карелов, вепсов и ингерманландцев из числа военнопленных финско-фашистская администрация лагеря разместила в отдельные помещения, выдала им бумажные матрацы и увеличила их суточную норму питания.

На тяжелых работах финны эту группу военнопленных не использовали и создавали им привилегирован-

ное положение, тем самым сеяли национальную рознь между русскими и карелами. Они носили на левом рукаве белую нашивку с надписью «Хеймокансалайнен», что значит «соплеменник».

Администрация лагеря морила советских военнопленных голодом.

Суточная норма питания состояла из 200—250 граммов хлеба и поллитра горячей воды с жидко разболтанной в ней мукой или неочищенным картофелем. Зимой в суп добавлялась мороженая брюква.

Иногда военнопленным выдавалось мясо павших лошадей.

С 7 до 22 часов военнопленные были заняты на тяжелых физических работах.

Голодных, истощенных советских людей администрация лагеря заставляла производить изнурительные работы по ремонту дорог и на лесозаготовках, и тех, кто не мог производительно работать, охрана избивала до полусмерти.

С занятием гор. Олонец частями Красной Армии из лагеря освобождено до 450 человек советских военнопленных.

Администрация лагеря и его охрана зверски относились к содержавшимся в лагере советским военнопленным.

Подошедших на близкое расстояние к забору советских военнопленных финско-фашистская охрана расстреливала без всякого предупреждения.

Комендант лагеря лейтенант Сойнинен, его заместители лейтенанты Ингман и Салмела, следователи лагеря — лейтенант Шепалис и военный чиновник Шмидт беспричинно жестоко избивали советских военнопленных палками, плетками.

Лейтенант Ингман постоянно ходил по лагерю с палкой, которой избивал пленных.

Следователи во время допросов зверски расправлялись с пленными, которые не давали им нужных показаний.

Свидетель, — тов. Агафонов, — бывший военнопленный, рассказывает, как комендант лагеря Сойнинен избил рукояткой револьвера военнопленного Подручина — 50 лет, из добровольческой дивизии Ленинградского Народного ополчения, — и Подручин вскоре скончался от нанесенных ему побоев.

Тот же Агафонов рассказал, как помощник начальника лагеря Ингман избил до потери сознания военнопленного Котенкова, который после этого в течение 3-х суток не мог ходить.

У финского шофера Виртанен по дороге в Мегрегу в августе 1942 г. застряла автомашина. Он позвал одного военнопленного, работавшего вблизи по ремонту дороги, помочь вытащить машину. По мнению Виртанен, советский военнопленный плохо ему помогал вытягивать автомашину, и он начал избивать пленного. Пленный упал, а Виртанен продолжал его бить. Вечером военнопленного увезли в госпиталь и дальнейшая судьба его неизвестна.

Советских военнопленных, которые, по мнению финских палачей, плохо работали, ставили на высокий пень с вытянутыми руками и заставляли стоять в таком положении от 30 минут до полутора часов. В зимнее время такие пытки приводили к обмораживанию конечностей, обмороку и простудным заболеваниям.

Финская администрация и охрана лагеря не только пытали, истязали и морили голодом советских военнопленных, но и расстреливали за малейшую «провинность».

Так, бывший военнопленный Беланти рассказал, как в сентябре 1941 г. финский часовой, охранявший лагерь, из автомата застрелил советского военнопленного за то, что тот подошел к проволочным заграждениям. За это убийство бывший в то время комендантом лагеря лейтенант Алапиес присвоил палачу звание капрала.

Летом 1943 г. один из военнопленных заболел на работе и был оставлен в беспомощном состоянии у дороги. Проезжавшие на автомашине финны расстреляли больного тут же у дороги.

В результате истязаний, плохого питания, антисанитарного состояния лагерей и отсутствия медицинской помощи среди советских военнопленных царила большая смертность.

Комиссия 18 и 19 июля 1944 г. произвела эксгумацию и исследование трупов, обнаруженных на кладбище возле лагеря № 17. Кладбище находится на расстоянии 50—60 метров на юго-восток от лагеря и обнесено колючей проволокой. Кресты из досок

расположены правильными рядами вплотную друг к другу. На крестах указаны фамилия, имя, отчество и номер военнопленных. На части крестов, а также на длинных досках, заменяющих кресты, имеются лишь только номера.

При раскопке могил установлено, что в некоторых из них трупы отсутствуют. Так например, в могилах, обозначенных тремя рядом расположенными крестами с фамилиями Холманский А. П. № 4943, Малчнев С. М. № 5113, Петунин С. А. № 4273 — трупы вовсе не обнаружены.

Точно также комиссия не обнаружила трупов и в других местах кладбища, отмеченных крестами, либо пронумерованными досками. Наоборот, комиссия установила, что трупы захоронены в ямах как на территории кладбища, так и вне его, причем эти места не были обозначены ни крестами, ни другими надмогильными знаками.

Судебно-медицинская экспертиза установила, что трупы захоранивались без гробов, без верхнего платья и без белья. По положению трупов и расположению костей скелетов видно, что захоронение производилось беспорядочно, частью в полусидячем, частью в полусогнутом положении. Глубина могил колеблется от 0,35 до 1,2 метра. При судебно-медицинском исследовании трупов установлено, что подкожная жировая клетчатка, а также клетчатка внутренних органов резко истончена или полностью отсутствует, что свидетельствует о резком истощении, развившемся вследствие длительного голодания. У других трупов обнаружены следы огнестрельных ранений — головы и грудной клетки, нанесенных огнестрельным оружием калибра 9 миллиметров. У одного из исследованных трупов обнаружено пропитывание кровью (кровоизлияние) мягких тканей волосистой части головы, что явилось следствием ударов, нанесенных каким-либо тупым предметом.

Комиссия считает, что в Олонецком лагере № 17 финская администрация и охрана лагеря систематически применяли пытки и истязания по отношению к содержавшимся в лагере советским людям.

Суточная норма питания военнопленных в лагере была настолько мала, что влекла за собой развитие резкого истощения, обычно кончавшегося смертью.

В лагере имели место беспричинные расстрелы советских военнопленных финско-фашистской администрацией и охраной лагеря.

Истязанием, голодом и расстрелами финско-фашистские захватчики истребили в Олонецком лагере № 17 свыше 700 попавших в плен бойцов и младших командиров Красной Армии.

Истребленные советские военнопленные хоронились беспорядочно, в общих могилах, а вблизи них финской администрацией лагеря устанавливались кресты, либо доски с номерами и надписями, создававшие видимость порядка и правильного хоронения трупов.

(Подписи)

ИЗ ДНЕВНИКА

советского военнопленного А. Галибина[1]

Адрес: Марийская АССР, Юринский район, Юринское почтовое отделение, Липовский сельсовет, д. Горкасина. Галибин Анатолий Иванович

1941 год

2 июля. Приехал в город Медвежьегорск Карело-Финской ССР утром, разместились в военном городке во временном лагере 113 формировочного полка.

17 июля. Выехал на фронт. Едем 40 человек на автомашинах. Настроение у ребят приподнятое, я чувствую себя спокойно, даже весело. Поживем — увидим.

18 июля. Прибыл на самую передовую линию фронта. Время 11 часов вечера. Итак, начинается...

23 июля. С утра началась перестрелка, лес кругом горит. Вероятно финны решили под прикрытием огня и дыма наступать. Но потом произошло что-то невообразимое. Стрельба усилилась, но не в нашу сторону, а в сторону противника. Слышатся голоса удаляющихся финнов. Выяснилось, что нам на выручку пришел 15 мотострелковый полк, который и вывел нас из

---

[1] Обнаружен в потайном кармане расстрелянного финнами советского военнопленного при раскопке групповой могилы по Корьевской дороге.

окружения. Наш взвод назначен в разведку. В разведке убили из отделения Курбанова. Убит двумя разрывными пулями.

24 июля. Нас зачислили во вновь прибывший полк, с которым отошли на более выгодную позицию, — заняли новую оборону на Поросозерском направлении.

15 августа. Живется хорошо, питания лучшего нечего и желать. Хотя перестрелка бывает каждый день, но серьезных потерь нет. Разнообразно проводим время.

Ходил в баню, получил из дома письмо (первое за время отъезда). Жена пишет: «Чует мое сердце, что нам не встретиться с тобой больше в жизни». Но это пустяки.

20 августа. Во время ночной перестрелки ранен из нашего отделения боец. Послал жене открытку и деньги.

25 августа. В 11 часов 30 минут ночи получен приказ отходить. Всю ночь двигались к Поросозеру.

26 августа. Прибыли в Поросозеро. Сделали остановку, к вечеру получили кашу. С наступлением темноты тронулись на Петрозаводское направление. По дороге нас догнала колонна автомашин, на них мы и поехали дальше. Только что тронулись, как над нами появились вражеские самолеты. Пришлось разбегаться по обочинам дорог. Все обошлось благополучно. Ночью ходил в дозор.

28—29 августа. Утром вышли к какому-то населенному пункту. Получили сухой паек: по полкило хлеба, банке консервов и 1 коробке галет. Закусили и тронулись дальше по болоту, по колено в воде. 29-го встретили местных партизан, и они вывели нас в деревню. Мокрые, голодные, а ночь холодная. Огня разводить нельзя. Все члены деревянеют. Положение не из приятных. Придется ночевать на улице. Утром наше отделение вышло в дозор на окраину деревни.

2 сентября. Вышли на Петрозаводское шоссе. К вечеру подошли к месту боя (в 65 километрах от г. Петрозаводска). 3-й день стоят здесь наши части. Сделали остановку. Тут же открыт перевязочный пункт. Раненые прибывают. Из-за леса боя не видно. Далеко слышна перестрелка. Только успели покушать, как один за другим стали сыпаться снаряды в наше расположение.

Получен приказ наступать, идем развернутым фронтом. Получены сведения, что враг окружает. Заняли оборону. Всю ночь отстреливались. Жертвы есть.

3 сентября. Утром стали наступать. Вновь отрезаны. Заняли сопку. Приказано укрепляться, копать окопы. Бой разгорается все сильнее. Чаще требуется заменять выбывших бойцов. Рвутся снаряды, мины. Кругом товарищи выбывают.

4 сентября. Все оставшиеся решили итти на прорыв... Все шло благополучно, как вдруг одна за другой упали 3 гранаты. Меня сшибло воздухом. Подполз под корягу, ощупываю себя — все в порядке. Оказалось, натолкнулись на оборону. Метрах в 10 стреляют по нам из автоматов, а я лежу в воде, не шевелясь.

5 сентября. Рассветало. Стрельба утихла, а я лежу в воде. Все члены одеревянели. Решили встать, но только стал подниматься, раздались голоса: «Руки вверх!». Вот и поворот в жизни. Сделал преступление перед Родиной. Сдался в плен. Финны окружили со всех сторон, кто выворачивает карманы, кто снимает звездочки.

Привели в палатку. Здесь оказалось еще 6 человек наших. Повели на дорогу, посадили на машину и повезли. Кругом трупы и следы разрушений. Приехали на командный пункт. После допроса нам дали ржаной болтушки и чай. Финны подходят и смотрят на нас. Наших собралось более 100 человек. Нас выстроили, повели на стоянку в деревню Сямозеро. Дорогой финны расстреляли одного политрука.

6 сентября. На утро просыпаюсь с неприятным ощущением. Все члены болят. Ноги распухли, невозможно шагать. К 12 часам нас накормили баландой из отрубей. Дали 200 граммов галет.

11 сентября. Сегодня в 12 часов повели на станцию, посадили в вагоны и повезли в Финляндию навстречу неизвестности.

13 сентября. Прибыли во 2-й пересылочный... 8 бараков из бумаги. В них четырехъярусные нары. Поместили 250 человек. Набиты, как сельди. Дрожим от холода. С питанием хуже. Утром 0,25 литра остывшей воды и соли 0,005 граммов. В обед 0,5 литра баланды и 50 граммов хлеба. Вечером 0,5 литра супа и 50 граммов хлеба. Все.

30 сентября. В таких условиях прожил 17 дней. Существенных изменений никаких. Ходим работать... 5 человек умерло и одного расстреляли за побег.

1 октября. Наконец дождались очереди на отправку в рабочие лагери. 100 человек отправили, но без продуктов.

3 октября. Приехали в город Раума, на берегу Ботнического залива. Встретили хорошо. Накормили досыта. Приступили к работе. Обносим колючей проволокой помещение, где будем жить. Помещение культурное, кругом чисто, все покрашено.

23 октября. Все это время работали на погрузке и выгрузке пароходов по 10—12 часов в сутки. На сегодня отобрали нас 50 человек и со всеми вещами погрузили в транспорт и пароходом повезли по заливу.

28 ноября. Вернулись обратно в Раума. Все это время мы находимся в полуголодном состоянии, используем в пищу все, что находим: грибы, ягоды.

1942 год

27 января. Весь период нахождения в Раума работали в порту. Отношение охраны значительно ухудшилось. Пленные борются за свое существование кто как может, — где попросят, а где и украдут. Все помойки посещаются ежедневно, несмотря на запрет.

28 января. К вечеру прибыли в новый лагерь. Получили по куску галеты, закусили всухомятку и стали устраиваться спать на трехъярусных нарах. Спали чуть ли не друг на дружке. Но и то всем места нехватило. На утро готовились к отъезду.

29 января. Вечером пересели на машину и поехали. Отобрали все мешки, оставив только самое необходимое и по паре белья.

30 января. Познакомился с обстановкой и бытом нового местожительства, куда забросила судьба. Лагерь называется изолятором, т. е. живущие в нем люди подлежат изоляции с этого света в полном смысле этого слова. В бараке, по сравнению с другими лагерями, значительно чище, но все же вши и клопы гуляют в открытую. Спим на жестких деревянных койках, на голых досках. Стража находится в коридоре. На волю выпускают на полчаса в сутки для того, чтобы пройти по тропинке вокруг барака от 8 до 12 кругов. Делается до 1700 шагов. Питание: хлеба вы-

дается 150 граммов в сутки, один раз на весь день. Причем хлеб не чистый, а суррогат. Утром в 11 часов получаем 1 литр супа, если его только можно так назвать, потому что готовится он из мерзлого нечищенного картофеля без соли. Вечером мы получаем 1 литр баланды из ржаных отрубей. Причем густоты 2—3 ложки. Вот и все, чем поддерживается дух военнопленных.

5 февраля. Да, такое питание за 7 дней дает о себе знать, и вообще чувствуется такая слабость, что чуть-чуть поворачиваешься.

10 февраля. Не проходит и одного дня, чтобы одного-двух товарищей не отправили в «Могилевскую».

20 февраля. Царит полный произвол. Запретили пользоваться даже белым светом. За сутки на окнах открывают ставни на 2 часа, а остальные 22 часа сидим при еле мигающем свете. Причитающиеся продукты полностью не получаем.

3 марта. Из 8 товарищей, приехавших со мной, в живых осталось трое. 5 человек уже умерли. Сегодня в 3 часа дня умер Чернов Андрей Николаевич. Его адрес: Горьковская область, Лысковский район, сельсовет Чернауха, д. Аблонка. Жена — Чернова Анна Михайловна. Просил сообщить, но, пожалуй, не придется, так как сам уже кандидат в могилу. Да, и жить-то, братцы, очень хочется, но жизнь здесь не мила.

10 марта. Появилась голодная опухоль. Опухли ноги и лицо. Обращался к доктору. Говорит: «Живи за счет собственной энергии, т. е. больше лежи». Но лежать на голых досках тоже не сладко. На боках появились пролежни.

15 марта. Положение немного улучшается. Начальство лагеря стало относиться более сносно. Хлеб несколько лучше.

Обменяли нижнее белье, которое носил в течение 8 месяцев. Получено еще на фронте.

30 марта. Смертность все увеличивается. Люди помирают один за другим. Начальство лагеря решило, наконец, что-то предпринять. Отводят отдельный барак, в котором помещают больных и «доходяг». Я тоже попал как «доходяга». Посмотрим, что будет дальше. Оттянется ли на несколько дней мое существование?

10 апреля. Положение несколько улучшилось. Суп закладывают гораздо гуще, хлеба дают до 300 граммов, но хлеб состоит наполовину из мякины.

28 апреля. Есть факты заболевания сыпным тифом.

9 мая. Помер Гончаров Борис Сергеевич. Адрес: Москва, Красная Пресня, б. Декабрьский проспект, д. 26, кв. 3.

18 мая. Заболевания, смертность от тифа растет. Положение критическое, так что шансов на выход из этого лагеря не остается никаких.

25 мая. Вот уже более недели, как получаем хлеб, совершенно непригодный к употреблению в пищу. Весь прозеленевший, насквозь. Записываю адрес товарища: Вологодская обл., Череповецкий район, п/о. Дмитриево, дер. Плюскино, Трифонов Василий Алексеевич. Жена — Трифонова Александра.

31 мая. Да, проводили и май, а ужасы нашей тифозной жизни продолжаются. Исполнилось 4 месяца, как ежедневно встаю с одной мыслью: как бы покушать, — лишенный общения с внешним миром и даже света и вольного воздуха, и без малейших шансов на скорое освобождение. Положение не из приятных.

4 июня. Сегодня Суоми отмечает 75-летие Маннергейма, но для нас, военнопленных, этот день ничем хорошим не отмечен. Наоборот, с самого подъема начались неприятные, хотя с виду и пустящные, беды. Сегодня хлеб получили более гнилой, чем в предыдущие дни, причем оказалось меньше на 50 граммов. Потом обед получили на 2 часа раньше. До следующего дня ждать обеда 20 часов, не особо приятное времяпрепровождение.

7 июня. Для кого весна отрадная, а для меня отрады нет. Да, говорят, что человек 2 раза в жизни бывает глуп: в младенчестве и в старости. Но оказывается, он еще может глупеть и на почве голода... Ух, если бы привести сюда свежего человека и поместить в нашем помещении, наверное он первое время совершенно бы находился в полном недоумении. Да и немудрено, так как каждый из нас скорее походит на живой труп, на мумию, чем на нормального человека.

9 июня. Сегодня хороший день. За четыре с половиной месяца впервые получили хороший хлеб и, кроме

того, получили 0,5 литра очередной добавочной баланды, так что желудок более или менее наполнен.

12 июня. Сегодня переведен в барак здоровых и лишен добавочного пайка.

16 июня. Первый раз получил приказ о выходе на очистку зоны от мусора. Это за четыре с половиной месяца существования в этом лагере. Но дело обстоит крайне плохо. Ни руки, ни ноги не поднимаются. День ото дня все падаешь и духом и физически.

19 июня. Ходили в баню, получили свежее белье. В общем, наконец, отдыхаю от вшей и клопов, которые систематически нас съедали зимой.

22 июня. Прошел ровно год со дня, который остался и будет помниться, как день несчастий и бедствий для всего русского народа, год не принесший мне каких-либо надежд на лучшее будущее, год, который многие из нас, не задумываясь, согласились бы вычеркнуть из жизни. Год разлуки со всеми живыми и дорогими мне людьми.

23 июня. Ровно год настал, как я получил повестку о явке в Райвоенкомат. Сравниваю два периода жизни — тогда и теперь. Тогда я был жизнерадостный человек с мечтаниями о лучшей жизни впереди. А что стало теперь, через год, год несчастий. Вместо нормального человека, только облик человеческий (скелет — ни больше, ни меньше), без всяких надежд на лучшую жизнь в скором времени.

26 июня. Ровно год, как покинул свой любимый дом, родных и близких мне друзей. Но кажется все это далеко минувшим временем.

30 июня. Умерли Киевский и Лузин, оба в расцвете лет; первый неженат, а у второго остались жена и ребенок. Да, холод и голод — страшные вещи.

6 июля. Исполнилось 10 месяцев плена.

7 июля. Умер Красной Николай Иванович, — Горьковская обл., Воротынский район, п/о. Белявка, пос. Шкириха. Умер в 4 часа дня от поноса.

11 июля. Часовым с вышки в 8 часов дня застрелен из автомата в голову военнопленный Пикин, уроженец Ленинграда, «за нарушение правил внутреннего распорядка лагеря».

17 июля. Итак, все надежды на отправку из этого лагеря рухнули. Сегодня отправят очередную партию. Но я не попал. Вероятно придется «доходить».

17 августа. Нахожусь в состоянии полной апатии. Ни на что не хочется обращать внимания. Шевелиться нет сил. На отправку в скором времени нет никакой надежды.

20 августа. День рождения любимой дочки Люси. Я не могу даже взглянуть на своего первенца!

24 августа. Сегодня совершил глупость — во время прогулки подобрал мухомор и съел его сырым. От этого весь день кружилась голова и расстроился желудок.

1 сентября. Оказывается, нет той глупости, на которую был бы неспособен голодный человек. В пятницу ходил в баню и по дороге набрал грибов, причем не грибов, а разной дряни. Но так как сварить негде, то съел их сырыми, от чего получил боль, расстройство желудка, понос. Хорошо еще, что все прошло через одни сутки.

Да, пролетело и лето 42 года, а нашему полуголодному существованию не предвидится конца.

3 сентября. Зуйкова перевели в барак больных. Изолирован от остальных военнопленных.

5 сентября. Исполнилось год нашему существованию в Суоми, лучше было бы не жить этот год, так как ничего, кроме лишений и страданий, он не принес. Даже какой-либо надежды на нормальную человеческую жизнь мы не имеем.

Сегодня в последние дни жизни произошло нечто необыкновенное. Силами военнопленных провели вечер самодеятельности. Что-то год грядущий нам готовит?

6 сентября. Воскресенье. Получили хорошие пайки чистого хлеба. В 12 часов получаю сообщение, что умер Зуйков. Итак, — вечная память еще одному военнопленному, перешедшему в мир неведения.

9 сентября. Умерли Зайцев Василий Григорьевич и Баринов Игнат, Горьковская обл., Пильновский район, станция Княжины, д. 20. Отец Баринова — Потап Алексеевич. Город Горький, ул. Коммунальная, д. 14.

13 сентября. Положение с питанием, да и вообще отношение к военнопленным, изменилось в сторону ухудшения.

Примечание. В конце блокнота-дневника имеется календарь, в котором вычеркнуты прожитые в лагере дни до 13/IX 1942 г.

3. ПОКАЗАНИЯ ФИНСКИХ СОЛДАТ И ОФИЦЕРОВ

Финский солдат, сидевший до отправления на фронт в тюрьме Кейлиё, рассказал:

«Я видел в Кейлиё пленных красноармейцев. У них отняли сапоги и босых отправили на полевые работы. Чтобы не поранить ноги, красноармейцы привязали к своим ногам доски и обвернули их тряпками, Финские власти в таком виде водили их по городу, показывали народу: вот, мол, в чем воюют русские солдаты.

Финский прапорщик в своем дневнике записал: «Захвачены военнопленные. Устали. Некоторые не в силах двигаться. Их мучает рвота, изрыгающая непереваренную траву.

Похороны военнопленных. С трудом роют могилу. Кто-то из солдат меняет 5 марок на 5 рублей. Пленный просит: «Сколько-нибудь хлеба»...

Рейно Рекола, финский лейтенант, взятый в плен нашими бойцами, признался:

«Если нет специального приказа доставить военнопленного в штаб, финны допрашивают его на месте и убивают».

Солдат 7-го пограничного егерского батальона Саллинен, бывший до войны студентом Хельсингского университета, писал своим родным с фронта: «Вчера расстреляли двух «рюсся», отказавшихся приветствовать нас... Уж мы покажем этим «рюсся»!»

Солдат Вяйне Неваранта из 21 отдельного батальона, сдавшийся в плен 10 января 1942 г., показал:

«Я видел в районе Ванжозеро, когда на поле боя осталось два десятка раненых красноармейцев, что к раненым красноармейцам подошел лейтенант Ниеми, который застрелил красного командира и нескольких пленных красноармейцев. Он же отдал приказание одному из автоматчиков добить остальных. Так были добиты более двух десятков раненых красноармейцев».

Солдат Лаури Валениус из 56 пехотного полка, сдавшийся в плен 26 апреля 1942 г., показал:

«В дер. Лумбуши сержанты Линстрем, Рейно Мякеля и Микко Косолайнен рассказали друг другу о зверствах, которые они творили над пленными красноармейцами после занятия Медвежьегорска. Они расстреляли более 10 красноармейцев. А медсестру сперва изнасиловали, а потом убили».

Солдат Кауко Мянтюля из 3 пехотной бригады, сдавшийся в плен 26 апреля 1942 г., показал:

«Санитар Руохонен из 3 роты, 1 батальона был очевидцем, когда после боя у 14 разъезда группа пленных красноармейцев была раздета догола, в таком виде выстроена и расстреляна из автоматов».

Капрал финской армии Свен Эрик Тейфольг рассказал:

«В феврале и марте 1942 г., — говорит он, — я служил охранником в лагере военнопленных Раутакорпи у города Виипури. Пленные были распределены в бригады по 32 человека. Они работали на лесозаготовках по 10—12 часов в сутки. От бараков до места работы было семь километров и, таким образом, измученные тяжелой работой пленные проходили ежедневно 14 километров. Их кормили гнилым, неочищенным картофелем, но и его давали так мало, что люди голодали. Во время работы они часто падали в обморок. Все были обуты в ботинки с деревянными подошвами и одеты в изорванное летнее обмундирование, без шинелей, хотя тогда стояли сильные морозы.

Начальник лагеря ротмистр Паунанен приказал нам избивать или пристреливать пленных за малейшие проступки. Один пленный отошел без разрешения в сторону от места работы. Я его пристрелил. Если пленный уставал и не мог работать, его били. Охранник Эриксон и многие другие пристрелили по нескольку

пленных. В моей бригаде служил переводчиком пленный по имени Николай. Я избил его, потому что мне казалось, будто он хотел организовать работу не так, как я приказал.

Как-то один пленный остановился, чтобы передохнуть. За это его поставили на более тяжелую работу. Когда он уже не мог работать наравне с другими, его избили. Вскоре он умер. Однажды начальник лагеря вызвал нас к себе и начал ругать за то, что мы не умеем обращаться с пленными. Он сказал: «Я вам сам покажу наглядный пример».

Всех охранников и всех пленных выстроили на улице. Начальник лично выбрал одного пленного и начал бить перед строем.

Он бил его деревянной палкой до тех пор, пока тот не потерял сознание. Изо рта и из носа у него струилась кровь. Спустя несколько часов, пленный умер...»

Газета «В бой за родину»
от 17 августа 1944 г.

У военнопленного ефрейтора Оскара Липбургера, 13 роты, 137 горно-егерского полка, 2 горной дивизии, взятого в плен 5 мая 1942 г., среди личных вещей найдена красноармейская книжка на имя Гулина А. Я. с советскими деньгами. По этому поводу пленный дал следующее письменное показание:

«2 мая на одном из участков Мурманского фронта, на так называемой Швабской высоте, вторым батальоном 137 горно-егерского полка, 2-й горной дивизии было захвачено в плен несколько красноармейцев и, в числе их, несколько женщин. 2 русских солдата были настолько тяжело ранены в ноги, что при отправке других вынуждены были остаться. Полчаса спустя они были зверски убиты двумя солдатами из горной дивизии. Я подобрал красноармейскую книжку одного из них, которая раскрытой валялась на земле, с целью при первой возможности отдать вышестоящему начальству, чтобы его родные узнали о его смерти».

Перебежчик К. 137 горно-егерского полка 2-й горной дивизии показал:

«Когда мы стояли в Эльваресе, часть наших солдат охраняла лагерь русских военнопленных. В прошлом году обращение с ними было самое зверское. Был приказ расстреливать всех комиссаров, многие

пленные расстреливались на месте. В лагере пленных били (что я сам наблюдал), расстреливали за малейшую провинность. Хлеба дают 250 граммов. В лагере большей частью военнопленные, захваченные в Литве. Много киргизов, туркмен и кавказцев. Есть и пленные, взятые у Лицы, но их не более 10 процентов. В прошлом году пленные жили в холодном помещении — в конюшне. Во главе лагеря стоял в прошлом году прусский фельдфебель — фамилии его не знаю. Это жестокий человек. При лагере есть два переводчика. Охрана состоит из резервистов — пруссаков старших возрастов. Пленные сейчас сами себе готовят пищу. Часто устраиваются обыски, ищут ножи, кинжалы. Однажды была найдена винтовка с патронами. Возможно, что это была провокация. По этому делу один пленный был расстрелян. В другой раз двое пленных были расстреляны за попытку совершить побег.

Однажды в Эльваресе я и обер-ефрейтор Хирн пошли на кладбище русских военнопленных и увидели группу людей. Впереди шел человек в гражданском платье, сзади солдат из охраны лагеря с винтовкой и эсесовец с пистолетом. Мы хотели подойти, но солдат махнул нам, чтобы мы отошли. В это время эсесовец выстрелил заключенному в затылок и затем дал еще три выстрела. Тут к кладбищу подошли три русских военнопленных и закопали труп. Мы были уверены, что убитый был тоже военнопленный».

Солдат Вийтаниеми из 22 батальона, сдавшийся в плен 22 мая 1942 г., показал:

«Пленных красноармейцев я видел. 6 человек пленных красноармейцев работали на хозяйственных работах в госпитале в Медвежьегорске. Я лично видел, как надзиратели били пленных красноармейцев. Мой приятель служит при лагере военнопленных в Выборге. Он рассказал мне, что там на почве голода за одни сутки умирает несколько человек пленных красноармейцев. Едят, что попало: кошек, ворон».

Солдат Лаури Ройванен из 22 отдельного батальона, сдавшийся в плен 22 мая 1942 г., показал:

«У Медвежьегорска пленных красноармейцев заставили рыть могилы для убитых в бою. Офицер приказал после окончания работы прикончить пленных тут же. Они были все убиты».

Солдат Ленни Киннунен из 32 пехотного полка, сдавшийся в плен 27 мая 1942 г., показал:

«Когда были последние бои, на поле боя остались 5 раненых красноармейцев. К ним подошел пастор и сказал, что их надо добить. На второй день трупы 5 убитых красноармейцев лежали в канаве».

Солдат Хууго Юссила из 85 противовоздушной роты, взятый в плен 1 июля 1942 г., показал:

«В сел. Паданы имеется лагерь для военнопленных. Один военнопленный красноармеец при мне умер от истощения. Между Паданы и Медвежьей Горой тоже имеется лагерь для пленных красноармейцев. 70 военнопленных грузят топливо. Много военнопленных умирает от недостаточного питания».

Солдат Эркки Хейсканен из 3 пехотной бригады, взятый в плен 15 сентября 1942 г., показал:

«В Сулаж-горе наша рота охраняла военнопленных красноармейцев. Они размещались в нетопленных полуразрушенных домах. Я часто слышал от них слово «холодно», и руками они показывали, что хотят кушать».

Солдат Юхо Хейсканен из 3 пехотной бригады, взятый в плен 15 сентября 1942 г., показал:

«В Петрозаводске навстречу нам шли пленные красноармейцы. Их гнали ударами прикладов. Я видел раненого красноармейца. Один из наших солдат взял автомат и пристрелил его на месте».

Солдат Калле Кивиниеми из 101 пехотного полка, сдавшийся в плен 11 апреля 1943 г., показал:

«В районе Ряйселя мы нашли раненого красноармейца, у него были прострелены ноги. Солдат Силвениус пристрелил его из винтовки».

Пленный солдат 18 финской пехотной дивизии Альберт Андерс Гунная рассказал:

«Я добровольно поступил в финскую армию 16 июля 1941 г. и был зачислен в шюцкоровскую роту, которая находилась в Восточной Карелии. В октябре 1942 г. меня перевели в 18 пехотную дивизию. Находясь в шюцкоровской роте в Виелярви, мы охраняли лагерь советских военнопленных. Пленные влачили жалкое и голодное существование. На завтрак они получали воду и крошечный кусочек хлеба с боль-

шой примесью древесной муки. После этого пленных угоняли на работу. Надсмотрщики подгоняли их и избивали. На обед пленным выдавали несколько ложек несъедобной каши из отходов ржаной муки или похлебки из картофельных отбросов. Только очень изголодавшийся человек мог есть такую пищу. Из числа солдат, охраняющих лагерь, я знаю Пааво Оландер и Эркки Ехюдениус из Оулункюля, Бертол Нюмаш из Хельсинки.

Они могут подтвердить, что я говорю правду. Лагерь военнопленных имеется также около Маткаселька. Заключенные в этом лагере работают на лесозаготовках. Проездом я видел их за работой. У пленных был крайне изможденный вид. Несмотря на сильный мороз, они были одеты в тряпье. О расстрелах русских военнопленных мне рассказывали многие финские солдаты».

Взятый в плен солдат финской армии Хейкки Койвисто показал:

«На нашем участке фронта за последнее время было четыре пленных, которых заставляли работать на передовых позициях, а порой даже впереди окопов, под огнем русских. По приказу главного финского командования за побег одного русского военнопленного немедленно расстреливают десять его товарищей. Один офицер приказал расстрелять 40 военнопленных за то, что в бою осколками ваших снарядов были убиты два финских офицера».

Пленный Рипонен показал:

«Военнопленные в Райвола — это живые мертвецы в лохмотьях. За малейшую провинность их нещадно бьют палками. Здесь каждый день умирают замученные, заморенные голодом люди. Как-то два пленных красноармейца под конвоем выполняли тяжелую работу. Мимо проходил пьяный шюцкоровец. Он подошел к пленному, проворчал: «У, русс», — и вонзил нож ему в грудь».

Взятый в плен солдат Кемппайнен рассказал, что на строительстве железной дороги Куусамо — Суомус-Салми пленные советские бойцы работают по 16 часов в сутки голодные, оборванные, босые. Они вынуждены выбирать из помойных ям отбросы.

В Сюскюярви в лагере советских военнопленных находилось около ста человек. Здесь финны били пленных красноармейцев железными прутьями по голой спине. Зверские истязания, издевательства над военнопленными вошли в распорядок дня.

Солдат Вихтори Коскинен из 35 пехотного полка, взятый в плен 15 января 1943 г., показал:

«В нашей деревне Сюскюярви имеется лагерь для русских пленных. Там содержится 100 пленных красноармейцев. Пленные работают на разных работах. В 20 км от нашей деревни находится второй лагерь для пленных красноармейцев. В этих лагерях пленных бьют прутьями по голой спине».

Солдат Кейо Лехтонен из 5 пограничного егерского батальона, сдавшийся в плен 8 марта 1943 г., показал:

«Мой знакомый Паули Яловаара, который был на севере, рассказал, что там в лагере много красноармейцев умерло от голода. Их кормят гнилой картошкой и рыбой. Летом прошлого года на станции Тойяла я видел пленного красноармейца, который был закован в кандалы. Сам он был в крови. Сопровождающий его солдат сказал, что ведет пленного на расстрел. В местечке Ройсио построен лагерь для русских пленных. Однажды пленные проходили мимо дома и хотели зайти в дом, чтобы выпросить у хозяйки картофельную шелуху. Но солдаты из команды охраны открыли по ним огонь из автоматов. Среди пленных были раненые и убитые».

Солдат Кауко Мянтюля из 3 пехотной бригады, сдавшийся в плен 26 апреля 1943 г., показал:

«В расположении нашей роты работали четыре военнопленных, которые на переднем крае ставили проволочные рогатки. В лагере для пленных красноармейцев свирепствует сыпной тиф».

Солдат Калле Кивиниеми из 111 пехотного полка, сдавшийся в плен 11 апреля 1943 г., показал:

«В лагере для военнопленных в г. Виипури около 15 тыс. пленных красноармейцев. За одну неделю там умирает от голода 100 пленных. Пленных, которые не дают требуемых показаний, полицейские сильно избивают дубинками. Я видел, как одного красноармейца

избили дубинкой до полусмерти за то, что он не мог работать».

Солдат Сулхо Майне из 35 пехотного полка, взятый в плен 25 апреля 1943 г., показал:

«В Пиндушах большой лагерь для военнопленных. Второй лагерь в Медвежьегорске. Я видел, когда колонну пленных красноармейцев вели мимо городской свалки. Пленные бросились туда, начали рыться в мусоре и жадно совали в рот все отбросы. Мой знакомый Лийлоя работает охранником военнопленных. Он писал жене, что пленные красноармейцы умирают от голода».

Солдат Эдвард Хаапалайнен из 101 пехотного полка, сдавшийся в плен 11 апреля 1943 г., показал:

«В тюрьме Пельсо охраняют пленных красноармейцев. С 15 сентября по февраль 1942 г. более 100 человек умерло от голода. Однажды один из пленных не мог встать в строй. Охранники избили его сапогами. Других пленных красноармейцев увели, а упавший остался лежать, ибо он был мертвый».

Солдат Пентти Мякинен из 101 пехотного полка, сдавшийся в плен 4 июня 1943 г., показал:

«Пленных красноармейцев я видел в г. Петрозаводске. Они рылись в навозе и искали остатки пищи и тут же съедали найденное. Однажды я видел, как пленные красноармейцы съели дохлую собаку».

Солдат Мартти Нюстрем из 101 пехотного полка, сдавшийся в плен 18 мая 1943 г., показал:

«В Медвежьегорске я видел группу русских военнопленных в количестве 30 человек, которых вели на работу. У каждого пленного на спине была бирка с большой буквой «V» (пленный). Они были очень худые и двигались с трудом. Охранник Херман всегда охотно рассказывал о пленных красноармейцах, которых они охраняли. Он рассказывал, что пленных продавали крестьянам за 5 марок.

За плату крестьянин может использовать пленного на любой работе в течение одних суток. Один крестьянин убил пленного и ему за это ничего не было. В Пельсо много пленных красноармейцев умерло от дизентерии из-за отсутствия врачебной помощи».

Солдат Рейно Вуото из 101 пехотного полка, сдавшийся в плен 26 июля 1943 г., показал:

«Мой брат служил охранником в лагере военнопленных в городе Ханко. Он рассказал, что пленных красноармейцев расстреливают под предлогом, что они стремятся бежать. Пленных избивают за то, что они собирают остатки пищи в помойных ямах».

Солдат Мартти Лааксонен из 101 пехотного полка, сдавшийся в плен 8 сентября 1943 г., показал:

«Мой брат Эйнар Лааксонен, который работал в местечке Вирккула, рассказал, что там 15 пленных красноармейцев умерли от голода и их закопали в помойную яму в местечке «Лохья».

Солдат Юхо Койвунен из 101 пехотного полка сдавшийся в плен 4 августа 1943 г., показал:

«В Петсамо было много пленных красноармейцев. В камерах размером 5 × 5 метров содержат русских военнопленных по 60 чел., а финских заключенных только 12 человек. Пленных кормили очень плохо.

У кухни, где им варили, я видел дохлого коня, из мяса которого выползали черви. В нашем взводе солдат Юсси Кивистё, забавляясь, расстрелял много пленных красноармейцев. Узнав об этом, капитан Виккери сказал: «Мне такие солдаты нужны».

Солдат Ойва Тауриайнен из 12 пехотного полка, взятый в плен 20 ноября 1943 г., показал:

«В городе Каяни большой лагерь военнопленных. Пленных продают крестьянам. Пленных красноармейцев избивают дубинками».

Солдат Лаури Тойвонвирта из 3 пехотной бригады, взятый в плен 11 декабря 1943 г., рассказал:

«В феврале 1942 г., во время боев к нам попало в плен много красноармейцев. 60 человек пленных водили по железной дороге и незаметно по ним открыли пулеметный огонь и убили их всех. Об этом знают все солдаты 3 пехотной бригады. Когда я служил в 46 пехотном полку, во время боев наш полк захватил в плен 7 красноармейцев, среди них 2-х женщин. По приказанию зам. командира подполковника Саури их после опроса расстреляли».

В январе 1944 г. на сторону Красной Армии перешел финский солдат М.

На допросе он показал:

«В район Александровки, на участок переднего края, была пригнана группа из 7 пленных красноармейцев строить укрепления: таскать бревна, камни и рыть землю.

Во время перестрелки шесть красноармейцев были ранены, из них двое тяжело. Тогда батальонный врач, вместо того, чтобы оказать раненым красноармейцам помощь, распорядился их расстрелять. По приказу командира роты Хууго Сивонен двое тяжело раненных были расстреляны тут же. Четырех, легко раненных, солдаты отвели за горку, где всех поодиночке расстреляли. Остался невредимым один красноармеец. Тогда капрал Бруно Мутонен застрелил и его».

«Мне довелось видеть пленных красноармейцев в лагерях, расположенных в Териоки и Муста-Мяки, — рассказал М. — Все они выглядят крайне изнуренными. Пленному выдается около 100 граммов черствого хлеба и миска жидкого супа в день. Они выполняют тяжелые работы: таскают на себе бревна, возят камни, грузят лес. Все пленные одеты в лохмотья, глубокой осенью многие еще ходили совершенно босыми».

ХЛАДНОКРОВНЫЕ УБИЙЦЫ

Хладнокровное убийство советских военнопленных стало в финской армии обычным явлением. Командир взвода пулеметной роты 21 отдельного батальона финской армии прапорщик Каулке лично расстрелял неподалеку от Медвежьегорска группу пленных красноармейцев. Сержанты 12 роты 56 пехотного полка Линдстрем, Мякеля и Косолайнен расстреляли 10 пленных.

Лейтенант Юхля из роты ПТО 101 пехотного полка публично хвастался, что расстрелял много пленных красноармейцев. Солдат той же роты Юсси Кивистё расстрелял «для забавы» 2 пленных. Когда командир роты, капитан Никкери узнал об этом, он сказал с восхищением: «Вот такие солдаты мне нужны!».

Финны глумятся над ранеными, попавшими в плен, и добивают их. Лейтенант Ниеми из 21 отдельного батальона финской армии лично застрелил в Медвежьегорске 8 раненых красноармейцев и приказал стоявшему поблизости автоматчику пристрелить и осталь-

ных раненых, попавших в плен. Командир 1 батальона 3 пехотной бригады увидел раненого красноармейца, 3 дня лежавшего без медицинской помощи и истекавшего кровью. По его приказу пленный был отравлен, а группа пленных раздета догола и расстреляна из автоматов. Солдат 2 взвода пульроты 23 отдельного батальона 101 пехотного полка Салвениус застрелил в лесу под Ряйселя пленного красноармейца, у которого были перебиты обе ноги.

Сержанты 12 роты 56 пехотного полка Линдстрем, Мякеля и Косолайнен, захватив в плен санитарку, изнасиловали ее, убили и обнаженный труп подвергли неслыханному осквернению.

Подполковник *К. Селезнев*

(Составлено по показаниям пленных)

Газета «За нашу победу»
от 22 июля 1944 г.

В ЗАСТЕНКАХ ЛАХТАРЕЙ

С этим никогда не примирится разум.

Уже, кажется, ничего нового не сможет придумать изощренная фантазия немецко-финских палачей; опять война с безоружными — стариками, женщинами, детьми, опять кошмарные издевательства над военнопленными командирами и красноармейцами... Но вот стоит перед нами Тойво Арвид Лайне в своей дряпной серой курточке, глядит в пространство потухшими, бесцветными глазами и подробно рассказывает, что видел, божится и опять продолжает рассказ, клянется и призывает в свидетели товарищей из 20-й пехотной бригады.

Перед нашими глазами — лагерь для русских, находившийся близ Суоярви, страшный лагерь, обитатели которого знали только одну возможность избавиться от нечеловеческих мук — смерть.

Здесь за колючей проволокой содержалось около тысячи военнопленных: истощенные тела их покрывали жалкие лохмотья. Многие от голода уже не в состоянии были ходить, но охранники палками поднимали их на ноги и гнали в лес на работу.

После 15—16 часов изнуряющего труда они получали по кусочку хлеба, в котором мука была приме-

шана к опилкам, и по кусочку конины. Однажды начальник лагеря вынул из кобуры револьвер и просто так, для острастки, на виду у всех застрелил пленного, стоявшего поблизости.

— Все это могут подтвердить наши солдаты, — говорит Арвид, считая, видимо, что зверства лахтарей прежде были для нас секретом.

— Я видел, — продолжает он, — как четыре охранника натравили собаку на пленного русского. Собака свалила его с ног и начала рвать тело. Лицо и руки его были в крови, а охранники давились от смеха. Вдоволь натешившись, они отозвали собаку, а пленный, шатаясь и падая на каждом шагу, заковылял к бараку; позади за ним тянулся кровавый след.

— Это тоже могут подтвердить мои товарищи, — не забывает напоминать Арвид.

Но все это меркнет перед описанием лагеря в Кёулиё близ Турку, где находились раненые. Их тоже гнали на работы, предварительно отобрав сапоги. И они ходили босиком, разбивая в кровь ноги, покрытые страшными нарывами и язвами.

Раненых не положено было лечить, зато их избивали до потери сознания. Они сами, если могли, вытаскивали из ран пули, осколки снарядов и мин. Конечно, их морили голодом: велика ли польза от умирающих! И они поедали всякие отбросы.

...Это было зимой. На перевязочный пункт роты был доставлен тяжело раненный русский. Никакой помощи ему не оказали и оставили на ночь под открытым небом. К утру пленный замерз. Мы уже видели один из самых страшных застенков, созданных финнами для мирных жителей в Петрозаводске. Мы знаем, что там творилось, по рассказам узников, которым посчастливилось выжить в этом лагере смерти.

Но вот свидетельства самих финнов:

— У станции Петрозаводск был участок, огражденный колючей проволокой. Когда мы проходили мимо, оттуда всегда доносились крики и плач. Внутри лагеря, за проволокой, виднелись полуголые дети 6—7 лет. Они тянули ручонки, прося хлеба или денег. Но часовые стреляли в прохожих, как только те хотели приблизиться к проволоке.

— Каждый день из Петрозаводского лагеря на десяти—двенадцати повозках вывозили трупы умер-

ших, — дополняет показания Арвида Лайне солдат бронетанковой дивизии Саарелайнен.

Мы не забыли, что лахтари бредили «великой Финляндией» до Урала.

— Нам говорили, — вспоминает капрал Ойва Туркия из 4-й пехотной дивизии, — что Ингерманландия и Карелия будут присоединены к Суоми вместе с другими областями...»

Если бы дать им волю, они превратили бы в застенок весь наш Север и Восток.

Недавно танкисты старшего лейтенанта Прокопенко нашли на дороге трупы наших разведчиков, исполосованные финскими ножами, с вырезанными на груди звездами. То были люди из соседней части, боевые товарищи. Наши бойцы поклялись над телами замученных, что отомстят сполна финским разбойникам за все их злодеяния.

И танкисты свято держат свое слово, как держат его наши пехотинцы, артиллеристы, летчики — бойцы всех родов оружия.

А. Рискин.

«Ленинградская правда»
19 августа 1944 г.

Карельский перешеек

ПИСЬМО ДОКТОРА ГЮИДО ПИДЕРМАН ОБ УСЛОВИЯХ СОДЕРЖАНИЯ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ФИНСКИХ ЛАГЕРЯХ[1]

«Цюрих, октябрь 1942 г.

Высокоуважаемый господин!

В середине сентября 1942 г. я возвратился из пятимесячной поездки в Хельсинки, где я работал в качестве хирурга финского Красного Креста. Финны, которым я был известен как член 1-й швейцарской врачебной миссии зимой 1939-40 г., оказали мне большое доверие, предоставив возможность посещения многих лагерей для русских военнопленных.

В июле этого года я посетил 6 различных лагерей (лагерь офицеров, трудовой лагерь, пересыльный лагерь) без официального поручения с чьей-либо стороны. В лагерях я имел возможность по своему желанию фотографировать и захватить с собой в Швейцарию снимки, часть которых воспроизведена в приложении к моему письму.

Положение русских военнопленных в финских лагерях таково, что я считаю необходимым довести об этом до сведения людей, для которых духовное наследие Анри Дюнан[2] стало человеческой обязанностью.

---

[1] Швейцарец, доктор Гюидо Пидерман лично наблюдал зверское обращение финнов с советскими военнопленными. Свои наблюдения он сообщил одному общественному деятелю. Письмо Пидермана окольными путями попало в СССР. Приводим выдержки из письма.

[2] Анри Дюнан — основатель международной организации Красного Креста.

...В июле 1942 г. в финских лагерях находилось приблизительно 30 тысяч военнопленных. Это были оставшиеся в живых от 45 тысяч пленных, 15 тысяч уже умерло от голода и болезней на почве недоедания. Так сообщили мне об этом в Финляндии.

В лагерях, которые я посетил, я нашел пленных в очень тяжелом положении. Бо́льшая часть обитателей лагерей находилась в явно истощенном состоянии. Я видел заболевания на почве истощения во всех стадиях: впалые щеки, ввалившиеся глаза, опухшие ноги, вздутые животы, исхудавшие человеческие тела, подобные скелету, — все это свидетельствовало о крайнем истощении на почве голода. Самые изнуренные среди пленных были настолько слабы, что едва могли держаться на ногах. Многие лежали уже на протяжении многих дней и недель на жестких нарах в бараках и в барачной больнице и страдали кровавым поносом. Финский офицер из комендатуры одного трудового лагеря сказал мне, что ежедневная производительность труда семи «здоровых» русских в лагере едва достигает производительности одного финского рабочего. «Они делают это не по злой воле, — заявил офицер. — Они просто очень слабы. Когда я им однажды выдал картофель, то они на следующий день повысили производительность труда в два и в четыре раза».

Заболевания принимают в лагере пленных катастрофические размеры. Сопротивляемость организма у этих истощенных людей сведена к нулю.

Финский врач одного трудового лагеря рассказал мне следующее:

«Часто пленные заявляют, что они из-за слабости не в состоянии продолжать работу. Я осматриваю их и не нахожу ничего особенного, кроме общего истощения. Через неделю нахожу у тех же людей большие каверны в легких, они умирают в течение 4—6 недель от явно прогрессирующего туберкулеза легких». В таких условиях даже незначительные, пустяковые раны не заживают. Они нередко переходят в кровоточащую гангрену и принимают, таким образом, угрожающую для жизни форму... Жилых помещений явно недостаточно. Так например, я видел барак площадью 15 × 7 метров, в котором было размещено 230 человек. Очевидно, что при такой скученности людей имеется чрезвычайная опасность инфекционных

заболеваний даже для людей, нормально питающихся, а тем более для истощенных людей...

О состоянии одежды пленных Вы можете составить себе представление по приложенным фотоснимкам. Все, что они имеют, — это изорванное в клочья солдатское обмундирование. Даже на зиму не все обеспечены обувью, а часть имеющейся обуви находится в самом скверном состоянии.

Я имел возможность получить в Центральном бюро по делам пленных сведения о статистике смертности среди пленных. Кривая смертности представляет собой наглядную картину положения военнопленных: в январе — феврале 1942 г. смертность среди пленных, находящихся в лагерях, достигла катастрофического уровня — до 30% в неделю. На таком уровне смертность держалась в течение нескольких недель. Затем смертность до июля постепенно снизилась, благодаря улучшению условий жизни летом. Но все еще каждую неделю умирали от голода и его последствий сотни молодых людей. Безусловно, что с наступлением холодной погоды смертность снова значительно увеличилась...

В этих условиях необходимо считаться со страшным фактом, что десятки тысяч людей, или даже больше, погибнут предстоящей зимой.

Международный Комитет Красного Креста, которому я представил подробный медицинский отчет о состоянии русских плечных в Финляндии и которому я предложил свои услуги для оказания какой бы то ни было помощи пленным, сообщил мне три недели тому назад, что он имеет в виду оказание таковой. Однако я имею основания опасаться, что эта помощь придет слишком поздно.

Во имя голодающих и страдающих от холода, во имя тех людей, которым угрожает страшная смерть, за жизнь которых я также чувствую себя ответственным с тех пор, как стал свидетелем ужасающей нужды, прошу Вас: помогите мне немедленно осуществить кампанию по оказанию им помощи...

Доктор *Гюидо Пидерман*

Цюрих 8, Физикштрассе 6».

(Перевод с немецкого)

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие 3

ОПЕЧАТКИ 13

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
47	13 сверху	Выгозерского	Вырозерского
99	18 снизу	29 февраля 1943 года	29 февраля 1941 года
117	6 сверху	альвеблярных	альвеолярных
186	18 сверху	12 дворов	14 дворов

27

33

53

68

153

II. Зверства финско-фашистских палачей над ранеными и пленными бойцами и офицерами Красной Армии

1. Зверства финских военных преступников на фронте . . 201
2. В концентрационных лагерях для советских военнопленных 248
3. Показания финских солдат и офицеров 287
4. Письмо доктора Гюидо Пидерман 300

Зак. 1151.

заболеваний даже для людей, нормально питающихся, а тем более для истощенных людей...

О состоянии одежды пленных Вы можете составить себе представление по приложенным фотоснимкам. Все, что они имеют, — это изорванное в клочья солдатское обмундирование. Даже на зиму не все обеспечены обувью, а часть имеющейся обуви находится в самом скверном состоянии.

Я имел возможность получить в Центральном бюро по делам пленных сведения о статистике смертности среди пленных. Кривая смертности представляет собой наглядную картину положения военнопленных: в январе — феврале 1942 г. смертность среди пленных, находящихся в лагерях, достигла катастрофического уровня — до 30% в неделю. На таком уровне смерт-

[illegible] придет слишком поздно.

Во имя голодающих и страдающих от холода, во имя тех людей, которым угрожает страшная смерть, за жизнь которых я также чувствую себя ответственным с тех пор, как стал свидетелем ужасающей нужды, прошу Вас: помогите мне немедленно осуществить кампанию по оказанию им помощи...

Доктор *Гюидо Пидерман*

Цюрих 8, Физикштрассе 6».

(Перевод с немецкого)

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие 3

Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников о злодеяниях финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР 13

К ответу финских извергов!

(Передовая «Правды» за 18 августа 1944 г.) . . . 27

I. Порабощение, ограбление и истребление мирных советских граждан финскими захватчиками

1. Показания пострадавших и очевидцев о зверствах финских захватчиков 33
2. Показания солдат и офицеров финской армии и свидетельства финско-фашистской и иностранной печати . . 53
3. В концентрационных лагерях для мирного советского населения 68
4. Сожжение и разрушение городов и деревень в оккупированных районах Карело-Финской ССР 153

II. Зверства финско-фашистских палачей над ранеными и пленными бойцами и офицерами Красной Армии

1. Зверства финских военных преступников на фронте . . 201
2. В концентрационных лагерях для советских военнопленных 248
3. Показания финских солдат и офицеров 287
4. Письмо доктора Гюидо Пидерман 300

Цена 12 руб.